

БОЛЬШИЕ ФФ КНИГИ

Урсула
Ле Гуин

ВЫШЕ ЗВЕЗД

и другие истории

« А З Б У К А »

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Урсула Ле Гуин

Выше звезд и другие истории

«Азбука-Аттикус»

1962–2014

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Ле Гуин У. К.

Выше звезд и другие истории / У. К. Ле Гуин — «Азбука-Аттикус», 1962–2014 — (Фантастика и фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-21967-0

Урсула Ле Гуин — классик современной фантастики и звезда мировой литературы, лауреат множества престижных премий (в том числе девятикратная обладательница «Хьюго» и шестикратная «Небьюлы»), автор «Земноморья» и «Хайнского цикла». Один из столпов так называемой мягкой, гуманитарной фантастики, Ле Гуин уделяла большое внимание вопросам социологии и психологии, межкультурным конфликтам, антропологии и мифологии. Данный сборник включает лучшие из ее внецикловых произведений: романы «Жернова неба», «Глаз цапли» и «Порог», а также представительную ретроспективу произведений малой формы, от дебютного рассказа «Апрель в Париже» (1962) до прощальной аллегории «Кувшин воды» (2014). Некоторые произведения публикуются на русском языке впервые, некоторые — в новом переводе, остальные — в новой редакции.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-21967-0

© Ле Гуин У. К., 1962–2014
© Азбука-Аттикус, 1962–2014

Содержание

Жернова неба	6
1	6
2	9
3	20
4	28
5	34
6	46
7	55
8	68
9	76
10	90
11	104
Глаз цапли	109
1	109
2	116
3	124
4	132
5	141
6	150
7	157
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Урсула Ле Гуин

Выше звезд и другие истории

Ursula K. Le Guin

THE LATHE OF HEAVEN © Ursula K. Le Guin, 1971

THE EYE OF THE HERON © Ursula K. Le Guin, 1978

THRESHOLD © Ursula K. Le Guin, 1980

APRIL IN PARIS © Ursula K. Le Guin, 1962

THE MASTERS © Ursula K. Le Guin, 1963

DARKNESS BOX © Ursula K. Le Guin, 1963

NINE LIVES © Ursula K. Le Guin, 1969

THINGS © Ursula K. Le Guin, 1970

THE FIELD OF VISION © Ursula K. Le Guin, 1973

THE ONES WHO WALK AWAY FROM OMELAS © Ursula K. Le Guin, 1973

THE AUTHOR OF THE ACACIA SEEDS AND OTHER EXTRAXTS FROM THE
JOURNAL OF THE ASSOCIATION OF THEROLINGUISTICS © Ursula K. Le Guin, 1974

THE STARS BELOW © Ursula K. Le Guin, 1974

MAZES © Ursula K. Le Guin, 1975

THE NEW ATLANTIS © Ursula K. Le Guin, 1975

THE DIARY OF THE ROSE © Ursula K. Le Guin, 1976

THE EYE ALTERING © Ursula K. Le Guin, 1976

THE PATHWAYS OF DESIRE © Ursula K. Le Guin, 1979

THE WIFE'S STORY © Ursula K. Le Guin, 1982

SHE UNNAMES THEM © Ursula K. Le Guin, 1985

BUFFALO GALS, WON'T YOU COME OUT TONIGHT © Ursula K. Le Guin, 1987

THE KERASTION © Ursula K. Le Guin, 1990

NEWTON'S SLEEP © Ursula K. Le Guin, 1991

THE ROCK THAT CHANGED THINGS © Ursula K. Le Guin, 1992

THE POACHER © Ursula K. Le Guin, 1993

OLDERS © Ursula K. Le Guin, 1995

THE WILD GIRLS © Ursula K. Le Guin, 2002

PARADISES LOST © Ursula K. Le Guin, 2002

THE JAR OF WATER © Ursula K. Le Guin, 2014

© Д. М. Бузаджи, перевод, 2022

© Кир Булычев (наследник), перевод, 1971

© Нора Галь (наследники), перевод, 2022

© Р. Герман (наследники), перевод, 2022

© А. И. Корженевский, перевод, 1988, 1990

© В. С. Кулагина-Ярцева, перевод, 1999

© М. Д. Лахути, перевод, 2022

© Д. М. Смушкович, перевод, 1998, 2003

© И. А. Тогоева, перевод, 1989, 1990, 1992, 1997, 2008

© Т. Н. Чернышева, перевод, 1992

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Оформление обложки Егора Саламашенко

Жернова неба

1

И вы, и Конфуций – это только сон, и то, что я называю вас сном, тоже сон. Речи эти кажутся загадочными, но, если после многих тысяч поколений в мире появится великий мудрец, понимающий их смысл, вся вечность времен покажется одним быстротечным днем!¹

Чжуан-цзы, глава II

Влекомая течениями, гонимая волнами, покорная неодолимому притяжению всей мощи океана, медуза покачивается в бездне приливных вод. Свет проходит сквозь нее, и тьма входит в нее. Ее влечет, гонит, тянет – с места на место, отсюда туда, ибо в морских глубинах нет иных направлений, кроме ближе и дальше, выше и ниже, – и медуза парит и качается; могучий пульс дневными и ночными ударами бьет во вздымающемся к Луне океане, и по ее телу проходит мелкая частая дрожь. Парящее, качающееся, дрожащее, это эфемерное, зыбкое существо защищено лишь яростью и силой моря, которому оно вручило свою жизнь, свой путь и свою волю.

Но тут встают упрямые континенты. Проплешины песчаных отмелей и скалистых утесов расталкивают воду и рвутся в воздух – страшный сухой космос, где яркий свет и переменчивость, где не на что опереться жизни. И вот, вот течения обманывают и волны предают: сломав свой вечный круг, бросаются шумной пеной на скалы и в воздух, ломаясь...

Что существу, рожденному движением вод, делать на сухом песке дня? Что каждое утро делать сознанию, просыпаясь?

Веки у него сгорели, так что закрыть глаза он не может, и свет проникает в мозг, обжигая. Повернуть голову не получается: его прижало бетонными обломками и торчащая из них арматура держит его голову в тисках. Когда все это исчезает, он снова в состоянии двигаться – и садится. Оказывается, он на бетонных ступенях; рядом с рукой растет одуванчик: пробился сквозь трещину в бетоне. Через некоторое время он поднимается, но его страшно мутит, и он понимает: лучевая болезнь. Дверь всего в двух футах от него: в надутом состоянии пневмокроватка занимает полкомнаты. Он добирается до двери, открывает ее, выползает наружу и растягивается на линолеумном полу бесконечного коридора, который слегка вздымается и покачивается, и только где-то вдали, через несколько миль, мужской туалет. Он бредет туда, держась за стену, однако держаться не за что, и стена превращается в пол.

– Ничего, ничего.

Лицо коридорного охранника повисло над ним, как бумажный фонарик, – бледное, обамленное седеющими волосами.

– Это из-за радиации, – сказал он, но Мэнни, кажется, не понял и только повторял: «Ничего».

Он опять оказался на кровати у себя в комнате.

– Перепил?

– Нет.

– Таблеток наелся?

– Тошнит.

---

¹ Перевод В. Малявина. (Здесь и далее – примеч. перев.)

– Что принимал?

– Не смог подобрать, – сказал он, имея в виду, что пытался запереть дверь, сквозь которую проникали сны, но ни один ключ не подошел к замку.

– Врач поднимается с пятнадцатого этажа, – сказал Мэнни, и голос его был еле слышен за ревом прибора.

Тело свело судорогой, он задыхался. Рядом на кровати сидел незнакомый человек со шприцем в руке и глядел на него.

– Ну вот, – сказал незнакомец, – приходит в себя. Хреново тебе? Ничего, в твоём положении и должно быть хреново. Закинулся всем этим сразу? – Он показал на семь пластиковых конвертиков из автоматической аптеки. – Неудачная смесь: барбитураты и декседрин. Чего добивался?

Дышать было тяжело, но тошнота отступила, осталась только дикая слабость.

– Все датированы этой неделей, – продолжал медик, молодой человек с собранными в хвост коричневыми волосами и плохими зубами, – значит брал не на свою аптечную карту. Придется сообщить. Самому не хочется, но меня вызвали, так что других вариантов нет. Да ты не бойся: такие таблетки не уголовщина – просто придет повестка в полицию, пошлют на обследование на медицинский факультет или в районную клинику и оттуда уже отправят или к врачу, или психологу на ДТЛ – добровольное терапевтическое лечение. Я уже заполнил заявку, ввел твои паспортные данные. Уточни только, сколько времени принимаешь эти лекарства в объеме, превышающем личную квоту?

– Пару месяцев.

Врач, положив бумагу на коленку, сделал пометку.

– У кого брал аптечные карты?

– У друзей.

– Как их зовут?

Помолчав, медик добавил:

– Ну хотя бы одно имя. Чистая формальность. Ничего им не будет. Получат выговор из полиции, а контролеры ЗОС год будут присматривать за их картами. Просто формальность. Одно имя.

– Не могу. Они пытались мне помочь.

– Слушай, если не назовешь имен – это сопротивление. За это или арест, или запишут в психушку на принудительное лечение. Они все равно, если захотят, могут отследить карты по аптечным записям, просто так быстрее. Давай, хоть одно имя.

От непереносимого света он закрыл лицо руками и сказал:

– Нет, не могу. Мне нужна помощь.

– Да у меня он карту взял, – вмешался охранник. – Ага, Мэнни Аренс, 247-602-6023.

Медик заскрипел авторучкой.

– Не брал я твою карту.

– Ничего, пускай почешут репу. Все равно не будут проверять. Все постоянно берут карты друг у друга, не уследишь. Я то свою кому-то даю, то беру у приятеля. Выговоров этих накопилось куча. Они не в курсе. Я такие вещи пробовал, о которых в ЗОС и не слышали. Ты просто по первости, Джордж. Ничего, не переживай.

– Я не могу. – Он имел в виду, что не может позволить Мэнни лгать ради него, не может помешать ему лгать ради него, не может не переживать, не может так жить дальше.

– Часа через два-три станет лучше, – сказал врач, – но сегодня на улицу лучше не надо. Центр все равно стоит. Машинисты ПЖДС опять пытаются бастовать, нацгвардейцы пытаются сами водить поезда в подземке, и в новостях говорят, что там полный бардак. Так что лежи и не дергайся, а я пошел. Придется пешком. Черт побери, десять минут топтать до этого муниципального клоповника на Макадам.

Он встал, и кровать подпрыгнула.

– Представляете, в одном этом комплексе двести шестьдесят детей с квашиоркором! Все из семей малоимущих или тех, что на базовой помощи. Белка не хватает – вот и болеют. А я что могу сделать? Уже пять запросов послал на минимальный белковый рацион, но ни хрена – одна бюрократия и отговорки. Говорят, на базовой помощи денег на еду должно хватать. Ага, конечно, а если ее не купишь? Пошло оно все. Приходится выписывать аскорбинку и делать вид, что недоедание – это просто цинга...

Дверь захлопнулась. Кровать качнуло: это Мэнни сел на место доктора. Слегка потянуло чем-то сладковатым, словно свежескошенной травой. Откуда-то из-за темноты закрытых глаз, из-за клубящегося тумана донесся его голос:

– А хорошо все-таки быть живым!

2

Небесные Врата – это отсутствие чего бы то ни было².
Чжуан-цзы, глава XXIII

Из кабинета доктора Уильяма Хейбера не открывался вид на гору Худ. Врач занимал недорогое помещение на внутреннем периметре шестьдесят третьего этажа Уилламеттской восточной башни, откуда вид не открывался ни на что. Но на одной из глухих стен красовалось крупное фотографическое изображение горы Худ, на которое доктор Хейбер смотрел, разговаривая по внутренней связи со своей помощницей в приемной.

– А кто этот Опп, Пенни? Истерик с симптомами проказы?

Она сидела от него всего в метре через перегородку, но аппарат интеркома, как и диплом в рамке на стене, вселяет во врача – и в пациента – дополнительную уверенность. Да и потом, не пристало психиатру открывать дверь и кричать: «Следующий!»

– Нет. Тот мистер Грин, завтра в десять. А это от доктора Уолтерса с медицинского факультета. На ДТЛ.

– А, наркоман. Нашел его дело. Хорошо, как поднимется – зови.

Еще не договорив, он услышал, как с подвыванием добрался до этажа и остановился лифт, лязгнули двери, затем шаги, легкая заминка и скрип внешней двери. Поскольку он теперь прислушивался, до его сознания из помещений по всему коридору, а также с этажей под ним и над ним начал доходить стук дверей, стрекот пишущих машинок, гул голосов, шум воды, смываемой в унитазы. Трудность была как раз в том, чтобы научиться все это не слышать. Надежные перегородки остались только в голове.

Пока Пенни оформляла нового пациента, доктор Хейбер опять уставился на фотографию и задумался, когда же ее сделали. Голубое небо, снег от подножия до вершины. Наверное, много лет назад, в шестидесятых или семидесятых. Парниковый эффект проявлялся постепенно, и Хейбер, родившийся в 1962-м, хорошо помнил, что в детстве было голубое небо. Но сегодня вечные снега сошли со всех горных вершин, даже с Эвереста, даже с огнедышащего Эребуса на пустынном антарктическом побережье. Хотя, конечно, могли взять современную фотографию и подрисовать голубое небо и белую вершину – не догадаешься.

– Добрый день, мистер Опп! – Он с улыбкой поднялся с кресла, но руки не подал: многие пациенты перед телесным контактом нынче испытывают ужас.

Пациент неловко убрал уже протянутую было руку, потерял цепочку на шее и сказал:

– Здравствуйте.

Цепочка обычная, длинная, из посеребренной стали; одет как все, стандарт конторского служащего; стрижка консервативная, по плечи, борода короткая; светлые волосы и глаза, невысокий, худой, белокожий, легкое недоедание, но здоров; на вид от двадцати восьми до тридцати двух. Неагрессивный, невзрачный, пассивный, пришибленный, заурядный. Самый ценный период отношений с клиентом, любил повторять Хейбер, – первые десять секунд.

– Присаживайтесь, мистер Опп. Вот так. Курите? С коричневым фильтром «Транк», с белым – «Деник».

Опп не курил.

– Так, что тут у нас? ЗОС хочет разобраться, зачем вы по чужим аптечным картам брали в автоматической аптеке стимуляторы и снотворное сверх личной квоты, верно? Они вас послали к ребятам на холме, те порекомендовали добровольное терапевтическое лечение и отправили ко мне. Все так?

---

² Перевод В. Малявина.

Он слышал свои интонации – свойские, доверительные, точно подобранные для создания непринужденной атмосферы, но этому посетителю до непринужденности было далеко. Он часто моргал, сидел в неудобной позе, руки сложил будто на официальном приеме – классическая картина подавленной тревоги. Кивал так, будто одновременно сглатывал.

– Ясенько, ничего такого. Если бы набирали колеса для продажи наркоманам или хотели кого-нибудь отравить – другое дело, загремели бы. Но вы для личного пользования. Так что все наказание – несколько встреч со мной! Правда, я, конечно, хочу понять, зачем вам эти таблетки понадобились. Попробуем вместе придумать какой-то приемлемый режим: во-первых, чтобы вы за пределы квоты не выходили, а во-вторых, может, и от зависимости избавитесь. Так, вы у нас, – он заглянул в папку, присланную с медицинского факультета, – пару недель принимали барбитураты, потом на несколько дней переключались на дексамфетамин, а потом опять на барбитураты. С чего все началось? Бессонница?

– Сплю я хорошо.

– Но видите кошмары.

Щуплый пациент вскинул глаза – проблеск явного ужаса. С ним больших трудностей не предвидится: открытая книга.

– Вроде того, – хрипло ответил он.

– Догадаться было нетрудно, мистер Опп. Мне обычно посылают сновидцев. – Он усмехнулся. – Я специалист по снам. Правда-правда – онейролог. Занимаюсь сном и сновидениями. Так, давайте дальше попробую угадать: чтобы избавиться от снов, вы попробовали фенотарбитал, но оказалось, что по мере привыкания эффект ослабевает, а потом и вовсе пропадает. То же самое с декседрином. В итоге вы начали принимать то одно, то другое, верно?

Пациент сдержанно кивнул.

– Почему декседрин каждый раз принимали недолго?

– От него я дергаться начинал.

– Еще бы. А последняя доза, когда вы всего намешали, была вообще... Сама по себе, правда, не опасная. Но в принципе, мистер Опп, вы делали опасную вещь... – Он помедлил для пущего эффекта. – Вы лишали себя снов.

Пациент снова кивнул.

– Вы разве лишаете себя пищи и воды, мистер Опп? А без воздуха обойтись не пробовали?

Хейбер по-прежнему говорил с шутиливой интонацией, и пациент грустно усмехнулся.

– Вам известно, что сон человеку нужен не меньше, чем еда, вода и воздух. А вот знаете ли вы, что просто спать недостаточно, что организм требует положенную долю сновидений? Если мозг постоянно лишать сновидений, он начнет выделять с вами разные фокусы. Вы станете раздражительным, будете испытывать чувство голода, не сможете сосредоточиться – было такое? И дело не только в декседрине! Начнете грезить наяву, реакция замедлится, пойдут провалы в памяти, снизится чувство ответственности, появятся параноидальные фантазии. В конце концов мозг заставит вас видеть сны – не мытьем, так катаньем. Ни одно лекарство не может избавить человека от снов – разве что убьет его. Например, у хронических алкоголиков иногда развивается понтинный миелолиз – смертельно опасный синдром, причиной которого служит поражение в задней части мозга, а его, в свою очередь, вызывает нехватка сновидений. Не сна как такового, заметьте, а именно того особого состояния, когда мы видим сны. Это так называемая фаза быстрого сна, быстрого движения глаз, БДГ. Вы не алкоголик, вы живы, стало быть, эти таблетки, которыми вы пытались подавить сны, сработали только отчасти. В результате вы: (а) плохо себя чувствуете из-за нехватки снов и (бэ) все равно зашли в тупик. Так, а почему вообще вы направились в этот тупик? Боялись снов. Видимо, кошмаров или того, что вам казалось кошмаром. Не расскажете поподробнее?

Опп замялся.

Хейбер открыл было рот, но промолчал. Очень часто и не требовалось слышать, что скажут пациенты: он мог сказать все за них, даже лучше. Но смысл был в том, чтобы они сами сделали шаг навстречу. В конце концов, сейчас у них шел только предварительный разговор, некий ритуал, оставшийся от золотых дней психоанализа. Суть его только в том, чтобы разобраться, как действовать с конкретным пациентом, давать положительное или отрицательное подкрепление, куда двигаться.

– Кошмары мне снятся не больше, чем другим, наверное, – проговорил Орт, уставившись на свои руки. – Ничего особенного. Просто... я боюсь видеть сны.

– Плохие сны.

– Любые сны.

– Ясно. Не помните, откуда взялся этот страх? Чего вы боитесь? Чтобы не случилось что?

Орт не ответил сразу, а продолжал разглядывать свои руки, квадратные, красноватые, замершие на коленях, и Хейбер попробовал немного подсказать:

– Может, вас беспокоит иррациональность снов? Абсурд, даже аморальность иногда?

– Да, отчасти. Но есть конкретная причина. Видите ли... я...

Вот оно, подумал Хейбер, тоже разглядывая эти напряженные руки, – самое главное, разгадка. Бедняга. У него поллюции. И комплекс вины из-за них. Детский энурез, мать-невротичка...

– Вы не поверите.

У этого куренка все серьезнее, чем казалось на первый взгляд.

– Человеку, который во сне и наяву занимается сновидениями, не так уж важно, верить или не верить, мистер Орт. Я в таких категориях не рассуждаю. Они к делу не относятся. Так что не думайте об этом и продолжайте. Мне интересно.

Не слишком ли снисходительно? Он посмотрел на Орта: может, тот его как-то превратно понял? И на мгновение поймал его взгляд. Поразительно красивые глаза, подумал Хейбер, и сам себе удивился: в категориях красоты он тоже обычно не рассуждал. Не то голубые, не то серые, очень ясные, будто прозрачные. Хейбер даже забылся и загляделся на эти ускользающие прозрачные глаза, но только на короткое мгновение, так что странность этого эпизода в его сознании почти не зафиксировалась.

– У меня, – решил наконец Орт, – бывали сны, которые... которые влияли... на мир за пределами сна. На реальный мир.

– У всех бывали, мистер Орт.

Пациент вытаращился на него. Нормальный, простой обыватель.

– Воздействие снов в фазе БДГ перед пробуждением на общее эмоциональное состояние, на внутренний мир может...

Но обыватель перебил его.

– Я не об этом, – и, слегка заикаясь, продолжил: – У меня бывало, что что-то снится, а потом сбывается.

– Охотно верю, мистер Орт. Я совершенно серьезно. Только после научной революции появились люди, которые не то что перестали верить, но взглянули на этот вопрос критически. Вещи...

– Это не вещи сны. Я ничего не предвижу. Я просто меняю мир.

Пальцы крепко сцеплены. Ясно, почему светила с медфакультета отправили этого чудака сюда. Как орешек не по зубам – вечно присылают Хейберу.

– Можете привести пример? Например, не помните, когда вам впервые приснился такой сон? Сколько вам было лет?

После долгой внутренней борьбы пациент проговорил:

– Шестнадцать вроде.

Он по-прежнему производил впечатление человека покорного; тема его сильно пугала, но по отношению к Хейберу не чувствовалось ни вражды, ни попыток уйти в глухую оборону.

– Не помню точно.

– Расскажите про первый случай, который помните хорошо.

– Мне было семнадцать. Я еще жил дома, и у нас гостила сестра матери. Она тогда разво-
дилась, не работала, только получала базовую помощь. И все время как-то мешала. Мы жили
в обычной «трешке», а она торчала дома. Мать дико бесилась. Нечуткая она была – я про тетю
Этель. Вечно занимала ванную – у нас в той квартире еще была собственная ванная. И еще
то и дело как бы в шутку ко мне подкатывала. Не совсем в шутку. Заходила ко мне в спальню
в пижаме без верха и все такое. Ей было всего лет тридцать. Я напрягался, конечно. У меня
еще не было девушки... Подростковый возраст... Пацана накрутить нетрудно. Я злился: все-
таки тетка.

Он взглянул на Хейбера – проверить, понял ли врач, из-за чего он злился, и не осуж-
дает ли. Навязчивая вседозволенность конца двадцатого века породила не меньше страхов и
комплексов вины, связанных с половым вопросом, чем навязчивое целомудрие конца девят-
надцатого. Опп боялся, что Хейбера шокирует его нежелание переспать со своей теткой. Но
доктор по-прежнему слушал с вежливо-заинтересованной миной, и Опп собрался с силами и
продолжил:

– У меня начались тревожные сны, и в них все время была тетя. Обычно не в своем насто-
ящем виде, но в снах так бывает; однажды, например, я видел белую кошку, но знал, что это
тетя Этель. В общем, как-то раз она вынудила меня пригласить ее в кино, там все домогалась,
чтобы я ее потискал, а когда вернулись домой, долго крутилась у меня на кровати и намекала,
что родители спят и все такое. Когда я наконец ее выпроводил и заснул, мне приснился сон.
Очень яркий, с утра я помнил его во всех подробностях. Мне приснилось, что Этель разбилась
на машине в Лос-Анджелесе и нам прислали телеграмму. Мама пыталась готовить ужин, но все
время плакала, мне было ее жаль, я хотел помочь, но не знал как. Вот, собственно, и все... Но
когда я встал и пошел в гостиную, тети Этель на диване не было. В квартире, кроме родителей
и меня, никого. Ее не было. И вообще никогда у нас не было. Даже не пришлось спрашивать:
я и сам помнил, я знал, что полтора месяца назад тетя Этель разбилась на шоссе в Лос-Анже-
лесе, когда ехала домой от адвоката, занимавшегося разводом. Нам сообщили телеграммой.
Весь сон оказался неким воспоминанием о том, что произошло на самом деле. Но только ведь
этого не произошло. То есть пока я не увидел сон. И притом я хорошо помнил, что она у нас
жила и спала на диване в гостиной – до прошлой ночи.

– Но доказательств никаких не было?

– Нет, никаких. Никто не помнил, что она у нас гостила, кроме меня. А я был не прав.
Оказывается.

Хейбер понимающе кивнул и погладил бороду. То, что поначалу казалось банальным
злоупотреблением таблетками, начинало смахивать на серьезное помешательство, но пациенты
еще никогда не излагали ему свои видения так логично и откровенно. Может, Опп шизофре-
ник-интеллектуал? Пытается со всей шизоидной изобретательностью и коварством сбить его
с толку, пустить по ложному следу? Но с другой стороны, в нем не чувствуется свойственный
таким людям оттенок внутреннего высокомерия, которое Хейбер улавливал безошибочно.

– Почему, как вам кажется, ваша мать не заметила, что ночью мир изменился?

– Ну она-то не видела сон. То есть мой сон действительно изменил реальность. Он создал
новую реальность начиная с прошлого и до того момента. И мать как бы всегда была в этой
новой реальности. Она и не помнила ни о какой другой. В отличие от меня – я помнил обе,
потому что... присутствовал... в момент изменения. Не знаю, как еще объяснить; понятно, что
звучит бредово. Но нужно хоть какое-то объяснение, или придется признать, что я сошел с ума.

Да нет, этот парень не заурядный.

– Судить – дело не мое, мистер Опп. Мне факты нужны. А то, что происходит в сознании, уж вы поверьте, – это тоже факты. Когда какой-то человек спит, а вы видите его сны, записанные черным по белому на электроэнцефалограмме (со мной так было тысячи раз), назвать сон нереальным язык не поворачивается. Они существуют; это реальные события; они оставляют след. Ну хорошо, я так понимаю, были и другие сны, которые, по-вашему, приводили к похожим результатам?

– Были. Хотя далеко не сразу. И только в период сильного стресса. Но в последнее время мне кажется... что они участились. Я испугался.

Хейбер наклонился к пациенту:

– Почему?

Опп смотрел непонимающе.

– Почему испугались?

– Но я не хочу менять реальность! – ответил Опп, как будто констатируя очевиднейшую вещь. – Кто я такой, чтобы вмешиваться в мировые процессы? Причем все меняет мое подсознание, разумно управлять этим я не могу. Пробовал самогипноз – не помогает. Сны бессвязны, эгоистичны, иррациональны – аморальны, как вы сами сказали. Их порождает наша асоциальная часть – разве не так? Хотя бы отчасти? Я не хотел убивать несчастную тетю Этель. Просто хотел, чтобы она меня не доставала. А во сне часто выходит перебор. Сны любят срезать углы. Я ее убил. Подстроил автоаварию за тысячу миль от своего дома и за шесть недель до той ночи. Ответственность за ее смерть на мне.

Хейбер снова погладил бороду.

– Отсюда, – проговорил он задумчиво, – лекарства для подавления снов. Чтобы избавиться от груза ответственности.

– Да. Лекарства не позволяли снам нарастать и делаться яркими. На самом деле, – он задумался над формулировкой, – действенны не все, а только некоторые, самые насыщенные.

– Ясно. Так, поглядим. Вы не женаты, работаете чертежником в «Электросетях района Боннвилль – Юматилла». Как вам работа?

– Ничего.

– А как с личной жизнью?

– Был один пробный брак. Продержался пару лет. Прошлым летом разошлись.

– Кто дал задний ход – вы или она?

– Мы оба. Она не хотела ребенка. На полноценный брак это все не тянуло.

– А потом?

– Ну есть девочки на работе. Я, знаете... не то чтобы Казанова.

– А как вообще с межличностными отношениями? Вы нормально общаетесь с людьми? Есть у вас ниша в эмоциональной экосистеме вашего окружения?

– Наверное.

– Выходит, в целом с вашей жизнью все в порядке, так? Хорошо. Теперь такой вопрос: вы хотите – то есть на самом деле – избавиться от лекарственной зависимости?

– Да.

– Замечательно. Смотрите, вы принимали препараты, чтобы не видеть снов. Но не все сны опасны, только некоторые, особенно яркие. Вам приснилось, что тетя Этель – белая кошка, но утром она в кошку не превратилась, верно? То есть некоторые сны нормальные, безопасные.

Он сделал паузу, и Опп кивнул.

– Тогда такое предложение. Может, проверим вашу версию, а заодно постараемся понять, как видеть сны безопасно, без страха, а? Объясню. Для вас тема сновидений эмоционально крайне заряжена. Вы прямо-таки боитесь видеть сны, поскольку думаете, что они могут повлиять на действительность неконтролируемым образом. Возможно, это сложная метафора, при помощи которой ваше подсознание пытается сообщить вашему сознанию о действительности –

вашей действительности, вашей жизни – что-то такое, что вы не готовы принять рационально. Но мы можем рассмотреть эту метафору буквально; пока что нет необходимости сводить ее к рациональным аргументам. Ваша проблема сейчас в следующем: вы боитесь видеть сны, но вам без них не обойтись. Вы пытались задавить их лекарствами – не помогло. Хорошо, давайте зайдем с другой стороны. Специально устроим так, что вы будете видеть сны, причем яркие и насыщенные, прямо тут. Под моим наблюдением в контролируемых условиях. Чтобы вы почувствовали, что можете управлять тем, что, на ваш взгляд, вышло из-под контроля.

– Разве можно видеть сны по заказу? – спросил Орт, явно мучаясь.

– Во «Дворце снов доктора Хейбера» – конечно! Вас раньше гипнотизировали?

– У стоматолога.

– Хорошо. Так, объясняю. Я ввожу вас в гипнотический транс и говорю вам спать, видеть сны и что именно видеть в этих снах. На вас будет траншлем, чтобы сон был настоящий, а не просто гипнотранс. Пока вам будет что-то сниться, я буду наблюдать за вами – и так, и на ЭЭГ, от начала до конца. Потом я вас бужу, и мы обсуждаем. Если все пройдет благополучно, может, вас немного отпустит страх перед следующим сном.

– Но здесь у меня не будет действенного сна; такие бывают один раз на сотню или тысячу.

Защитные рационализации у Орта вполне логичны.

– В этом кабинете у вас может быть любой сон, какой захотите. Содержание и эмоциональное воздействие сна можно предопределить почти полностью, если объект мотивирован и с ним работает гипнотизер-профессионал. Я этим занимаюсь десять лет. И вы будете на связи со мной: на вас будет траншлем. Надевали когда-нибудь?

Орт покачал головой.

– Но знаете, что это такое?

– Он посылает сигнал через электроды, чтобы стимулировать... в общем, чтобы мозг делал, что скажут.

– Примерно так. Русские его уже лет пятьдесят применяют, израильтяне его доработали, а потом наконец подключились и мы и начали выпускать массово – для успокоения пациентов с психозом и для домашнего использования: чтобы вызывать сон или альфа-транс. Пару лет назад в Линнотонской клинике я по программе ПТЛ работал с пациенткой, у которой была серьезная депрессия. Как и многие люди с депрессивным расстройством, она плохо спала, причем недополучала в основном быстрого сна, со сновидениями: как только ей что-то начинало сниться, она обычно просыпалась. Замкнутый круг: чем сильнее депрессия, тем меньше снов, чем меньше снов, тем сильнее депрессия. Надо круг разорвать. Как? Лекарства на сон с БДГ особо не влияют. ЭСМ, электронная стимуляция мозга? Но тогда надо вживлять электроды, причем глубоко, чтобы добраться до центров сна. Хотелось обойтись без операции. Я попробовал усыплять ее при помощи траншлема. Что, если сделать диффузный низкочастотный сигнал более специфическим? Нацелить его локально на конкретный участок мозга? Ну конечно, доктор Хейбер, чего проще! Но на самом деле, когда мы провели исследования и разобрались с электронной частью, на создание базового аппарата у меня ушла всего пара месяцев. Я начал с того, что простимулировал мозг пациентки записью мозговых волн здорового человека, сделанной в нужных мне состояниях – на разных этапах сна и сновидений. Результат нулевой. Оказалось, что сигнал конкретного чужого мозга необязательно вызывает у объекта отклик. Пришлось учиться обобщать, изготавливать из сотен записей нормальных мозговых волн что-то вроде среднего арифметического. Я продолжил работать с пациенткой, каждый раз эти усредненные записи уточнял, подгонял под ее случай. Когда ее мозг делал то, чего я добивался, я записывал этот стимул, усиливал его, расширял, удлинял, проигрывал по несколько раз и в итоге заставлял мозг объекта следовать своим же здоровым импульсам, если можно так выразиться. Все эти вещи, само собой, потребовали огромного объема работы по анализу обратной связи, поэтому простенький электроэнцефалограф с траншлемом превратился в этот агрегат.

Он указал на электронные джунгли, топорщившиеся позади Орра. Большая часть оборудования была скрыта за пластмассовыми панелями, потому что многие пациенты либо пугались техники, либо слишком отождествляли себя с ней, но все равно электроника занимала не меньше четверти кабинета.

– Вот – «Машина сновидений», – ухмыльнулся он, – или, если более прозаично, «Усилитель». Его функция – сделать так, чтобы вы заснули и видели сны, причем настолько глубоко и долго, насколько нам надо. Кстати, эту пациентку летом выписали из клиники: полностью излечилась. – Он наклонился вперед. – Ну что, попробуем?

– Сейчас?

– А чего ждать?

– Но я не смогу заснуть в половине пятого дня... – Он понял, что сморозил глупость.

Порывшись в забитом бумагами ящике стола, Хейбер тем временем выудил бланк согласия на гипноз (требование ЗОС). Орд взял протянутую ему ручку, подписал и покорно положил бумагу на стол.

– Так, хорошо. Теперь скажите, Джордж, ваш стоматолог использует гипнопленку или он любитель все делать сам?

– Пленку. У меня по шкале восприимчивости три.

– Ровно посередине, так, что ли? Чтобы внушение содержания сна сработало как следует, требуется довольно глубокий транс. Нам, конечно, не нужны видения в трансе, нам нужен нормальный сон спящего человека, и «Усилитель» это обеспечит, но внушение должно дойти до приличной глубины. Чтобы несколько часов вас не мучить одной только подготовкой к глубокому трансу, воспользуемся ВК-индукцией. Сталкивались с ней?

Орд отрицательно мотнул головой. Вид у него был настороженный, но спорить он не решался. В его пассивности, готовности выполнять указания было что-то женское, даже детское. Хейбер поймал себя на том, что вид этого уступчивого, тщедушного человека вызывает в нем стремление одновременно и защищать его, и слегка третировать. Очень трудно было удержаться, чтобы не взять в разговоре с ним тон властный и снисходительный.

– Я ее применяю в большинстве случаев. Быстро, надежно, безопасно – намного лучше других методов гипноза, и меньше мороки для врача и пациента.

Наверняка Орд слышал страшилки о том, как из-за чрезмерной или неправильно проведенной ВК-индукции люди погибали или становились идиотами. К методам Хейбера это, разумеется, не относилось, но надо сразу развеять эти страхи, а то может отказаться от всей процедуры. Так что Хейбер продолжил свой бодрый монолог о том, как ВК-индукция применяется уже полвека, как вообще утроен гипноз, а потом снова о сне и сновидениях, чтобы отвлечь внимание Орра от процесса и сосредоточить его на цели.

– Наша задача в чем? Преодолеть пропасть между бодрствованием или гипнотическим трансом и фазой, когда появляются сновидения. У этой пропасти есть простое название – сон. Простой сон, медленный сон, сон без БДГ – называйте как хотите. Есть, грубо говоря, четыре интересующих нас состояния: бодрствование, транс, медленный сон и быстрый сон. С точки зрения мозговой деятельности у медленного сна, быстрого сна и гипноза есть нечто общее: простой сон, сновидения и транс высвобождают подсознание, первую сигнальную систему, тогда как в состоянии бодрствования мы в основном полагаемся на вторую сигнальную систему – рациональное мышление. Но что интересно, если посмотреть на ЭЭГ: при быстром сне, трансе и бодрствовании картина во многом схожая, а при медленном сне – радикально иная. И напрямую из транса перевести человека в быстрый сон невозможно. Требуется медленная фаза. Обычно фаза быстрого сна наступает за ночь четыре-пять раз, примерно каждый час или два, и продолжается не более пятнадцати минут. Все остальное время человек проводит в той или иной разновидности медленного сна. При этом вы тоже видите сны, но, как правило, неяркие; мозговая деятельность в медленной фазе напоминает работу двигателя на холостом ходу

– такой размеренный поток из невнятных образов и мыслей. А нам-то нужны яркие, эмоционально заряженные, запоминающиеся сны фазы БДГ. И мой гипноз при помощи «Усилителя» позволяет их получить, мы перенесемся через нейрофизиологическую и временную пропасть медленного сна прямо в быструю фазу. Так, давайте вы перейдете на кушетку. В моей области первопроходцами были Демент, Асеринский, Бергер, Освальд, Хартман и другие, но кушетка у нас еще от дедушки Фрейда... Правда, мы ее используем, чтобы спать, он был бы против. Давайте для начала вы присядете вот здесь, в ногах. Хорошо. Процесс небыстрый, так что устраивайтесь поудобнее. Вы говорили, что пробовали самогипноз, верно? Ну вот, попробуйте ту же технику. Глубокое дыхание, например. На вдохе считаете до десяти, потом задерживаете дыхание и считаете до пяти, да, отлично, все так. Вы бы не могли посмотреть прямо вверх на потолок?

Когда Орт послушно запрокинул голову, стоявший рядом Хейбер одним быстрым и бесшумным движением крепко нажал большим и указательным пальцами левой руки на точки за ушами пациента, а большим и указательным пальцами правой надавил на горло чуть ниже мягкой светлой бородки, на блуждающий нерв и сонную артерию.

Он успел почувствовать вялое сопротивление желтоватой кожи под пальцами, заметил первое движение удивленного протеста, но тут же прозрачные глаза стали закрываться, и Хейбер ощутил прилив удовлетворения своим мастерством, своим умением мгновенно подчинить пациента своей воле.

– Вы сейчас заснете, закройте глаза, засыпайте, не напрягайте мышцы, ни о чем не думайте, вы будете спать, ваше тело расслаблено, полный покой, вот так, ложитесь... – И под эту негромкую скороговорку врача Орт упал навзничь на кушетку как подстреленный, уронив правую руку на пол.

Хейбер опустился рядом на колени, не убирая правой руки с сонных точек и продолжая быстро нашептывать суггестивные распоряжения:

– Вы в трансе, не спите, но в глубоком гипнотическом трансе, вы из него не выйдете и не проснетесь, пока я вам не скажу. Вы в трансе, погружаетесь в транс глубже и глубже, но вы слышите мой голос и можете выполнять мои указания. Теперь, когда я буду просто прикасаться к вашему горлу, как сейчас, вы мгновенно будете входить в гипнотический транс. – Хейбер повторил инструкции и продолжил: – Теперь, когда я вам скажу, вы откроете глаза и увидите, что перед вами в воздухе висит хрустальный шар. Я хочу, чтобы вы сосредоточили на нем свое внимание, при этом вы будете еще глубже погружаться в транс. Откройте глаза. Так, хорошо. Скажите, когда увидите шар.

Светлые глаза, которые теперь словно с любопытством присматривались к чему-то внутри себя, смотрели за спину Хейбера в пустоту.

– Вижу, – еле слышно прошепел гипнотизируемый.

– Хорошо. Смотрите на шар и дышите ровно. Скоро вы погрузитесь в очень глубокий транс...

Хейбер взглянул на часы. На все про все ушла пара минут. Отлично. Ему не нравилось тратить время на средства – главное было дойти до цели. Пока Орт лежал, уставившись на воображаемый шар, Хейбер начал прилаживать ему на голову усовершенствованный траншлем. Он то надевал его, то снимал и снова передвигал крошечные электроды, по-новому размещая их под густыми русыми волосами. При этом негромким голосом он то и дело повторял указания и задавал незначущие вопросы, чтобы Орт пока не ушел в сон и оставался в контакте с гипнотизером. Когда шлем наконец-то был надет, Хейбер включил энцефалограф и для начала немного понаблюдал за кривыми: хотел получить представление об этом мозге.

Восемь из электродов траншлема были подключены к энцефалографу; внутри прибора восемь перьев записывали электрическую активность мозга. На мониторе, куда смотрел Хейбер, эти импульсы воспроизводились в виде белых кривых линий на темно-сером фоне. По

желанию он мог их увеличивать, убирать с экрана, накладывая одну на другую. Следить за ЭЭГ ему не надоедало никогда, для него это было интереснее, чем «Полуночное кино» по первому каналу.

Он предполагал, что увидит сигмовидные зигзаги, характерные для определенных шизоидных расстройств, но их не было. Вообще, рисунок ЭЭГ был вполне нормальный, удивляло только его разнообразие. Простой мозг гоняет перья туда-сюда, вырисовывая довольно простой набор диаграмм, и затем просто их повторяет. Но это был не простой мозг. В нем шли процессы тонкие и сложные, а повторения встречались нечасто и были не стопроцентными. Компьютер «Усилителя» потом их проанализирует, но пока что Хейбер не замечал ни одного необычного фактора, кроме самой этой сложности.

Приказав пациенту перестать видеть хрустальный шар и закрыть глаза, доктор почти моментально получил сильный и четкий альфа-ритм двенадцать герц. Он еще немного попереключал параметры мозга, чтобы собрать данные для компьютера и проверить глубину гипноза, а затем сказал:

– Так, Джон... – (Нет, черт возьми, как его там?) – Джордж. Через минуту вы заснете. Вы крепко заснете и будете видеть сны, но только после того, как я скажу слово «Антверпен». Когда я его произнесу, вы заснете и будете спать до тех пор, пока я трижды не назову ваше имя. Когда заснете, вы будете видеть сон. Хороший сон – яркий, приятный. Совсем не страшный, очень приятный, но очень яркий и живой. Вы обязательно вспомните его, когда проснетесь. Во сне вы увидите... – он ненадолго задумался: заранее он ничего не заготовил, рассчитывал на вдохновение, – коня. Большого гнедого коня, который бежит по полю. Галопом. Может, вы его поймаете или поскачете на нем, может, только будете смотреть. Но сон будет о коне. Яркий, – (как он там говорил?) – действенный сон о коне. Потом вам сниться ничего не будет, и, когда я три раза позову вас по имени, вы проснетесь и будете чувствовать себя спокойным и отдохнувшим. Итак, отправляю вас в сон... и говорю... «Антверпен».

Пляшущие кривые на экране стали послушно меняться. Они замедлились и стали четче; вскоре появились «веретена сна» второй стадии и первые признаки длинных высокоамплитудных дельта-волн четвертой стадии. Вместе с ритмами мозга изменения происходили и в грубой материальной оболочке, где обитала эта пляшущая энергия: руки мягко покоились на медленно дышащей груди, лицо стало отрешенным и умиротворенным.

«Усилитель» собрал все необходимые образцы в состоянии бодрствования и теперь записывал и анализировал параметры мозга при медленном сне. Скоро в него начнут поступать сигналы от быстрого сна, и прибор даже во время этого первого опыта сможет усилить их и направить обратно в мозг, чтобы сделать сновидения еще ярче. Возможно, процесс уже начался. Хейбер думал, что придется подождать, но под действием гипноза пациент, долгое время боровшийся со снами, стремительно переходил к фазе с БДГ. Едва наступила вторая стадия, он начал всплывать из глубокого оцепенения. Медленно покачивающиеся линии на экране вздрогнули в нескольких местах раз, другой, начали ускоряться и заплясали в бешеном асинхронном ритме. Стал активным мост, а на графике гиппокампа появились тета-волны частотой пять герц, которые раньше у пациента четко не проявлялись. Пальцы зашевелились; под закрытыми веками задвигались глаза, как будто что-то рассматривая; рот приоткрылся и глубоко втянул воздух. Спящему снился сон.

На часах было 17:06.

В 17:11 Хейбер нажал на «Усилителе» черную кнопку «Выкл.».

В 17:12, заметив, что на ЭЭГ опять появились резкие зубцы и «веретена» медленного сна, он наклонился к пациенту и трижды отчетливо произнес его имя.

Орр вздохнул, широко повел рукой, открыл глаза и проснулся. Хейбер несколькими привычными движениями отсоединил электроды.

– Хорошо себя чувствуете? – В дружелюбном вопросе звучала уверенность.

– Нормально.

– А вы видели сон. Это я знаю точно. Не расскажете, о чем?

– О коне, – сказал Орр хрипловато, еще до конца не проснувшись.

Он сел на кушетке.

– Мне снился конь. Вот этот. – и он показал на изображение, украшающее стену в кабинете доктора. Большая, размером с окно фотография знаменитого скакуна по кличке Таммани-Холл, резвящегося на травянистом выгоне.

– И что он делал? – спросил Хейбер, довольный. Он не был уверен, что суггестия по поводу содержания сна сработает с первой попытки.

– Я... шел по полю. А он сперва был вдалеке. Потом он рванул и поскакал ко мне, и через некоторое время я понял, что сейчас он меня снесет. Но я совсем не испугался. Я подумал, может, удастся поймать его за уздечку или ухватиться и вскочить ему на спину. Я понимал, что он не может мне навредить, потому что на самом деле это лошадь с вашей картинки, а не настоящая. Это все какая-то игра... Доктор Хейбер, вас в этой фотографии ничего... ничего не смущает?

– Ну, некоторые считают, что для кабинета психиатра слишком много драматизма, перебор. Секс-символ в натуральную величину прямо напротив кушетки, – засмеялся врач.

– А час назад он тут был? Разве тут не был вид на гору Худ, когда я только зашел... до того, как мне приснилась лошадь?

Боже мой, там действительно раньше была гора Худ, он прав.

Да нет, какая гора, не было никакой горы – лошадь, была лошадь...

Нет, гора...

Была лошадь была лошадь бы...

Он бестолково уставился на Джорджа Орра и молчал, хотя вопрос прозвучал уже несколько секунд назад. Нет, нельзя дать сбить себя с толку, надо внушать уверенность, он-то человек, который на любой вопрос знает ответ.

– Джордж, то есть вы помните, что здесь у меня была фотография горы Худ?

– Да, – сказал пациент довольно грустным тоном, но твердо, – помню. Была. Со снегом.

– Гм, – многозначительно кивнул Хейбер.

Ужасный мороз прошел под ложечкой.

– А вы разве не помните?

Ох уж эти глаза – неопределенного цвета, но с ясным и прямым взглядом, глаза помешанного.

– Увы, нет. Это Таммани-Холл, который взял все три золота в восемьдесят девятом. Скучаю по скачкам. Жаль, что из-за наших бед с продовольствием не остается места для низших видов. Конечно, лошадь – это чистый анахронизм, но фотография мне нравится. Тут бодрость, сила – полная самореализация в животном смысле. Это некий идеал, к которому психиатр при работе с людьми стремится в психологическом смысле, определенный символ. Да, наверное, я как раз на него смотрел, поэтому и подсказал вам такой сон...

Хейбер бросил взгляд на стену. Конечно, лошадь.

– Но слушайте, если хотите еще одно мнение, давайте спросим мисс Крауч. Она здесь два года работает.

– Она скажет, тут всегда была лошадь, – спокойно, но печально возразил Орр. – Всегда тут была. После моего сна. Что раньше, что сейчас. Я просто подумал, что, раз вы сами мне предложили такой сон, может, у вас тоже будут двойные воспоминания. Но, видимо, нет.

Но глаза его, уже не опущенные книзу, вновь глядели на Хейбера с такой ясностью, такой затаенной мольбой, такой отчаянной молчаливой просьбой о помощи.

Явно больной. Его лечить надо.

– Я бы попросил вас прийти еще раз, Джордж. И если можно, завтра.

– У меня работа...

– Отпроситесь на час пораньше и приходите к четверем. Вам же назначено ДТЛ. Скажите начальнику и зря не стесняйтесь. У нас восемьдесят два процента людей рано или поздно проходят ДТЛ. Не говоря уже о тридцать одном проценте, которых отправляют на ПТЛ. Так что завтра у меня в четыре, и продолжим. Чувствую, что результат будет. Вот рецепт на мепробамат: он вам приглушит сны, но фаза быстрого сна все равно останется. Новую дозу можно получать в автоаптеке каждые три дня. Если увидите страшный сон или что-то еще испугает, звоните мне – в любое время дня и ночи. Хотя с мепробаматом это вряд ли грозит. А будете как следует стараться и мне помогать – скоро никакие таблетки не понадобятся. Разберемся с вашими снами, и будете у нас как огурчик. Верно?

Орр взял айбиэмовскую рецептурную карту.

– Было бы хорошо, – улыбнулся он – робко, грустно, но не без юмора. – Кстати, насчет коня...

Хейбер, выше его на голову, посмотрел на пациента сверху вниз.

– Он похож на вас.

Врач быстро обернулся на фотографию. И правда. Мощный, здоровый, волосатый, рыжевато-коричневый, несется во весь опор...

– Может, лошадь в вашем сне чем-то напоминала меня? – спросил он вкрадчиво-дружелюбно.

– Напоминала.

Когда пациент ушел, Хейбер сел в кресло и скептически посмотрел на Таммани-Холла на стене. Действительно, для кабинета великоват. Черт! Как жаль, что не хватает денег на кабинет с настоящим окном.

3

Те, кому помогает Небо, зовутся Сынами Неба. Они учатся, не учась. Они делают, не делая. Они рассуждают, не рассуждая. Тот, кто в знании останавливается перед тем, чего нельзя узнать, достигает совершенства. Того, кто не желает этого сделать, уничтожат жернова неба³.

Чжуан-цзы, глава XXIII

В полчетвертого Джордж Орт ушел с работы и направился к метро; машины у него не было. В принципе, он мог бы накопить на «фольксваген-стимер» и платить налог на пробег, но зачем? Центр города был закрыт для автомобилей, а Орт жил в центре. В свое время, еще в восьмидесятых, он научился водить, но своей машины никогда не имел. Орт спустился на станцию Ванкуверской линии и поехал в сторону Портленда. В вагонах было уже битком; с того места, где он стоял, было не дотянуться ни до поручня, ни до петли, так что поддерживал его только равномерный нажим тел со всех сторон. Иногда, когда сила давки (d) превышала силу земного притяжения (g), его приподнимало и он зависал в воздухе. Стоявший рядом мужчина читал газету, но опустить руки не мог, так что лицо его все время было завешено разворотом с новостями спорта. На протяжении шести остановок прямо перед глазами Орта маячил заголовок: «НА АФГАНСКОЙ ГРАНИЦЕ РВУТСЯ БОМБЫ А-1» – и подзаголовок: «Угроза афганского вмешательства». Читатель газеты пробился к выходу, и его место заняла пара помидоров на пластмассовой зеленой тарелке, под которыми обнаружилась старушка в зеленом пластмассовом пальто, которая еще три остановки простояла на ногах Орта.

Он выбрался из вагона на станции «Ист-Бродвей», поднялся на улицу и оставшиеся до Уилламеттской восточной башни четыре квартала шел, проталкиваясь через густеющую в конце рабочего дня толпу. Восточная башня представляла собой исполинское аляповатое сооружение из стекла и бетона, которое с тупым упорством овоща боролось за свет и воздух с джунглями похожих строений вокруг него. До земли света и воздуха доходило очень мало; над асфальтом парило, и прохожих поливал мелкий дождик. Дождь для Портленда – дело привычное, а вот тепло – семьдесят градусов по Фаренгейту⁴ второго марта – примета нового времени, результат загрязнения воздуха. За борьбу с промышленными и городскими выбросами взялись слишком поздно и не успели остановить процессы, набиравшие силу еще в середине двадцатого века. Теперь если воздух и очистится от углекислоты, то не раньше чем через несколько веков. Одной из главных жертв парникового эффекта предстояло стать Нью-Йорку: лед на полюсах все таял, и уровень моря поднимался и поднимался. Под угрозой на самом деле была вся агломерация на восточном побережье от Бостона до Вашингтона. Впрочем, были и плюсы. С подъемом воды залив Сан-Франциско должен был наконец закрыть сотни квадратных миль свалок и мусора, который сбрасывали в него с 1848-го. Что касается Портленда, отделенного от океана восьмьюдесятью милями и Береговым хребтом, то вода снизу ему не грозила, только вода сверху.

На западе Орегона всегда было дождливо, но теперь теплый дождь лил все время, постоянно, не прекращаясь. Как будто живешь в бесконечном водопаде из теплого супа.

---

³ То же в переводе В. Малявина: «Тот, кому поможет Небо, зовется Сыном Неба. Учащийся учится тому, чего не может выучить. Делаящий делает то, чего не может сделать. Доказывающий доказывает то, чего не может доказать. Тот, кто в знании останавливается на неизвестном, достигает совершенства. А кто не желает этого делать, у того небесное равновесие отнимет все лишнее».

⁴ 21 °C.

«Новые города» к востоку от Каскадных гор – Юматилла, Джон-Дей, Френч-Глен – появились там, где тридцать лет назад была пустыня. Летом в тех краях по-прежнему было зверски жарко, но осадков за год выпадало всего сорок пять дюймов по сравнению со ста четырнадцатью дюймами в Портленде. Стало возможным интенсивное сельское хозяйство, пустыня процветала. Население Френч-Глена доросло до семи миллионов. Портленд со своими тремя миллионами жителей и нулевым потенциалом роста остался далеко на обочине прогресса. Этому городу было не привыкать. Да и какая разница? Недоедание, скученность, основательно загрязненная окружающая среда стали нормой. В «старых городах» было больше цинги, тифа и гепатита; в «новых» – больше преступлений, убийств и насилия. В первых бал правили крысы, во вторых – мафия. Джордж Орт остался в Портленде потому, что всю жизнь там жил, и потому, что не верил, что где-то еще можно жить лучше или просто иначе.

Мисс Крауч с дежурной улыбкой сразу пригласила его войти. Орт полагал, что в кабинетах психиатров, как в кроличьих норах, всегда есть передняя и задняя двери. В этом второй двери не было, но все равно казалось маловероятным, что пациенты тут могут столкнуться друг с другом. На медицинском факультете сказали, что практика у доктора Хейбера небольшая, потому что в основном он занимается исследованиями. У Орта сложилось впечатление, что его направили к врачу дорогому и престижному, и свойское обхождение доктора вкупе с его мастерскими ухватками сперва это впечатление подтвердили. Но сегодня, уже не так нервничая, он заметил и другое. В кабинете не было ни платины с кожей, говорящих о финансовых успехах, ни грязных пробирок, которые бы говорили о презрении ученого к материальному комфорту. Стулья и кушетка покрыты винилом, стол – металлический с пластиковым ламинированием под дерево. И при этом абсолютно ничего натурального. Белозубый, здоровенный, с копной коричневых волос доктор Хейбер сразу же гаркнул: «Добрый день!»

Его дружелюбие не было фальшивым, но казалось преувеличенным. В нем чувствовались и настоящая теплота, и общительность, но они были заламинированы профессиональными приемчиками и задавлены его неестественным, принужденным поведением. Орт почувствовал, что Хейбер хочет и помочь, и произвести хорошее впечатление; доктор, как показалось Орту, до конца не уверен, что другие люди существуют, и рассчитывает, что, если он им поможет, то докажет тем самым их реальность. И «Добрый день!» он кричит так громко, потому что никогда не знает, ответит ли кто-нибудь. Орту захотелось сказать что-нибудь приветливое, но личные темы были вроде неуместны.

– Похоже, Афганистан вступит в войну, – сказал он.

– Угу. С августа к тому шло.

Ну конечно, врач ориентируется в мировой повестке гораздо лучше. Сам Орт за новостями обычно следил с пятого на десятое и отставал от последних событий недели на три.

– Правда, вряд ли это напугает союзников, – продолжал Хейбер. – Если только Пакистан не займет сторону Ирана. Тогда Индии придется поддержать Израигипет не только на словах. – (Израигиптом на телеязе называли альянс Новой Арабской Республики и Израиля.) – Судя по выступлению Гупты в Дели, он готовится к такому развитию событий.

– Все разрастается, – сказал Орт потерянно, чувствуя свою несостоятельность. – Я про войну.

– Вас это тревожит?

– А вас нет?

– Это не важно, – сказал врач, широко ухмыльнувшись в густую бороду, словно некий бог в обликии громадного медведя, хотя со вчерашнего дня он был настороже.

– А меня да, тревожит.

Но Хейбер не заслужил такой честный ответ. Тот, кто задает вопросы, не должен сам уходить от вопросов под предлогом объективности, будто ответы – это объект. Орт, правда, никаких таких мыслей не высказал: он был в руках доктора, а тот наверняка знал, что делает.

Орр был в принципе склонен думать, что люди знают, что делают; возможно, потому что о себе он обычно так не думал.

– Спали хорошо? – спросил Хейбер, усевшись под левым задним копытом Там-мани-Холла.

– Нормально, спасибо.

– Заглянем еще раз во «Дворец снов»? – спросил Хейбер, внимательно следя за реакцией.

– Да, конечно. Вы же за этим меня позвали.

Он увидел, как Хейбер встал и вышел из-за стола, как большая рука потянулась к его шее, а затем ничего не произошло.

– ...Джордж...

Его имя. Кто его зовет? Незнакомый голос. Сухая земля, сухой воздух, шум чужого голоса в ушах. Дневной свет, где, откуда – непонятно. Пути назад нет. Он проснулся.

Полузнакомая комната; полузнакомый здоровяк в огромном красно-коричневом трико на бретельках, с рыжевато-каштановой бородой, белозубой улыбкой и темными, непрозрачными глазами.

– Сон был короткий, но, судя по ЭЭГ, довольно бурный, – сказал низкий голос. – Рассказывайте. Чем быстрее вспомните, тем полнее выйдет.

Преодолевая головокружение, Орр сел на кушетке. А как он на ней оказался?

– Так... Да ничего особенного. Опять лошадь. Вы мне снова давали установку про лошадь?

Хейбер неопределенно мотнул головой и ждал продолжения.

– Снилось конюшня. Эта комната. Сено, ясли, вилы в углу и так далее. На конюшне был конь. Он...

Хейбер молчал и с таким вниманием слушал, что пришлось продолжать.

– Он навалил огромную кучу дерьма. Навоза. Коричневую, дымящуюся. Она чем-то напоминала гору Худ – горб на севере и все прочее. Куча растеклась по всему ковру и как бы приближалась ко мне. Я сказал: «Это не настоящая гора, а только картинка». И кажется, тут начал просыпаться.

Орр поднял глаза и посмотрел за спину доктора. Там красовалось настенное изображение горы Худ.

Умиротворяющая картина в приглушенных, художественно подобранных тонах: серое небо, коричневатая с краснотой гора, на вершине – вкрапления белого, а на переднем плане бесформенная масса деревьев.

Хейбер не смотрел на стену. Своими цепкими непрозрачными глазами он впился в Орра. Когда тот закончил, врач захохотал. Не то чтобы громко или долго, но, пожалуй, несколько возбужденно.

– Идет потихоньку!

– Что?

Орр чувствовал себя по-идиотски. Сидит на диване весь мятый, ошоловелый; только что дрых тут беспомощный, наверное, рот открыл, храпел, пока Хейбер давал указания и подсматривал за потайными скачками и выкрутасами его мозга. Им попользовались, вывернули его наизнанку. А чего ради?

Ясно же, что врач не помнит ни о фотографии лошади, ни об их прошлом разговоре. Он всецело существует в новой действительности, и все его воспоминания ведут только к ней. Ничем он помочь не может. Но вот он расхаживает по кабинету и вещает даже громче обычного.

– Итак! Вы: (а) способны видеть сны на заказ, выполняете суггестивные указания и (бэ) прекрасно реагируете на «Усилитель». Следовательно, можем работать быстро и эффективно без наркоза. Я предпочитаю без лекарств. То, на что мозг способен сам по себе, гораздо увле-

кательнее и сложнее, чем любая реакция на химический стимул. Затем я и придумал «Усилитель» – чтобы мозг мог стимулировать себя сам. Творческие и терапевтические ресурсы мозга, как бодрствующего, так и спящего, практически бесконечны. Надо лишь подобрать ключи ко всем замкам. В тех же снах, например, такая сила, что нам и не снилось!

Он снова расхохотался (эту шуточку он пускал в ход уже не раз). Опп криво усмехнулся: врач попал в самую точку.

– Я убедился, что мы правильно выбрали курс лечения. С вашими снами следует не бороться, а сотрудничать. Вы бросите вызов своему страху и с моей помощью его победите. Джордж, вы боитесь собственного мозга. С таким страхом жить нельзя. И не нужно. Вы даже не представляете, как ваш собственный мозг может вам помочь, как его можно направлять, использовать творчески. Надо только перестать прятаться от своих умственных сил, не подавляйте их – выпустите на свободу. Я вам помогу. Разве вам самому не кажется, что так будет правильно?

– Не знаю, – ответил Опп.

Когда Хейбер заговорил о силах мозга, Опп сперва решил, что доктор намекает на его способность менять мир сновидениями. Но тогда почему прямо не сказал? Зная, как пациент жаждет услышать, что кто-то ему верит, врач, если бы и правда верил, не забыл бы об этом упомянуть по рассеянности.

У Оппа внутри все опустилось. Из-за наркотиков и стимуляторов у него начались резкие перепады настроения; он об этом знал и старался держать эмоции под контролем. Но побороть разочарование не мог. До Оппа дошло, что он позволил себе робкую надежду. Вчера он был уверен, что доктор заметил, как гора поменялась на лошадь. Его не удивило и не насторожило, что Хейбер, испытав потрясение, и вида не подал. Он, конечно, сразу не решился признаться себе в том, что произошло, принять это как факт. Опп и сам долго не мог окончательно поверить в свои сверхъестественные способности. И все же он позволил себе надеяться, что Хейбер, зная содержание сна, присутствуя при нем, в самом центре событий, заметит перемену, сможет запомнить и подтвердить.

Все зря. Выхода нет. Опп, как был все последние месяцы, так и оставался – в одиночестве. С острым ощущением того, что он сошел с ума и в то же время не сошел с ума. От одного этого можно сойти с ума.

– Нельзя ли, – робко заговорил он, – дать мне постгипнотическое указание не видеть действенных снов? Вы же можете, суггестивно... Я бы отказался от таблеток. Хоть на время.

Хейбер сел за стол, ссутулившись и наклонив вперед голову, как медведь.

– Очень сомневаюсь, что это сработает, даже на одну ночь, – тихо сказал он. А потом снова расшумелся: – Да ведь это опять тот же тупик, Джордж! Что таблетки, что гипноз – все это подавление. Да не убежите вы от собственного мозга. И сами это понимаете, хотя делаете вид, что нет. Это ничего. Давайте зайдем с другой стороны: уже дважды вы у меня тут спали, на этой кушетке. И что? Так плохо? Кому-то стало хуже?

Опп, абсолютно подавленный, просто покачал головой.

Хейбер продолжал говорить, и Опп попытался прислушаться. Речь зашла о грезах наяву, о том, как они соотносятся с полуторачасовыми циклами ночного сна, об их функциях и пользе. Он спросил, есть ли у Оппа какие-то любимые фантазии, в которые он любит уходить мыслями.

– Я, например, – сказал врач, – часто представляю себе что-то героическое. Я герой. Спасая девушку, или коллегу-астронавта, или осажденный город, или всю эту несчастную планету. Я в роли мессии, надежда и опора. Хейбер спасает мир! Весело бывает этак помечтать, если не заигрывать. Всем полезно иногда подкормить свое эго; правда, если без этого уже не можешь, то параметры реальности начинают размываться... Бывают грезы в стиле тропического острова с аборигенками – особенно часто у начальников не первой молодости. Кто-то

там воображает себя благородным мучеником-страдальцем, у юношества всякие романтические фантазии, садомазохистские сценарии опять же и так далее. Самые популярные сюжеты в то или иное время посещают большинство людей. Почти все из нас хоть раз сражались на арене со львами, метали бомбы во врагов, спасали с тонущего корабля невинную девушку с аппетитными формами или писали за Бетховена Десятую симфонию. А вы о чем грезите?

– Я? Что я далеко. – Опп с трудом нашел в себе силы, чтобы ответить этому человеку, который пытался помочь. – Что вырвался из-под всего этого.

– Из-под работы? Каждодневной рутины?

Хейбер явно отказывался поверить, что работа ему нравилась. Со своим огромным честолюбием он, похоже, не мог себе представить, что у кого-то его нет.

– Да нет, скорее, подальше от города, толпы. От вездесущих людей, газет – всего.

– Значит, тропический остров? – по-медвежьи ухмыльнулся Хейбер.

– Нет. Знаете, с фантазией у меня не очень. Я иногда мечтаю, что живу в домике за городом. Может, где-нибудь на Береговом хребте, где еще остались старые леса.

– Не думали купить себе такой?

– Земли рекреационного назначения стоят примерно тридцать восемь тысяч за акр – и это самые дешевые, в пустошах на юге Орегона. А участки с видом на море уходят за четыреста тысяч.

Хейбер присвистнул.

– Вижу, что думали, – и вернулись к мечтам. Они, слава богу, бесплатные, а? Ну хорошо, давайте еще разок? У нас еще почти полчаса.

– А вы не могли бы...

– Что?

– Сделать так, чтобы я вспомнил установку?

Хейбер пустился в очередное пространное объяснение:

– Как вы знаете, то, что происходит во время гипноза, включая все установки гипнотизера, при пробуждении обычно блокируется. За это отвечает механизм, похожий на тот, что блокирует память о девяноста девяти процентах наших снов. Ослабить этот блок – значит дать вам слишком много противоречивых указаний по поводу весьма деликатной вещи – содержания сна, который вы еще не увидели. Его – сам сон – я могу приказывать вам вспомнить. Но не хотелось бы, чтобы к этим воспоминаниям примешивалась память о моих указаниях. Одно не должно мешать другому. Я хочу получить ясный отчет о том, что вам на самом деле приснилось, а не о том, что, как вам кажется, вам должно было присниться. Понимаете? Да вы не переживайте, я же помочь хочу. Я от вас слишком многого не требую. Да, я вас буду подталкивать, но мягко и постепенно. Кошмаров из-за меня не будет, обещаю! Я ведь тоже, как и вы, хочу разобраться до конца, понять, в чем дело. Вы человек умный, настроенный на лечение и смелый – сколько времени так промучились в одиночку. Мы справимся, Джордж. Честное слово.

Опп не вполне ему поверил, но как оратор Хейбер был непробиваем, и к тому же верить очень хотелось.

Он ничего не ответил, просто лег на диван и покорно подставил горло под огромную лапищу.

– Ага! С пробуждением! Что снилось, Джордж? Выкладывайте. С пылу с жару.

Оппа мутило, мысли шли туго.

– Какой-то тропический остров... кокосы... не помню.

Он потер голову, поскреб жидкую бородку, глубоко вздохнул. Страшно хотелось выпить холодной воды.

– Потом... снилось, что вы вместе с Джоном Кеннеди, который президент, идете по Олдер-стрит... вроде бы. А я шел как-то сзади: кажется, что-то нес за одним из вас. Кеннеди был с зонтом – я видел его в профиль, как на старых пятидесятицентовых монетах, – а вы сказали: «Господин президент, он вам больше не понадобится» – и взяли у него зонт из рук. Тому это вроде не понравилось, он что-то сказал, но я не расслышал. Но дождь действительно к тому моменту уже кончился, и он сказал: «Ну да, наверное, теперь не понадобится»... Кстати, дождь и правда кончился.

– Откуда вы знаете?

Орр вздохнул:

– Увидите, когда выйдете. На сегодня все?

– Можем продолжить. Платит-то государство.

– Я очень устал.

– Ну хорошо, тогда заканчиваем. Слушайте, может, будете приходить ко мне по вечерам? Заснете как обычно, а гипнозом только содержание снов подкорректируем. У вас рабочий день освободится, а я все равно почти все время работаю по ночам. Знаете, чего исследователям сна не хватает, так это сна! Так у нас гораздо быстрее пойдет, а вы сможете отказаться от противосонных таблеток. Попробуем, а? В пятницу?

– У меня свидание, – солгал Орр и сам себе поразился.

– Тогда в субботу?

– Договорились.

Он ушел, перекинув мокрый плащ через руку. Надевать не было нужды. Сон о Кеннеди был из разряда действенных, причем сильный. Он теперь точно понимал, когда сон такой. Даже если снились вещи незначашие, при пробуждении он вспоминал их во всех подробностях и чувствовал себя разбитым, измочаленным, как после изнурительной борьбы с могучей, яростной стихией. Раньше ему такие снились не чаще чем раз в месяц-полтора; от смешанного с ужасом ожидания очередного такого случая он весь извелся. Но теперь, когда «Усилитель» нагнетал сновидения, а гипноз требовал от них эффекта, ему за два дня из четырех снов при снилось три действенных. Или даже три из трех, если отбросить сон про кокосы, который был как раз из разряда того, что Хейбер называл потоком невнятных образов. Орр дико устал.

Дождя не было. Когда Орр вышел из дверей Уилламеттской восточной башни, над каньонами улиц виднелось ясное и высокое мартовское небо. Ветер переменялся и теперь дул с востока – сухой ветер пустынь, который время от времени разгонял серую, дождливую, душную тоску Уилламеттской долины.

На посвежевшем воздухе Орр приободрился. Расправил плечи и зашагал по улице, пытаясь не обращать внимания на легкое головокружение, порожденное, вероятно, всем сразу: усталостью, стрессом, двумя короткими провалами в сон в необычное время и спуском на лифте с шестьдесят третьего этажа.

Интересно, это врач ему сказал увидеть сон, что дождь кончился? Или установка была увидеть Кеннеди (у которого, сообразил он сейчас, была борода, как у Авраама Линкольна)? Или самого Хейбера? Не поймешь. Действенная часть сна оказалась про дождь, про изменение погоды, но это ничего не объясняло. Часто эффект давал отнюдь не самый яркий, не самый удивительный элемент. Орру подумалось, что Кеннеди попал в сон из его собственного подсознания, но стопроцентной уверенности не было.

Вместе с нескончаемым людским потоком он спустился в метро, бросил пять долларов в автомат, получил билет, сел на поезд, поехал в черноту под рекой.

Головокружение – физическое и умственное – усиливалось.

Ехать под рекой – странное занятие, дикая идея.

Переплыть реку, перейти вброд, форсировать, сесть на корабль или паром, проехать по мосту, перелететь на самолете, плыть вверх или вниз по течению, в вечно изменяющемся и

обновляющемся потоке, – все это понятно. Но в идее проезда под рекой кроется нечто извращенное в глубинном смысле слова. Есть дороги в человеческом сознании и за его пределами такие прихотливые, что сразу ясно: чтобы на них попасть, надо было когда-то давно свернуть не туда.

Под Уилламеттом проходило девять железнодорожных и автомобильных туннелей, над водой перекинулось шестнадцать мостов, а берега на двадцать семь миль были забраны в бетон. Гидротехнические сооружения на нем и – в нескольких милях от центра города – на могучей Колумбии (реки сливались в центре Портленда) спроектировали так искусно, что ни та ни другая река не могла подняться больше чем на пять дюймов даже после самых затяжных ливней. Уилламетт был полезным элементом окружающей среды, как огромное и послушное тягловое животное, опоясанное и стянутое ремнями, цепями, хомутами, седлами, уздечками, подпругами. Если бы пользу он не приносил, его бы, разумеется, закатали в асфальт, как сотни ручейков и речушек, что, стекая с городских холмов, теперь бежали во тьме под мостовыми и зданиями. Без Уилламетта Портленд не был бы портом, а так по нему до сих пор ходили суда, длинные цепочки барж и огромные плоты из сплавного леса. Так что грузовикам, поездам и немногочисленным личным автомобилям приходилось ездить либо над, либо под рекой. Над головами пассажиров поезда ПЖДС, который теперь шел по Бродвейскому туннелю, громоздились тонны земли и щебня, тонны текучей воды, сваи причалов и кили океанских судов, громадные железобетонные опоры магистральных эстакад, колонна паровых грузовиков, груженых морожеными курами, которых выращивали в клетках на птицефабрике, реактивный самолет на высоте тридцати четырех тысяч футов и звезды на высоте 4,3 светового года и больше. Джордж Орт, бледный в отсветах мерцающих флуоресцентных ламп, покачиваясь и держась за стальную ручку раскачивающегося на поручне ремня, мчался вместе с тысячей других душ сквозь подречную тьму. Он чувствовал невероятную тяжесть, огромный вес давил на него. Я живу в кошмаре, думал он, от которого лишь иногда пробуждаюсь во сне.

Пассажиры стали пробиваться к дверям, чтобы сойти на «Юнион», и под их напором эта сентенциозная фраза из головы у него вылетела; он сосредоточился исключительно на том, чтобы удержать ручку ремня. Его еще подташнивало, и он боялся, что, если отпустит ремень и полностью отдастся силе *d*, его вырвет.

Поезд тронулся с басовитым хрипом чего-то трущегося, к которому в равной пропорции примешивались пронзительные взвизги.

Систему ПЖДС построили всего пятнадцать лет назад, но поздно, второпях, экономя на материалах, не до, а прямо во время того периода, когда разваливался прежний автопром, нацеленный на массовый выпуск личных машин. Вагоны были сделаны как раз в Детройте, и это было заметно и по производимым ими звукам, и по срокам эксплуатации. Живя в городе и постоянно едзя на метро, Орт этого ужасающего грохота даже не слышал. Ему было всего тридцать, но окончания слухового нерва у него уже заметно потеряли чувствительность, да и потом, скрежет был привычным сопровождением кошмара. Отвоевав ручку ремня, Орт снова пустился в размышления.

С тех пор как он поневоле заинтересовался снами, его всегда удивляло, что большинство из них с пробуждением забывается. Видимо, неосознанное мышление – что в младенчестве, что во сне – от сознательного припоминания ускользает. Но разве под гипнозом он в бессознательном состоянии? Вовсе нет. Пока ему не скажут спать, он бодрствует. Тогда почему не может вспомнить? Это его беспокоило. Хотелось знать, что там делает Хейбер. Вот, например, первый сегодняшний сон – может, врач ему просто сказал опять увидеть лошадь, а кучу навоза выдумал он сам? Неловко. А если это доктор захотел сон о дерьме? Тоже неловко, но уже в другом роде. Хорошо еще, он не сотворил Хейберу кучу дымящегося коричневого навоза прямо в кабинете. Хотя почему? Отчасти сотворил – картинка на стене.

Поезд с завыванием вкатывался на станцию «Олдер-стрит», а Опп вытянулся и замер, будто его прогладили с двух сторон утюгом. Гора, думал он, не обращая внимания на то, что шестьдесят восемь людей, толкаясь, пихаясь и царапаясь, пробиваются мимо него к дверям. Гора. Он сказал мне во сне опять сделать гору. Вот у меня конь и сделал гору. Но если он сказал вернуть гору, значит он знал, что до лошади на стене была гора. Он знал. Он заметил, как первый сон изменил действительность. Он увидел перемену. Он мне верит. Я не сумасшедший!

Оппа наполнило такое ликование, что из сорока двух человек, в тот момент как раз протискивавшихся в вагон, семь или восемь, приплюснутых ближе всех к нему, ощутили несильную, но вполне явственную волну облегчения и благодати. Женщина, которой не удалось отворять у него ручку ремня, почувствовала, как проклятая боль в намозоленном пальце наконец отпустила; вдавленный в него справа мужчина вдруг подумал о солнечном свете; старик, присевший на корточки прямо у его ног, на минуту забыл про свой голод.

Соображал Опп не быстро. Вообще, особой сообразительностью он не отличался. К умозаключениям приходил медленно; ему были неведомы ни стремительный коньковый бег по гладкому твердому льду логики, ни взмывание под небеса на восходящих потоках воображения – нет, он ковылял к выводам по тяжелой почве обыденности. Взаимосвязи он не видел, как видели интеллектуалы, – он эти связи ощущал, как сантехник, на ощупь. Опп был неглуп, но не привык нагружать мозг и думать быстро. Только когда он вышел на станции «Росс-Айленд-Бридж-Уэст», прошел в гору несколько кварталов, поднялся на лифте в свою однокомнатную квартиру (восемь с половиной на одиннадцать футов) на восемнадцатом этаже убогого двадцатиэтажного железобетонного здания «Корбетт кондоминиум» для жильцов на самообеспечении («Недорого, стильно и в центре!»), когда положил в инфрапечь кусок соевой буханки, достал из встроенного в стену холодильника пиво и постоял у окна (квартиры с окнами стоили вдвое дороже), рассматривая переливающиеся огнями высотки Западных холмов с бурлящей вокруг них жизнью, ему наконец пришел в голову вопрос: «Почему Хейбер не показал, что знает: сны у меня действенные?»

Он еще поразмышлял, попробовал зайти и с той и с другой стороны, примерялся и так и этак, решил, что предмет неповоротливый.

Он думал так: «Хейбер знает – теперь-то точно, – что картинка дважды поменялась. Почему ничего не сказал? Он же знает, как я боялся, что сошел с ума. Говорит, хочет помочь. Мне бы очень помогло, если б он подтвердил, что видит то же, что и я, что мне не мерещится».

Медленно, задумчиво отхлебнув пива, Опп продолжил размышлять: «Значит, теперь он знает, что дождь кончился. Но, когда я ему сказал, он не пошел проверить. Может, испугался? Похоже. Его это все крепко напугало, он хочет сперва понять, что к чему, держит мысли при себе. Оно и понятно. Было бы странно, если бы он не испугался. Но что он станет делать потом, когда успокоится? Как будет останавливать сны, чтобы я больше ничего не менял? Нет, надо с этим кончать. Уже и так далеко зашло...»

Опп покачал головой и отвернулся от холмов, покрытых огнями и людским копошением.

4

Ничто не вечно, нигде (кроме педантического ума) нет точности и определенности; совершенство – это лишь отказ от той неизбежной незначительной погрешности, которая составляет таинственную внутреннюю сущность Бытия.

Г. Уэллс. Современная утопия

Адвокатское бюро «Форман, Эссербек, Гудхью и Ратти» располагалось в бывшей автомобильной парковке 1973 года, с тех пор переоборудованной для людских нужд. Похожая родословная была у многих старых зданий в центре Портленда. Собственно, было время, когда почти весь центр был занят парковками. Сперва они представляли собой асфальтовые поля, на просторах которых попадались будки кассиров и парковочные автоматы, но численность населения шла вверх, а вместе с ней росли парковочные пространства. Кстати, именно в Портленде много-много лет назад появились первые автоматические парковки с подъемниками для машин; и, пока индустрия, снабжавшая всех и каждого личным автомобилем, не задохнулась в собственных выхлопах, многоуровневые парковочные строения доросли тут до пятнадцати-двадцати этажей. Некоторые из них, начиная с восьмидесятых, начали сносить, чтобы выстроить на их месте жилые и деловые высотки; другие перепрофилировали. В этом здании по адресу Юго-Западная Бернсайд-стрит, дом 209, до сих пор пахло фантомным бензином. На бетонных полах сохранились следы испражнений несметного количества двигателей, протекторы динозавров навечно отпечатались в пыли гулких коридоров. Все полы в здании отличались любопытным свойством: они шли под еле заметным уклоном, ведь в свое время внутренность постройки представляла собой один спиральный пандус. В кабинетах у «Формана, Эссербека, Гудхью и Ратти» человека не покидало чувство, что его клонит в сторону.

Мисс Лелаш сидела за перегородкой из книжных шкафов и картотек, которая отделяла ее половину от половины мистера Перла, и ощущала себя черной вдовой.

Она сидела у себя в закутке, налившись ядом, – твердая, гладкая и ядовитая; ждала, ждала.

И жертва появилась.

Жертва прирожденная. Каштановые легкие волосики, как у девочки, светлая борода, мягкая, как рыбье брюхо, белая кожа, сам робкий, забитый, заикается. Тьфу! На такого наступишь – даже не хрустнет.

– У меня дело, на-навверное, насчет, вот, права на частную жизнь, – забормотал он. – То есть нарушения права. Но я не знаю т-точно. Вот, пришел посоветоваться.

– Выкладывайте.

Но жертва оказалась неспособна выкладывать. Робкий ручеек побрызгал и пересох.

– Вы проходите добровольное терапевтическое лечение, – сказала тогда мисс Лелаш, заглянув в записку, которую ранее прислал мистер Эссербек, – по поводу нарушения федеральных правил пользования автоматическими аптеками.

– Да. Если я соглашаюсь на лечение у психиатра, меня не будут судить.

– В целом так, – сухо сказала Лелаш.

Посетитель показался ей не то чтобы слабоумным, но каким-то отвратительно простоватым. Она откашлялась.

Он тоже откашлялся. Как другие, так и он.

Наконец, то и дело сбиваясь и поправляясь, он объяснил, что проходит лечение и, по сути, состоит оно в том, что он под гипнозом спит и видит сны. Ему кажется, что психиатр,

который приказывает ему видеть во сне определенные вещи, нарушает его право на частную жизнь, зафиксированное в Новой федеральной конституции 1984 года.

– Что-то похожее в прошлом году было в Аризоне, – сказала юрист. – Пациент ДТЛ обвинял психиатра, что тот сделал из него гомосексуалиста. Само собой, врач использовал стандартные психологические методики, а истец оказался латентным педиком: еще до того как дело ушло в суд, его арестовали за приставания к двенадцатилетнему посередь бела дня в Финикс-парке. В итоге отправили на ПТЛ в Техачапи. Это я к тому, что с такими обвинениями надо осторожнее. Большинство психиатров, участвующих в госпрограммах, – сами люди осторожные, уважаемые специалисты. Другое дело, если были случаи, конкретные эпизоды, настоящие улики... А одних подозрений мало. Может обернуться так, что вас самого отправят на ПТЛ в психбольницу в Линнтоне, а то и в тюрьму.

– А может... мне назначат другого врача?

– Ну, без веской причины вряд ли. К этому Хейберу вам дали направление на медицинском факультете. Там, знаете, люди серьезные. Если подадите на Хейбера жалобу, разбирать ее будут, скорее всего, эксперты с медфакультета, может, те же самые. Без доказательств они не примут сторону пациента. Особенно такого.

– Психического, – грустно сказал клиент.

– Вот именно.

Он помолчал. Потом поднял глаза – свои ясные, светлые глаза – и посмотрел на нее без злости и без надежды. Улыбнулся и сказал:

– Большое спасибо, мисс Лелаш. Извините за беспокойство.

– Ну подождите!

Простоват, конечно, но совсем не сумасшедший, даже не псих. Скорее, человек, доведенный до отчаяния.

– Не стоит сразу сдаваться. Я же не сказала, что оснований для иска нет. Вы говорите, что хотели избавиться от наркотической зависимости, а доктор Хейбер вам прописал даже больше фенотарбита, чем вы сами принимали. За это можно зацепиться. Хотя я сильно сомневаюсь. Но защита права на частную жизнь – мой конек, так что я хочу разобраться, были ли нарушения. Просто вы мне пока ничего не сказали по существу – если есть что рассказывать. Что конкретно сделал этот врач?

– Если я скажу, – с грустной уверенностью ответил клиент, – вы решите, что я сумасшедший.

– С чего вы взяли?

Мисс Лелаш была не склонна принимать на веру чужие заявления; для юриста это отличное свойство, хотя она понимала, что иногда со скепсисом перебарщивает.

– Если я вам скажу, – тем же ровным тоном продолжал посетитель, – что некоторые мои сны меняют реальность и что доктор Хейбер это понял и теперь использует этот... мой талант в своих целях, без моего согласия... вы решите, что я сошел с ума. Разве не так?

Подперев подбородок руками, мисс Лелаш смерила клиента долгим взглядом.

– Ну? Продолжайте, – наконец бросила она.

Еще бы не решить. Но черта с два она станет в этом признаваться. И потом, ну и что, что сумасшедший? А какой нормальный человек проживет в этом мире и не спятит?

Он опустил взгляд на руки, явно собираясь с мыслями.

– Понимаете, у него есть прибор... вроде электроэнцефалографа. Только он как бы анализирует излучение мозга и посылает ему сигналы.

– То есть, выходит, сумасшедший ученый с адской машиной?

Клиент криво улыбнулся:

– Если меня послушать, выходит так. Да нет, он, судя по всему, хороший специалист, серьезный ученый и действительно пытается людям помочь. Уверен, что ни мне, ни кому дру-

гому он не желает ничего плохого. У него самые лучшие намерения. – Поймав скептический взгляд Черной Вдовы, он запнулся. – В общем, этот прибор... я даже не знаю толком, как он работает. Но с его помощью Хейбер погружает меня в быстрый сон – так он говорит; это такая особенная фаза, когда снятся сны. Не то же самое, что обычный сон. Он меня усыпляет гипнозом, а потом включает свою машину, и я сразу вижу сны – обычно, когда спишь, не так. Это насколько я понимаю. То есть машина вызывает сны и еще, кажется, делает их ярче. И я вижу во сне то, что мне приказали видеть под гипнозом.

– Похоже на старый добрый психоанализ: это они со снами работали. Только ваш врач, получается, внушает, какие сны видеть? Наверное, через сны формирует какие-то условные рефлексы. Хорошо известно, что под гипнозом человек может сделать почти все что угодно, даже то, что в обычном состоянии совесть не позволяет. Это установили еще в середине прошлого века, а с тысяча девятьсот восемьдесят восьмого, после дела «Сомервилл против Прожански», это юридический факт. Так. Есть у вас основания полагать, что врач заставляет вас делать что-то опасное, что-то, что вы сочли бы морально неприемлемым?

Клиент помялся:

– Опасное – да. Если признать, что сны бывают опасными. Но он не приказывает мне ничего делать – только видеть что-то во сне.

– Хорошо, тогда что? Сны неприличные?

– Он не... злодей. Намерения у него хорошие. Но я против того, чтобы меня использовали как инструмент, как средство, даже если цели благородные. Я его не осуждаю, у меня у самого сны приводили к аморальным последствиям – почему я их и стал глушить таблетками, влип в историю. Я хочу от них избавиться, отказаться от таблеток, хочу вылечиться. А он не лечит. Он только подталкивает.

Повисла пауза, и мисс Лелаш спросила:

– К чему?

– К тому, чтобы я видел во сне другую реальность и менял мир, – выговорил клиент с безнадежной интонацией.

Мисс Лелаш снова уперла подбородок в скрещенные пальцы и какое-то время разглядывала синюю коробочку со скрепками на столе, у нижней кромки своего поля зрения, периодически вскидывая глаза на посетителя. Сидит – такой же тихий, как пришел, но теперь уже казалось, что, наступи она на него, он не то что не хлюпнет и не хрустнет, но даже не треснет. Какой-то на удивление плотный.

Обычно посетители адвокатских контор или сами нападают, или защищаются. Всем что-то нужно – получить наследство, отстоять имущество, добиться развода, упечь кого-нибудь в психушку, просто от кого-то отделаться. А этот тип, весь такой безобидный и беззащитный, чего добивается? Несет какую-то бессмыслицу, но впечатление такое, что смысл в его словах есть.

– Ну хорошо, – осторожно сказала она, – а что плохого в том, что он там чего-то добивается при помощи ваших снов?

– У меня нет права что-то менять. А у него – заставлять меня так делать.

Господи, он и правда верит, нырнул в этот омут с головой. Но говорит с такой добропорядочной убежденностью, что она, будто рыба в том же омуте, попалась на крючок.

– Что менять? Как? Приведите пример!

Ей было его не жаль, как стоило бы пожалеть больного, шизика или параноика, с маниакальной уверенностью в своем сверхъестественном даре. Перед ней стоит «очередная жертва нашего времени, ставшего испытанием для человеческих душ»⁵, как сказал в своем обращении к Конгрессу президент Мердль с его удивительным умением портить цитаты, а она на эту

---

⁵ Искаженная цитата из цикла эссе «Американский кризис» философа Томаса Пейна.

бедную, несчастную, окровавленную жертву с дырками в мозгу покрикивает. Но щадить его не хотелось. Было ощущение, что этот переживет.

– Домик, – поразмыслив, сказал он. – В мое второе посещение он спрашивал о мечтах, и я рассказал, что иногда мне видится, как я живу в собственном домике где-то в глуши, вдали от всего – знаете, как в старых романах. У меня, конечно, такого не было. А у кого есть? Но на прошлой неделе он, видимо, сказал мне увидеть во сне, будто у меня такой есть. Потому что теперь есть. Домик в аренде на тридцать три года на государственной земле, в национальном лесном заповеднике «Саюсло», недалеко от Нескоуина. В воскресенье я взял в аренду электромобиль и съездил проверить. Очень симпатичный, но...

– А почему нельзя иметь домик в лесу? Это что, аморально? Масса людей ради этого постоянно участвуют в лотереях – еще с прошлого года, когда открыли часть заповедного фонда. Вам дико повезло.

– Но у меня такого не было. И ни у кого не было. Леса и парки – те, что остались, – имели статус заповедников, только по краям разрешали ставить палатки. Не было никаких домиков в долгосрочной аренде от государства. До прошлой пятницы. Пока мне не приснилось, что они есть.

– Послушайте, мистер Орр, я знаю...

– Да я знаю, что вы знаете, – мягко перебил он. – Я тоже знаю. Как прошлой весной решили сдавать в аренду участки национальных лесов. Я подал заявку, в лотерее выпал мой номер и так далее. Но только я знаю, что до прошлой пятницы ничего такого не было. И Хейбер тоже знает.

– То есть ваш пятничный сон, – с издевкой сказала она, – изменил орегонскую действительность в настоящем и прошлом, повлиял на решение, которое приняли в Вашингтоне год назад, и стер память всем, кроме вас и врача? Ну и сон! Запомнили его?

– Да, – ответил он с раздражением, но твердо. – Приснился домик. А перед ним – ручей. Слушайте, я понимаю, вы все равно не поверите. Мне кажется, даже Хейбер до конца не верит. Если бы он не торопился и сперва как следует осознал, может, действовал бы осторожнее. Происходит все следующим образом. Допустим, под гипнозом он внушает мне увидеть в кабинете розовую собаку. Мне такая приснится, но, как мы понимаем, розовых собак нет в природе, их не существует. Значит, либо появится какой-нибудь белый пудель, выкрашенный в розовый цвет, причем обнаружится причина, почему он в таком виде тут оказался, либо, если потребуются настоящая розовая собака, мой сон изменит природу так, что в ней будут розовые собаки. Везде и всегда. Прямо с плейстоцена, или когда там появились собаки. Будет так, что в мире испокон веков существовали собаки черные, белые, коричневые, рыжие и розовые. И вот некая розовая собака забрела в кабинет. Может, его колли, пекинес помощницы или что-то в этом духе. Никакой мистики. Никаких чудес. Каждый сон прекрасно замечает следы. Просто я проснусь – и рядом совершенно естественным образом окажется банальная розовая собака. И никто не почувствует ничего необычного, кроме меня – и него. У меня две памяти, об обеих действительностях. И у доктора Хейбера тоже. Он в момент перехода находится со мной и знает, о чем был сон. Он делает вид, что не в курсе, но я знаю, что он в курсе. Все остальные будут думать, что розовые собаки существовали всегда. А для меня и него это будет и так, и не так.

– Двойные судьбы, альтернативные вселенные, – сказала мисс Лелаш. – Смотрите вечерами по телевизору старую фантастику?

– Нет. – Клиент говорил почти так же сухо, как она. – Я не прошу вас верить. По крайней мере, без доказательств.

– И на том спасибо!

Он улыбнулся, почти рассмеялся. Доброе лицо; и почему-то кажется, что она ему нравится.

– Но послушайте, мистер Опп, откуда взять доказательства ваших снов? Тем более если вы уничтожаете все следы и каждую ночь меняете все прошлое начиная с плейстоцена?

– Вы не могли бы, – вдруг встрепенулся он, как будто обнадеженный новой мыслью, – вы не могли бы, как мой адвокат, попросить разрешения присутствовать на одном из наших сеансов? Если вы не против?

– Может быть. Можно устроить, если причина веская. Но имейте в виду: если приведете с собой адвоката, потому что подозреваете врача в покушении на вашу частную жизнь, отношения с ним напрочь испортите. Судя по вашим рассказам, они и так неважные, хотя со стороны судить трудно. Вы ведь должны доверять ему, а он в каком-то смысле – вам. А вы от него отделаться хотите и адвоката притащили – и как он должен реагировать? Он же вроде помочь вам хочет.

– Да. Но он использует меня в исследовательских...

Опп не договорил. Мисс Лелаш напряглась: паучиха наконец увидела добычу.

– В исследовательских целях? Это правда? Как-как? Машина, о которой вы говорили, – она что, экспериментальная? А в ЗОС одобрение прошла? Вы что-нибудь подписывали, кроме формуляров ДТЛ и согласия на гипноз? Ничего? Знаете, мистер Опп, не исключено, что у вас есть повод для жалобы.

– Вы сможете поприсутствовать на сеансе?

– Может быть. Но, конечно, упираться будем не на частную жизнь, а на нарушение гражданских прав.

– Вы же понимаете, что я не хочу испортить жизнь доктору Хейберу? – забеспокоился он. – Не надо, он пытается как лучше. Просто я-то хочу, чтобы меня вылечили, а не использовали.

– Если у него добросовестные мотивы, но он применяет на людях экспериментальную аппаратуру, он не удивится, что возникли вопросы. И если ничего страшного не обнаружится, ему ничего не будет. У меня было два таких случая: работа по поручению ЗОС. Один раз меня попросили понаблюдать за испытанием нового гипнотизирующего устройства на медицинском факультете – оказалось, оно не действует. Другой раз в Институте Форест-Гроува я присутствовала на демонстрации устройства для внушения агорафобии – чтобы людям было приятно ходить в толпе. Оно действовало, но одобрения не получило: мы решили, что оно подпадает под законы о промывке мозгов. Наверное, я смогу получить распоряжение ЗОС о проверке этого агрегата, который у вашего врача. И вы ни при чем. Я не буду представляться вашим адвокатом. Может, даже я вас как бы не знаю. Я просто аккредитованный наблюдатель при Американском союзе гражданских свобод, пришла по поручению ЗОС. Если ничего такого не выяснится, будете работать с врачом, как раньше. Только надо придумать, как попасть именно на сеанс с вами.

– Я у него единственный пациент, с которым он применяет «Усилитель», – он мне сам говорил. Сказал, он его еще дорабатывает.

– Значит, у него действительно исследовательские цели. Эксперимент. Отлично. Ну что, попробуем вам помочь. Правда, на оформление документов уйдет неделя, если не больше.

На лице клиента отобразилось отчаяние.

– Надеюсь, мистер Опп, за эту неделю вы меня во сне не сотрете с лица земли?

Ей показалось, что в ее голосе слышно шуршание хитина и хруст жвал.

– По своей воле – ни за что, – ответил он с благодарностью... ой, нет, это не благодарность – это симпатия. Черт, она ему понравилась! Несчастный шизик на таблетках – оно и понятно, что понравилась. А он – ей. Она протянула смуглую руку, он подал ей свою, белую; блин, совсем как на том дурацком значке, который у матери валялся на дне коробки с иглами, –

что-то там «СКННД» или «СККНД»⁶, мать в середине прошлого века была членом, – черная рука пожимает белую. Ужас!

---

⁶ Студенческий координационный комитет ненасильственных действий – правозащитная организация, основной период действий которой пришелся на 1960-е годы.

5

Когда устранили великое дао, появились «человеколюбие» и «справедливость»⁷.

Лао-цзы. Дао дэ цзин

С улыбкой на губах Уильям Хейбер поднялся по ступеням Орегонского онейрологического института, открыл высокую дверь из поляризованного стекла и нырнул в сухой кондиционированный воздух. Несмотря на 24 марта по календарю, на улице уже была сушая баня, зато внутри института царила прохлада, спокойствие и чистота. Мраморный пол, респектабельная мебель, отделанная матовым хромом стойка регистратуры, за ней – налакированная сотрудница.

– Доброе утро, доктор Хейбер!

В фойе он столкнулся с Этвудом. Тот шел из исследовательского крыла, взъерошенный, с красными глазами: всю ночь просидел над энцефалограммами. В принципе, такую работу сейчас делали компьютеры, но бывали ситуации, когда требовался незапрограммированный мозг.

– Здравствуйте, шеф, – бросил Этвуд.

А перед дверью в его кабинет мисс Крауч прошептала:

– Доброе утро, доктор!

Хорошо, что в прошлом году, когда его назначили директором института, он взял Пенни Крауч с собой. Она умная и преданная, а человеку во главе большого и сложного исследовательского института умная и преданная женщина в приемной просто необходима.

Он проследовал в святая святых.

Бросив портфель и папки на диван, он потянулся и, как всегда, когда заходил в кабинет, подошел к окну. Большое угловое окно выходило на северо-восток и захватывало значительный кусок пространства: совсем рядом, у подножия холмов, излучину стянутого мостами Уилламетта, по его берегам – бессчетные городские башни, чьи высоченные шпили в весенней дымке казались молочными, убегающие вдаль пригороды, за последними пределами которых вставали предгорья, и горы. Худ, огромная, но как бы отстраненная, окутавшая свою вершину тучами; дальше к северу – похожая на коренной зуб Адамс; и, наконец, – четкий конус вулкана Сент-Хеленс, из-за длинных серых склонов которого, словно малыш из-за материнной юбки, выглядывал совсем уж на севере маленький лысый купол Рейнира.

Воодушевляющий вид. Хейбера он всегда воодушевлял. Кроме того, после недели непрерывных дождей стрелка барометра пошла вверх и над речным туманом выглянуло солнце. Прекрасно зная по сотням записей ЭЭГ, как атмосферное давление связано с тяжестью на душе, он почти осязаемо чувствовал, как его настроение и самочувствие вместе с потоками яркого света и сухого ветра воспаряют к облакам. «Вот-вот, так держать, еще поработать над климатом», – пронеслось у него в голове – быстро, почти украдкой. В его сознании параллельными потоками развивалось несколько идей, но это соображение ни к одному из них не относилось. Оно промелькнуло и тут же упало в картотеку долгосрочной памяти, а доктор тем временем включил настольный диктофон и начал надиктовывать одно из многочисленных писем, которые приходится сочинять руководителю научно-исследовательского института, тесно связанного с госструктурами. Работа, конечно, неблагодарная, но кому-то надо ее делать – кому, как не ему? Хейбер не возмущался, хотя из-за нее выкроить время на науку почти не удавалось.

---

⁷ Перевод Ян Хиншуна.

Теперь он проводил в лабораториях не больше пяти-шести часов в неделю, а пациент у него остался только один, хотя, конечно, он консультировал еще нескольких.

И все-таки один пациент остался. Он же психиатр, в конце концов. Онейрологией, снами он занялся как раз затем, чтобы лечить. Отвлеченное знание, наука ради науки его не интересовали: какой смысл что-то изучать, если потом не применять в терапии? Лакмусовой бумажкой всегда была практика. У него обязательно должен быть один собственный пациент, чтобы не забывать о самом главном долге, чтобы не терять связь с жизненной стороной исследований, напоминать себе о том, какая у людей с нарушенной психикой структура личности. В мире нет ничего важного, кроме людей. Человек полностью определяется тем, какое влияние он оказывает на других и какие взаимоотношения выстраивает; мораль имеет смысл, только если понимать ее как добро, которое делаешь другим, как исполнение своей функции в социально-политическом целом.

Его нынешний пациент, Опп, должен был прийти в четыре: от идеи ночных сеансов они отказались. Кроме того, напомнила за обедом мисс Крауч, на сегодняшнем приеме будет присутствовать инспектор из ЗОС – проверять, нет ли в работе «Усилителя» чего противозаконного, аморального, небезопасного, негуманного, не того, не сего. Вечно государство нос сует.

Такую цену приходится платить за успех и сопутствующие ему известность, интерес публики, профессиональную зависть, ревность коллег. Будь он до сих пор простой исследователь, который что-то там ковыряется в онейрологической лаборатории Портлендского университета и принимает в убогой комнатухе в Уилламеттской восточной башне, никто бы и не услышал про «Усилитель», пока Хейбер сам бы его не показал, и можно было бы спокойно довести аппарат до ума и отточить алгоритмы. Но нет: предстоит заниматься самым деликатным, самым интимным делом – проводить с нездоровым человеком психотерапевтический сеанс, – а ему подсылают юриста, который половину не поймет, а другую половину перевернет.

Юрист прибыл в три сорок пять, и Хейбер выскочил в приемную, чтобы поздороваться с ним – как выяснилось, с ней – и сразу произвести теплое, располагающее впечатление. Лучше дать понять, что ты не боишься, готов помогать и вообще приятный человек. Многие при появлении государственных инспекторов не скрывают раздражения – такие врачи редко получают гранты.

Правда, с этой адвокатшей излучать тепло и расположение было нелегко. Она вся щелкала и клала. Массивная латунная защелка на сумочке, тяжелая, погромыхивающая бижутерия из меди и латуни, туфли с толстыми набойками, огромное серебряное кольцо с чудовищно уродливой африканской маской, резкий голос, нахмуренные брови: щелк, бряк, хрясь... Через десять секунд Хейбер заподозрил, что все это, как подсказывало кольцо, одна большая маска: много шума и ярости, а уверенности в себе мало. Впрочем, ему-то какое дело. Все равно он под эту маску никогда не заглянет, и что там за женщина, не имеет значения – лишь бы произвести сейчас на юриста мисс Лелаш хорошее впечатление.

Беседа вышла пусть и не очень дружеской, но и не враждебной. Адвокатша попалась знающая, с опытом подобной работы и тщательно подготовилась. Знала, о чем спрашивать и как слушать.

– Этот ваш пациент, Джордж Опп, – сказала она, – не наркоман, верно? Вы с ним работаете три недели, какой у него диагноз? Психоз, расстройство?

– Расстройство – как его трактуют в Департаменте здравоохранения. Серьезное расстройство с элементами искусственной картины мира. Но на выбранный курс лечения реагирует хорошо.

У нее был карманный диктофон, который все записывал. Каждые пять секунд, как положено по закону, он делал «пик».

– Опишите, пожалуйста, метод лечения, – пик, – и объясните, какую роль играет этот прибор. Не рассказывайте, как, – пик, – он работает, это есть в отчете, а для чего он? – Пик. – Например, в чем его функция отличается от работы «электросна» или траншлема?

– Как вы знаете, приборы, которые вы назвали, генерируют низкочастотные импульсы, которые стимулируют нервные клетки коры головного мозга. Это сигналы, так сказать, общего типа; они влияют на мозг примерно так же, как стробоскопический свет определенной частоты или, если брать аудиальные стимулы, барабанный ритм. «Усилитель» же подает специфический сигнал, воспринимаемый конкретной зоной. Например, известно, что человека можно натренировать так, чтобы он по желанию сам воспроизводил альфа-ритм. Но «Усилитель» может вызвать эти ритмы без предварительной подготовки, причем даже в состоянии, которое обычно альфа-ритму не способствует. Через определенным образом расположенные электроды он подает девятигерцевые альфа-волны, и через считанные секунды мозг на них настраивается и начинает сам их генерировать, как у дзен-буддиста в трансе. Что более полезно, таким же образом можно индуцировать любую фазу сна со всеми ее циклами и возбуждениями в соответствующих областях мозга.

– Стимулирует ли он центры удовольствия или речи?

Как у этих моралистов из АСГС загораются глаза, когда речь заходит о центрах удовольствия! Подавив сарказм и раздражение, Хейбер ответил с добродушной прямоотой:

– Нет, знаете, это не то же самое, что ТЭС-терапия. Это не как электро- или химическая стимуляция каких-то центров; мы не вмешиваемся в работу особых зон. Речь только о том, чтобы повлиять на деятельность мозга в целом, чтобы перевести его в другое состояние, такое же естественное. Примерно как когда заразительная мелодия заставляет притопывать в ритм. Мозг приходит в режим, необходимый для исследований или терапии, и поддерживает его столько, сколько нужно. Вот почему я назвал это устройство «Усилитель» – чтобы подчеркнуть вспомогательную функцию. Человеку ничего не навязывают извне. Сон, вызванный «Усилителем», абсолютно, буквально такой же сон, каким спят обычные люди. Разница между «Усилителем» и «электросном» примерно такая же, как между индивидуальным пошивом и готовым платьем. Разница между ним и имплантацией электродов – ну, хм! – как между скальпелем и кувалдой.

– Но откуда вы берете стимулы? Например, – пик, – записываете альфа-ритм одного человека и воспроизводите другому, – пик?

А вот этого он касаться не хотел. Конечно, он не собирался врать, но какой смысл рассказывать о незавершенных исследованиях, пока еще не все доделано и проверено? У неспециалиста может сложиться неверное представление. Хейбер с энтузиазмом пустился в объяснения, радуясь тому, что своим голосом он перекрывает ее щелчки, лязганье и пиканье: удивительно, как этот противный звук долетал до его сознания, только когда говорила она.

– Сперва я использовал набор обобщенных стимулов, усредненные записи многих разных людей. Пациента с депрессией, о котором я упоминаю в отчете, удалось вылечить именно так. Но стало понятно, что результаты получаются слишком непредсказуемые и хаотичные. Я начал экспериментировать. На животных, само собой. На кошках. Нам, сомнологам, нравятся кошки: они все время спят! По результатам этих экспериментов я пришел к выводу, что перспективнее всего использовать ритмы, ранее полученные на том же мозге, – своего рода автостимуляция при помощи записей. Понимаете, мне была нужна точность попадания. На свой собственный альфа-ритм мозг откликается мгновенно. И тут стало просматриваться новое терапевтическое направление по другой линии исследований: а что, если попробовать понемногу накладывать на ритмы пациента чуть иные ритмы? Более законченные или более здоровые? Полученные от человека раньше или даже от другого человека. Это бы оказало колоссальную помощь при лечении мозговых травм: может, поврежденный мозг смог бы восстановить прежние функции за счет выстраивания новых связей – обычно у мозга на это уходит много сил и времени. А мозг

с аномалиями в работе можно было бы «научить» вести себя правильно и так далее. Правда, это все пока гипотезы; если когда-нибудь вернусь к исследованиям в этой плоскости, обязательно заново пройду регистрацию в ЗОС.

И это чистая правда. Необходимости упоминать эти исследования не было: все пока очень предварительно, только превратно истолкуют.

– Та форма автостимуляции, которую я применяю в данном случае, воздействует на пациента только в те моменты, когда работает аппарат, – то есть от пяти до десяти минут за сеанс.

В работе инспекторов от Минздрава он понимал куда больше, чем они в его; услышав последнюю фразу, адвокатша слегка кивнула: это по ее части.

Но вдруг спросила:

– Так для чего тогда аппарат?

– Я как раз собирался об этом сказать, – ответил Хейбер и тут же сменил тон: в голосе начало проскакивать раздражение. – В данном случае перед нами пациент, который боится видеть сны. То есть страдает онейрофобией. Мой курс лечения – это, по сути, просто выработка условных рефлексов в классической традиции современной психологии. Пациенту предлагается видеть сны здесь, в контролируемых условиях, притом что содержание снов и их эмоциональное воздействие задается гипнотической суггестией. Пациента приучают к тому, что сны – это безопасно, приятно и так далее. Положительное подкрепление поможет ему справиться с фобией. «Усилитель» для этих целей – идеальный инструмент. За счет инициирования и стимулирования фазы БДГ он гарантирует сновидения. В обычных условиях на то, чтобы через все этапы медленного сна добраться до быстрого, уходит до полутора часов – если пациент пришел к врачу на дневной прием, это слишком долго. Более того, при естественном глубоком сне может ослабнуть сила гипнотического внушения по поводу содержания сна. Это нежелательно: пока идет выработка рефлексов, важно, чтобы пациенту не снилось ничего плохого, никаких кошмаров. Так что «Усилитель» и экономит время, и служит страховкой. Можно было провести такой курс и без него, но понадобились бы, наверное, месяцы. А так я рассчитываю закончить через пару недель. Может, в будущем «Усилитель» станет в некоторых случаях таким же незаменимым помощником, как гипноз при психоанализе и выработке рефлексов.

«Пик», – подал голос диктофон юриста, и тут же послышалось мягкое, звучное, солидное: «Бом-м-м». Это его настольный интерком. Слава богу!

– Вот и наш пациент. Мисс Лелаш, если не возражаете, давайте я вас познакомлю, вы пообщаетесь, а потом, может быть, сядете вон в то кожаное кресло в углу? В принципе, ему должно быть все равно, что вы здесь, но, если он вас будет постоянно видеть, все пойдет страшно медленно. У него довольно сильный тревожный синдром – во всем, понимаете, видит личную угрозу, – и целая система защитных иллюзий – ну вы сами увидите. А, да, и диктофон выключите. Сеанс с врачом не под запись, правильно? Ага, так. Хорошо. Ну здравствуйте, Джордж! Заходите. Это мисс Лелаш, представитель ЗОС. Она будет наблюдать за работой «Усилителя».

Орр с адвокатшей обменялись до смешного неловким рукопожатием. Хрясь, клац – брякнули браслеты. Забавный контраст: агрессивная, резкая баба и робкий, бесхарактерный мужик. Ничего общего.

– Так, – сказал Хейбер, явно получая удовольствие от зрелища, – давайте начинать. Разве что, Джордж, у вас есть вопросы?

Говоря все это, врач ненавязчиво, легкими жестами сортировал своих посетителей: одну отправил на кресло в дальний угол, другого – на кушетку.

– Ну хорошо, тогда давайте сгенерируем вам сон. Заодно ЗОС убедится, что от «Усилителя» не выпадают ногти, не лопаются артерии, не съезжает крыша и вообще от него никаких побочных эффектов, разве что сегодня ночью у вас компенсаторно сократится фаза быстрого сна.

Закончив фразу, он почти небрежно протянул правую руку к горлу пациента. Опп дернулся, как будто его никогда не гипнотизировали.

Потом извинился:

– Простите. Вы так неожиданно всегда...

Нужно полностью его регипнотизировать и применить ВК-индукцию. Это, разумеется, абсолютно законно, но при инспекторе лучше бы обойтись без лишнего драматизма. Его здорово взбесил Опп; в последние пять-шесть посещений в нем росло какое-то сопротивление. Усыпив его, он включил пленку, на которую сам записал набор скучных, монотонных установок для углубления транса и постгипнотической суггестии при регипнотизировании: «Вы спокойны и расслаблены. Вас ничего не беспокоит. Вы погружаетесь в транс все глубже» и так далее. Пока она играла, он вернулся за стол и со спокойно-сосредоточенным лицом стал перебирать бумаги, не обращая внимания на Лелаш. Она знала, что процесс гипнотизирования прерывать нельзя, и сидела тихо, смотрела на небоскребы за окном.

Наконец Хейбер остановил запись и надел Оппу на голову траншлем.

– Пока я все подключаю, давайте обсудим, что вы сегодня увидите во сне. Джордж, вы поговорите со мной об этом?

Пациент медленно кивнул.

– В прошлый раз мы обсуждали, что вас тревожит. Вы сказали, вам нравится ваша работа, но не нравится ездить на метро. Слишком много народу, давка, толчея. Вам кажется, что нет возможности пошевелиться, у вас такое чувство, будто вы не свободны.

Он сделал паузу, и пациент, под гипнозом всегда набиравший в рот воды, в конце концов выдавил из себя только:

– Перенаселение.

– М-да, так вы и сказали. Это ваше выражение, ваша метафора для этого чувства несвободы. Давайте обсудим это слово. Как вы знаете, в восемнадцатом веке в набат по поводу роста населения бил Мальтус. Тридцать-сорок лет назад на этот счет опять поднимали панику. Конечно, людей на планете стало больше, но тех ужасов, которые нам обещали, как-то не случилось. Все не так страшно, как нас пугали. Мы в Америке устроились неплохо, а если в чем-то уровень жизни и снизился, то ведь в другом он выше, чем поколение назад. Возможно, чрезмерная боязнь перенаселения – толп народа – отражает не внешнюю действительность, а внутреннее состояние ума. Если вам кажется, что вас сдавливает толпа, когда это не так, что это значит? Может, вы боитесь человеческого контакта, близости других людей, того, что к вам прикоснутся? И поэтому нашли повод не принимать реальность такой, какая она есть.

Электроэнцефалограф работал, и Хейбер, пока все это говорил, подсоединял «Усилитель».

– Так, Джордж, мы еще немного поговорим, а потом я скажу: «Антверпен» – и вы заснете. Проснетесь свежим и отдохнувшим. Вы не вспомните, о чем я сейчас говорю, но вы запомните свой сон. Вам приснится сон яркий и приятный, сон действенный. Он будет о том, что вас так беспокоит, – о перенаселении: вы поймете, что на самом деле беспокоит вас не это. В конце концов, человек не может жить в одиночестве; одиночное заключение – самое страшное! Нам нужно, чтобы вокруг были другие люди. Чтобы они нам помогали, чтобы мы им помогали, чтобы были конкуренты, чтобы мы не впадали в маразм.

И так далее и тому подобное. Из-за адвокатши установка шла через пень-колоду; приходилось подбирать абстрактные выражения, вместо того чтобы просто сказать Оппу, что увидеть во сне. Он, конечно, не собирался отказываться от своего метода, лишь бы обмануть инспектора, но его метод еще не принял неизменные формы. От сеанса к сеансу он его варьировал, подбирал способ добиться точно такого сна, как было задумано, и вечно натывался на противодействие; иногда ему казалось, что причина тут в склонности первой сигнальной системы к излишне буквальному восприятию, а иногда – что в инертности орровского мышления. Как

бы там ни было, сны почти всегда расходились с замыслом, и кто знает, может, эти размытые, абстрактные установки дадут результат не хуже. Может, они вызовут у Орра меньше подсознательного протеста.

Он жестом пригласил мисс Лелаш подойти посмотреть на ЭЭГ, которую она силилась разглядеть из дальнего угла, и продолжил:

– Вы увидите сон, в котором не будете чувствовать, что вас сдавливает толпа. У вас будет сколько угодно пространства, сколько угодно свободы для движения.

В конце концов он сказал: «Антверпен!» – и показал на перья энцефалографа, движения которых почти сразу же изменились.

– Обратите внимание: замедление по всему графику, – сказал он вполголоса. – Высоковольтный пик, вот, еще один... «Веретена сна»... У него уже вторая стадия обычного сна, медленного, его по-разному называют, без ярких сновидений, который заполняет промежутки между быстрым сном всю ночь. Но в глубокую четвертую стадию ему не надо: он сюда сны видеть пришел. Включаю «Усилитель». Следите за экраном. Видите?

– Как будто просыпается, – с сомнением произнесла она.

– Верно. Только это не бодрствование. Посмотрите.

Орр лежал на спине, чуть запрокинув голову, так что светлая короткая бородака уставилась в потолок. Он крепко спал, но мышцы вокруг рта напряглись; он глубоко вздохнул.

– Видите, под веками глаза двигаются? Так в тридцатых и заметили этот феномен – сон со сновидениями. Его долго называли «сон с БДГ», быстрым движением глаз, только там, кроме глаз, еще столько всего! Это третье состояние. Его вегетативная нервная система сейчас мобилизована, как у бодрствующего человека в минуту возбуждения, а мышечный тонус нулевой, и большие мышцы расслаблены даже полнее, чем в медленном сне. Кора, подкорковый отдел, гиппокамп и средний мозг возбуждены, как при бодрствовании, а только что спали. Потоотделение и артериальное давление такие же, а то и выше, чем в бодрствующем состоянии. Попробуйте пульс. – Он положил ее пальцы на кисть пациента. – Ого! Восемьдесят или даже восемьдесят пять. Что-то у него там веселое...

– Ему снится сон? – изумилась адвокатша.

– Ага.

– И это нормальная реакция?

– Абсолютно. С нами со всеми так происходит раз по пять за ночь – по десять минут или дольше. И ЭЭГ у него совершенно обычная. Единственная аномалия, или особенность, – это что иногда по всем графикам пробегает острый пик, некий мозговой всплеск, которого раньше в быстром сне я ни у кого не наблюдал. Внешне напоминает эффект, который отмечается на энцефалограммах, когда люди выполняют сложные творческие задания: пишут картины, сочиняют стихи или хотя бы читают Шекспира. Что в такие моменты делает мозг пациента, пока не знаю. Но «Усилитель» позволяет их регулярно наблюдать, так что в итоге можно будет провести анализ.

– А может, такой эффект из-за вашего аппарата?

– Нет.

На самом деле он пробовал простимулировать мозг Орра записью с такими пиками, но сон вышел бессвязный – какая-то каша из предыдущего сна, в ходе которого были записаны пики, и текущего. Зачем рассказывать о неудачных экспериментах?

– Кстати, сейчас сон уже вовсю идет и «Усилитель» можно выключать. Посмотрите на экран – заметите разницу?

Она не заметила.

– Может, все равно еще будут эти всплески. Следите внимательно. Обычно сперва в тета-ритме, вон там, на графике гиппокампа. У других людей так тоже бывает, вне всякого сомнения. Надо только выяснить, что за другие люди, в каком они при этом состоянии, – тогда, воз-

можно, удастся установить, в чем именно дело с этим пациентом. Может, он принадлежит к какому-то определенному психологическому или нейропсихологическому типу. Видите, какая польза от «Усилителя» для науки? На пациента никакого воздействия – разве что временно мозг переводят в одно из возможных нормальных состояний, которое представляет интерес для исследователя. Глядите!

Само собой, она пропустила пик. Считывать с экрана данные ЭЭГ – особое умение.

– Что-то у него там замкнуло. Но сон продолжается... Скоро нам сам расскажет.

Хейбер не мог больше говорить. Во рту пересохло. Он почувствовал: вот оно – слом, смена, переход.

И женщина тоже почувствовала. На лице у нее отразился испуг. Схватившись за тяжелое латунное ожерелье, как за оберег, и прижав руку к горлу, она с ужасом, с отчаянием, потрясенно смотрела в окно.

Такого он не ждал. Он думал, только ему удастся ощутить момент перехода.

Но она же слышала его указания Орру, стояла рядом со спящим, была, как и Хейбер, в самом центре. И вместе с Хейбером сейчас смотрела, как, словно сон, растворяются в воздухе небоскребы, не оставляя за собой ни кирпичика, как улетучиваются призрачные ленты пригородов, будто дым на ветру, смотрела на Портленд, чье население когда-то, до Чумных лет, доходило до миллиона, а сегодня, в период Выздоровления, сжалось до ста тысяч, на город беспорядочный, сумбурный, как все американские города, но все же связанный воедино своими холмами и туманной рекой о семи мостах, смотрела на высящееся над центром старое сорокаэтажное здание «Первого национального банка» и, убегая взглядом почти совсем уже к горизонту, на умиротворенные белесые горы вдаль...

Она все увидела своими глазами. И тут Хейбер осознал, что никогда раньше и мысли такой не допускал. Он не думал, что наблюдатель от ЗОС что-то заметит. А значит, он и сам не верил в изменения, в силу снов Орра. Хотя он их чувствовал, уже раз десять их видел с изумлением, страхом и восторгом, хотя наблюдал, как лошадь становилась горой (если наложение двух пластов действительности можно наблюдать), хотя уже почти месяц испытывал и использовал действенную силу орровских сновидений, все-таки он не верил в происходящее.

Весь сегодняшний день, начиная с прихода на работу, он ни разу не задумался о том, что неделю назад он не был руководителем Орегонского онейрологического института, потому что не было никакого института. А с прошлой пятницы институт был уже полтора года. И Хейбер – его основатель и директор. И то, что это так – для него, для всех сотрудников, для коллег на медицинском факультете, для правительства, которое выделило деньги, – он, как и они, принял полностью и безоговорочно как единственную реальность. Память о том, что до прошлой пятницы все обстояло совсем иначе, он подавил.

Орру тогда приснился сон такой силы, с которым ни один другой пока сравниться не мог. Он начался в старой комнатухе по ту сторону реки, под несчастной фотографией горы Худ, и закончился в этом кабинете... И ведь Хейбер при всем присутствовал, видел, как стены вокруг него меняются, чувствовал, что мир переделывается заново, но все забыл. Забыл так крепко, что даже не задумался: а вдруг некое третье лицо, посторонний человек тоже заметит?

И что теперь будет с женщиной? Поймет ли она, или закатит истерику, или что? Сохранятся ли у нее, как и у него, оба воспоминания: истинное и новое, старое и истинное?

Еще не хватало. Начнет мешать, притащит других наблюдателей, окончательно испортит эксперимент, поломают все планы.

Остановить ее любой ценой. Он обернулся к ней, сжав кулаки, готовый применить силу.

Она замерла без движения, открыв рот, словно в трансе. Смуглая кожа позеленела. Она не могла поверить в то, что увидела за окном. Не могла и не верила.

Хейбер, все мышцы которого напряглись до предела, выдохнул чуть свободнее. Судя по ее виду, она так ошарашена и сбита с толку, что опасности представлять не будет. Но все равно действовать надо быстро.

– Он еще немного поспит, – сказал доктор, и голос его звучал почти нормально, только – из-за напряжения в горле – с легкой хрипотцой.

Он понятия не имел, куда его понесет, но надо было говорить хоть что-нибудь, лишь бы развеять наваждение.

– Переведу его в медленный сон. Ненадолго, а то забудет, что приснилось. Красивый вид, правда? Слава богу, восточный ветер, а то зимой и осенью гор по месяцу не видишь. А тут небо расчистилось – и вот они. Хороший все-таки штат – Орегон. Во всей стране самый неиспорченный. До Краха его особо не трогали. В конце семидесятых Портленд только начинал входить в силу. Вы здесь родились?

После долгой паузы она ошалело кивнула. Если не суть его слов, то по крайней мере свойские интонации начинали оказывать воздействие.

– А я сам из Нью-Джерси. В моем детстве там ужас творился, природу вообще загубили. Сколько на восточном побережье после Краха пришлось сносить и очищать, и до сих пор еще приходится, – уму непостижимо. Здесь, на Западе, кроме Калифорнии, такого перенаселения и экологической катастрофы не было. Экосистемы в Орегоне сохранились.

Опасно так говорить – прямо на болезную тему, но ничего другого в голову не приходит; Хейбера будто тянет за язык. Голова еле справляется с двумя наборами воспоминаний, с двумя полными базами данных – одна о настоящем (до сего момента) мире, население которого составляет семь миллиардов человек и растет в геометрической прогрессии, а другая о настоящем (теперь) мире с населением меньше миллиарда, которое все еще убывает.

Боже, проносится в голове, что же Опп наделал?

Шесть миллиардов человек.

Где они?

Но адвокатша не должна догадаться. Ни в коем разе.

– Бывали на востоке, мисс Лелаш?

– Нет, – мутно посмотрела на него она.

– Ну и правильно. Нью-Йорк все равно обречен, да и Бостон тоже. Будущее страны, как ни крути, здесь. Рост будет с этого края. Как говорили в моем детстве, здесь «самое оно»! Кстати, вы не знаете Дьюи Ферта? В нашем отделении ЗОС работает.

– Знаю.

Голос по-прежнему такой, будто у нее сотрясение мозга, но хотя бы начинает отвечать, вести себя, словно ничего не случилось. По телу Хейбера прошел спазм облегчения. Захотелось рухнуть в кресло, глубоко вздохнуть. Опасность миновала. Она отвергает переживание, в которое невозможно поверить. Задается сейчас вопросом: что со мной не так? Почему мне вдруг почудилось, что за окном город с тремя миллионами жителей? Это что, помутнение рассудка?

А как иначе, подумал Хейбер. Увидит человек чудо и отречется от того, что видел своими глазами, если те, кто рядом, ничего не заметили.

– Душиновато у меня, – сказал он с заботливой интонацией и потянулся к термостату на стене. – Я обычно делаю потеплее: старая привычка. Во сне температура тела понижается – не хочется, чтобы пациенты вечно носом шмыгали. Но эти электробатареи очень мощные – жарко от них, и голова мутная... Скоро уже проснется.

Но Хейбер не хотел, чтобы Опп ясно вспомнил свой сон и пересказал; не надо подтверждать чудо.

– Хотя пусть еще поспит. Содержание этого сна особого значения не имеет, а он как раз в третьей стадии. Пусть досыпает, пока мы заканчиваем разговор. У вас есть еще вопросы?

– Нет. Да нет вроде бы.

Ее браслеты неуверенно звякнули. Она поморгала, попыталась сконцентрироваться.

– Пошлите, пожалуйста, в отдел Ферта полное описание устройства, принцип работы, как вы его применяете, результаты и все прочее – ну, вы знаете, – и на этом должно быть все... Вы получили патент?

– Подал заявку.

Она кивнула:

– Может пригодиться.

С легким погромыхиванием она подошла к спящему и стала всматриваться в него со странным выражением на своем узком смуглом лице.

– Занятная у вас профессия, – бросила она. – Сны эти... Наблюдать, как работает чужой мозг, говорить людям, что им приснится... Наверно, много по ночам работаете?

– Раньше – да. «Усилитель» во многом эту проблему снимает. С ним можно получать сон нужного типа в любое время. Но несколько лет назад у меня выдались тринадцать месяцев подряд, когда я ни разу не ложился раньше шести утра. – Он улыбнулся. – Сейчас я этим хвастаюсь. Рекорд. А основную часть ночной работы переложил на сотрудников. У старости свои плюсы!

– Кажется, спящие уносятся так далеко... – Она по-прежнему смотрела на Орра. – Где они?

– Вот здесь. – Хейбер постучал по экрану электроэнцефалографа. – Прямо тут, но без связи с внешним миром. Вот почему сон кажется чем-то потусторонним. Это дело сугубо личное. Спящий отгораживается от всех. «Загадка личности ярче всего проявляется во сне», – сказал один специалист в нашей области. Но загадка – это всего лишь задача, которую мы пока не решили! Так, пора ему вставать. Джордж... Джордж... Джордж, просыпайтесь...

И он проснулся так, как почти всегда, – быстро проходя все стадии без стонов, мутных взглядов и попыток снова заснуть. Орт сел на кушетке и посмотрел сперва на мисс Лелаш, а потом на Хейбера, только что снявшего с него траншлем. Он встал, слегка потянулся и пошел к окну. Замер.

В положении его тщедушного тела была удивительная гармония, почти скульптурная. Он застыл, застыл в центре чего-то. Не ожидавшие такого, ни Хейбер, ни женщина не произнесли ни слова.

Орт обернулся к Хейберу:

– Где они? Куда они делись?

Хейбер увидел, как у женщины расширяются глаза, как она вся напрягается, и понял: опасность. Говорить! Только не молчать!

– Судя по ЭЭГ, Джордж, – сказал он с теплой, бархатистой интонацией, как раз с такой, как и хотел, – вам приснился очень нервный сон. Неприятный. По сути, почти кошмар. Первый ваш «плохой» сон за все время здесь. Верно?

– Мне снилась чума, – сказал Джордж, и его всего передернуло, как будто сейчас стошнит.

Хейбер кивнул. Сел за стол. Со своей удивительной покорностью, привычкой делать то, что должно, чего от него ждут, Орт подошел и сел напротив, в большое кожаное кресло, предназначенное для посетителей и пациентов.

– Вы уткнулись в стену, и перелезть через нее было непросто. Так, Джордж? Сегодня я вам в первый раз дал поработать с действительно тревожной темой. Под моим наблюдением, следуя гипнотической установке, вы подошли к одному из глубинных сюжетов вашего душевного недуга. Идти в ту сторону было нелегко и неприятно. Если начистоту, чудовищный сон, верно?

– Вы помните Чумные годы? – спросил Орт, мягко, но в голосе его прозвучало что-то непривычное – сарказм?

И он посмотрел на мисс Лелаш, которая вернулась в свое кресло в углу.

– Да, помню. Когда началась первая эпидемия, я был уже взрослым, мне было двадцать два. Первое сообщение пришло из России: там заметили, что химические выбросы в атмосфере реагируют друг с другом и образуют вирулентные канцерогены. На следующий день опубликовали статистику по госпитализациям в Мехико. Тогда определили инкубационный период, и все стали считать. И ждать. Тут пошли бунты и прощальные потрахушки, появился «Оркестр Судного дня», сколотили Ополчение. В тот год умерли мои родители. На следующий год – жена. Потом – две мои сестры и их дети. Все, кого я знал. – Хейбер распростер руки. – Да, я помню эти годы, – тяжело вздохнул он. – К сожалению.

– Но зато проблема перенаселения решилась, не так ли? – сказал Опп, и в этот раз в его голосе определенно звучал вызов. – Мы молодцы.

– Да, решилась. Сегодня нет перенаселения. А какое еще было решение, кроме ядерной войны? Сейчас в Южной Америке, Африке и Азии нет постоянного голода. Когда полностью восстановят транспорт, не останется даже последних голодных областей. Говорят, до сих пор треть всех людей ложатся спать голодными, а в восьмидесятом таких было девяносто два процента. Ганг больше не разливается из-за того, что в него сваливают тела умерших от голода. У портлендских семей из рабочего класса дети не страдают от нехватки белка и рахита. А до Краха – страдали.

– До Чумы, – поправил Опп.

Хейбер наклонился через стол:

– Джордж, скажите мне: мир перенаселен?

– Нет, – ответил Опп.

Хейбер подумал было, что он смеется, и на всякий случай отодвинулся назад, но потом понял, что странный блеск в глазах у пациента – от слез. Он был готов разрыдаться. Тем лучше. Если он закатит истерику, адвокатша тем более не поверит, если он даже скажет что-то, что совпадет с ее воспоминаниями.

– Но полчаса назад вы не на шутку переживали, боялись, что перенаселение угрожает человеческой цивилизации, всей экосистеме Земли. Я, конечно, не рассчитываю, что вы полностью избавились от этой тревоги. Куда там. Но надеюсь, что теперь, когда вы пережили ее во сне, ее качество изменилось. Вы же теперь понимаете, что под ней нет реальных оснований? Тревога осталась, но отличие в том, что вы знаете: она иррациональна, она идет не от внешней действительности, а от внутренних устремлений. Это уже что-то. Неплохое начало. На самом деле, отличный результат для одного сеанса, для всего-то одного сна! Вы хоть отдаете себе отчет? У вас теперь в руках есть инструмент, вы понимаете, как с этим бороться. Раньше оно вас давило, сжимало, придавливало, а теперь вы сами его можете раздавить. Ваша борьба будет честнее, потому что вы стали свободнее. Чувствуете? Разве уже сейчас, вот в эту минуту, вы не ощутили, что дышится легче?

Опп посмотрел на него, потом снова на женщину-юриста, но ничего не сказал.

Повисла пауза.

– Выглядите неважно, – как бы словесно потрепал Оппа по плечу доктор.

Он хотел, чтобы пациент успокоился, вернулся в свое обычное состояние самоуничтожения, в котором ему не хватит духу рассказывать перед посторонним о своих сновидческих способностях. Ну или чтобы уж сорвался, чтобы повел себя как человек с явными отклонениями. Но Опп не делал ни того ни другого.

– Если бы у нас в углу не засел инспектор от ЗОС, предложил бы вам виски. Но не будем, пожалуй, превращать визит к врачу в вечеринку, а?

– Так рассказать вам сон?

– Если хотите.

– Я хоронил тела. В большом таком рву... Я действительно работал в похоронной бригаде, когда мне было шестнадцать, когда погибли родители... Только во сне люди были голые и умерли, судя по виду, от голода. Горы трупов. Надо было похоронить всех. Я все искал вас, но не находил.

– Да, Джордж, – веско сказал Хейбер, – я в ваших снах еще не появлялся.

– Появлялись. С Кеннеди. И в виде коня.

– Ну да, на начальном этапе, – отмахнулся Хейбер. – То есть, получается, в этом сне было что-то из вашего реального опыта?

– Нет. Я никогда никого не хоронил. Никто от чумы не умирал. Не было никакой чумы. Это все в моем воображении. Я придумал это во сне.

Черт бы побрал этого мозгляка! Совсем распоясался.

Склонив голову набок, Хейбер терпеливо, показывая нежелание перебивать, выдерживал паузу. Другого ничего не оставалось: более резкий ход мог бы вызвать у адвокатши подозрения.

– Вы сказали, что помните чуму. Но разве вы также не помните, что не было никакой чумы? Что никто не умирал от химического рака, что население просто росло и росло? Нет? Не помните? А вы, мисс Лелаш? Вы помните и то и другое?

Но тут Хейбер встал из-за стола:

– Извините, Джордж, но мисс Лелаш я втягивать не разрешаю. Она не специалист. Отвечать с ее стороны было бы некорректно. У нас сеанс с психиатром. Она пришла, чтобы пронаблюдать за работой «Усилителя», и больше ничего. Так что извините, но нет.

Орр побледнел, кожа на скулах натянулась. Он сверлил глазами Хейбера. И молчал.

– В общем, мы зашли в тупик, и выход, увы, только один. Гордиев узел надо разрубить. Не обижайтесь, мисс Лелаш, но, как видите, дело в вас. На данном этапе этот разговор не предполагает третьего участника, даже если он не вмешивается. Лучше всего сделать перерыв. Прямо сейчас. Продолжим завтра в четыре. Хорошо, Джордж?

Орр встал, но к выходу не пошел.

– Вам никогда не приходило в голову, доктор Хейбер, – сказал он довольно тихо, но слегка заикаясь, – что есть и другие люди, как я? Что нашу действительность все время у нас из-под ног забирают и меняют, только мы об этом не догадываемся? Знает только сновидец и те, кто знает его сон. Если так, наверное, действительно лучше не знать. И без того все запутано.

С дружелюбными, ободряющими общими фразами Хейбер проводил его до двери и распрощался.

– Вы попали на момент кризиса, – сказал он Лелаш, закрывая дверь.

Он вытер пот со лба и обозначил на лице и в интонациях усталость и беспокойство.

– Уф, ну и денек! А тут еще наблюдатель.

– Было чрезвычайно интересно, – сказала она, звякнув браслетами.

– Он не безнадежен. После такого, как сегодня, даже у меня наступило бы разочарование. Но все-таки у него есть шанс, вполне реальный, избавиться от этого наваждения, от дикого страха перед сновидениями. Проблема в том, что это наваждение имеет сложную структуру и увяз в нем далеко не глупый мозг; он моментально сплетает для себя новые сети и путается в них... Жаль, что его не прислали к врачу еще подростком, лет десять назад, хотя, конечно, десять лет назад только-только началось Выздоровление. Ну или хотя бы год назад, когда он еще не начал глушить чувство реальности наркотиками. Но вообще, он старается, работает над собой и, может, еще придет к нормальному восприятию действительности.

– Но вы сказали, у него нет психоза, – с легким сомнением сказала мисс Лелаш.

– Все верно. Я сказал – расстройство. Может, конечно, съехать и дальше – тогда уж до конца. Например, в сторону кататонической шизофрении. Пациент с расстройством может дойти до психотического состояния точно так же, как и здоровый человек.

Он не мог больше говорить, слова пересыхали на языке и превращались в обрывки иссушенной чепухи. Ему начало казаться, что он уже много часов извергает из себя бессмысленную речь и управлять этим процессом больше не может. К счастью, мисс Лелаш, судя по всему, тоже выдохлась. Она шелкнула, лязгнула, пожала ему руку и ушла.

Первым делом Хейбер направился к спрятанному в стенной панели около кушетки пленочному магнитофону, который записывал все его встречи с пациентами. Не подающие сигналов самописцы полагались только психотерапевтам и сотрудникам Службы разведки. Запись последнего часа он стер.

Затем сел за свой массивный стол, открыл нижний ящик, достал бутылку и стакан и щедро плеснул себе бурбона. Боже мой, еще полчаса назад бурбона не было уже лет двадцать как. При населении в семь миллиардов зерно представляло слишком большую ценность, чтобы пускать его на спиртное. Выпить было нечего, кроме псевдопива и – для врачей – чистого спирта: бутылка с ним и была у него в столе полчаса назад.

Он выпил половину налитого одним глотком и задумался. Посмотрел в окно. Потом подошел к окну и стал смотреть на деревья и крыши. Сто тысяч душ. Над сонной рекой начал сгущаться вечер, но исполинские горы все так же ясно стояли вдали, освещенные ровным верховым светом.

– За перемены к лучшему! – сказал Хейбер, отсалютовал бокалом своему творению и с наслаждением допил виски одним долгим глотком.

6

Может статься, нам предстоит узнать... что наши труды только начинаются и что никогда ниоткуда не придет ни тени помощи, за исключением той, что подает невыразимое и немислимое Время. Возможно, мы узнаем, что бесконечный вихрь смертей и рождений, из которого не в наших силах выбраться, есть дело наших рук, наших устремлений; что силы, связующие миры, суть ошибки Прошлого; что вечная скорбь есть лишь вечный голод неутолимого желания и что сгоревшие солнца вновь воспламеняются неугасимой страстью исчезнувших жизней.

Лафкадио Хирн. Из глубин Востока

Джордж Орт занимал квартиру на верхнем этаже старого деревянного каркасного дома на Корбетт-авеню, на склоне холма. Район был непрезентабельный, и местные развалюхи стояли здесь по сто лет и больше. Его квартира могла похвастаться тремя большими комнатами, старинной глубокой ванной на изогнутых ножках и видом на крыши и на реку, по которой вверх и вниз шли корабли, прогулочные яхты и плоты и над которой сновали чайки и петляли огромные стаи голубей.

Разумеется, он прекрасно помнил и другую свою квартиру – однушку восемь на одиннадцать футов с выдвижной плитой, надувной кроватью и общим санузелом в коридоре с линолеумом на восемнадцатом этаже комплекса «Корбетт кондоминиум», которого никогда не существовало.

Он вышел из трамвая на Уитакер-стрит, поднялся вверх по улице, зашел в просторный сумрачный подъезд, открыл дверь, бросил портфель на пол, сам рухнул на кровать, и самообладание оставило его. В смятении, страхе и душевной муке, чувствуя себя изможденным, Орт судорожно повторял: «Надо что-то делать, надо что-то делать», но не знал что. Он никогда не знал, что делать. Он привык делать то, что напрашивалось, что казалось логичным, не задавал вопросов, не принуждал себя и лишний раз не волновался. Но, когда он начал принимать наркотики, эта невозмутимость его покинула, и на ее место пришла потерянности. Надо действовать, нельзя не действовать. Довольно позволять Хейберу собой пользоваться. Он должен взять собственную судьбу в свои руки.

Орт вытянул руки и взглянул на них, потом закрыл ими лицо; оно было мокрое от слез. «Да что ж такое, черт побери! – думал он горько. – Что я за мужчина? Слезы на бороде. Конечно, Хейбер меня использует. А как иначе? Ни сил, ни характера. Я для того и родился, чтобы меня использовали. Нет у меня судьбы. Есть только сны. Да и снами теперь распоряжаются другие».

Надо отделаться от Хейбера, думал он, стараясь вызвать в себе твердость и решительность, но в то же время понимал, что ничего не выйдет. Хейбер подцепил его, причем на несколько крючков сразу.

Такая необычная, по сути уникальная, конфигурация сновидений, сказал как-то Хейбер, представляет бесценный интерес для науки. Вклад Орта в копилку человеческих знаний будет колоссальным. Орт верил, что Хейбер говорил искренне и со знанием дела. На самом деле, с его точки зрения, только на науку во всем этом вопросе и можно надеяться. Может, думалось ему, ученые смогут из его редкого и страшного дара выжать что-то хорошее, применить его во благо, хоть немного уравновесить то чудовищное злодеяние, которое он совершил.

Убийство шести миллиардов несуществующих людей.

Голова раскалывалась. Опп напустил в глубокую потрескавшуюся раковину ледяной воды и начал окунать туда лицо и держать по полминуты, отчего оно делалось мокрым, красным и слепым, как у новорожденного.

Стало быть, Хейбер держит его на моральной привязи, но куда крепче он его поймал на крючок закона. Если Опп бросит добровольную терапию, его могут засудить за нелегальное приобретение наркотиков и отправить в тюрьму или психушку. Оттуда уже не выберешься. А если не бросит, а просто станет ходить реже и начнет сопротивляться, у Хейбера есть еще один инструмент принуждения: таблетки для подавления снов, которые можно получить только по его рецепту. А мысль о том, чтобы видеть сны без контроля, самотеком, теперь казалась еще более пугающей, чем раньше. Находясь в таком душевном состоянии и приучившись в лаборатории каждый раз видеть сны действенные, Опп даже представить боялся, что может натворить без рациональных ограничений, налагаемых гипнозом. Это будет кошмар похлеще того, что сейчас приснилось у Хейбера; в этом он был уверен и не решился бы такое устроить. Значит, таблетки. Это единственное, в чем он не сомневался, что было непреложно. А для этого нужно разрешение Хейбера, – стало быть, придется идти у него на поводу. Круг замкнулся. Оппа поймали в ловушку, как крысу, – остается только бегать по лабиринту в лаборатории сумасшедшего ученого, и выхода нет. Выхода нет, выхода нет.

Хотя он не сумасшедший ученый, вяло подумал Опп, – вполне себе здоровый, по крайней мере был. Только близость власти, которую дают мои сны, сбивает его с толку. Он как будто все время играет роль, а роль выходит слишком важная. Вот и наука стала для него не целью, а средством... Но цели у него благие, не так ли? Он хочет улучшить положение человечества. Разве это плохо?

Опять разболелась голова. Он как раз окунул ее в воду, когда зазвонил телефон. Наскоро высушив лицо и волосы полотенцем, Опп прибежал в темную спальню и схватил трубку.

– Алло! Опп слушает.

– Это Хезер Лелаш, – произнес альт – вкрадчиво и не без подозрительности.

Неуместное чувство острого удовольствия вдруг пронзило его, словно внутри мгновенно выросло и расцвело дерево с корнями в чреслах и бутонами в голове.

– Алло, – повторил он.

– Не хотите встретиться и обсудить?

– Хочу, конечно.

– Ну... только не думайте, что можно привлечь его за эту машину, «Усилитель». Там все чисто. Были проведены серьезные лабораторные испытания, получены все разрешения, собраны все справки, есть регистрация в ЗОС. Он, конечно, профи. Когда вы о нем рассказывали, я даже сразу не поняла, кто он. На такую должность абы кого не поставят.

– На какую?

– Ну, директором государственного НИИ!

Ему нравилось, что свои напористые, презрительные фразы она так часто предваряет слабым, извиняющимся «ну». Тем самым она сразу выбивает у них почву из-под ног, заставляет висеть без опоры в пустоте. Смелая женщина, очень смелая.

– Ах да, – протянул он.

Хейбер получил директорское кресло на следующий день после того, как Опп получил свой домик в лесу. Домик привиделся в ходе их единственного ночного сеанса; больше таких они не проводили. Гипнотических установок на всю ночь не хватило, и в три пополуночи Хейбер наконец сдался и с помощью «Усилителя» погрузил Оппа до утра в глубокий сон, чтобы оба они смогли отдохнуть. Зато на следующий день Оппу на сеансе приснился сон такой длинный, сложный и запутанный, что он так до конца и не понял, что именно изменилось и какие там добрые дела пытался проверить Хейбер. Засыпал он в старом кабинете – проснулся в новом, уже в ООИ: Хейбера повысили. Но поменялось и еще кое-что. Дожда вроде стало поменьше.

Может, еще что-то, но толком не скажешь. Опп тогда возмутился, что его заставляют видеть столько действенных снов за такой короткий промежуток времени. Хейбер сразу же сбавил темп и дал ему пять дней отдыха. Он ведь, в сущности, человек гуманный. И потом, он же не станет убивать курицу, которая несет золотые яйца.

Курицу. Вот именно, подумал Опп. Как раз про меня. Тупая, бессмысленная бледная курица. Он понял, что прослушал, о чем говорит мисс Лелаш.

– Извините, – сказал он, – пропустил ваши последние слова. Я, видимо, туго сейчас соображаю.

– Вы как себя чувствуете?

– Нормально. Устал только.

– Вам приснился тяжелый сон о Чуме, верно? Вы, когда проснулись, так плохо выглядели. После сеанса каждый раз такое?

– Да нет, не всегда. Просто сегодня вышло неприятно. Как вы, наверное, поняли. Так что, мы договаривались встретиться?

– Да, я предлагала в понедельник на обед. Вы ведь в центре работаете? В «Брэдфорд индастриз»?

К легкому своему изумлению, он понял, что действительно там работает. Огромных гидротехнических сооружений района Боннвилль – Юматилла не существовало, и они не подводили воду к гигантским городам Джон-Дей и Френч-Глен, которых тоже не существовало. В Орегоне вообще не было крупных городов, кроме Портленда. И работал он чертежником не в коммунальной службе, а в частной машиностроительной компании, в отделении на Старк-стрит. Само собой.

– Да, – ответил он. – У нас перерыв с часу до двух. Можно пообедать в кафе «У Дейва» на Энкени-стрит.

– С часу до двух мне подходит. Тогда «У Дейва». До понедельника.

– Подождите, – сказал он. – Послушайте, вы можете... вы не могли бы сказать, что сказал доктор Хейбер? Ну когда говорил мне, о чем видеть сон под гипнозом. Вы же слышали?

– Слышала, но вам не скажу: не стану вмешиваться в его методы. Если бы он хотел, сам бы вам сказал. А так будет неэтично с моей стороны. Не могу.

– Наверное, вы правы.

– Извините. Тогда до понедельника?

– До свидания, – сказал он.

На него вдруг накатила такая волна тоски и тревоги, что он повесил трубку, не дожидаясь ответа. Не поможет она ему. Она, конечно, смелая и сильная, но не такая сильная. Может, она увидела или почувствовала переход, но отодвинула эти мысли подальше, отказалась от них. Оно и понятно. Эти двойные воспоминания – тяжкий груз, зачем он ей? С какой стати ей – хоть на секунду – верить психу, который несет какую-то ахинею: его сны, мол, сбываются?

Завтра суббота. А значит, долгий визит к Хейберу, с четырех до шести или дольше. И выхода нет.

Пора бы поужинать, но есть Орру не хотелось. Он не зажигал свет ни в своей сумеречной спальне с высоким потолком, ни в гостиной, которую за три года он так и не собрался обставить. Он перешел в нее. За окном виднелись огоньки и река; в воздухе пахло пылью и ранней весной. В комнате камин с деревянным порталом, рядом с ним – горка разномастных мотков ковровой пряжи, еще старое пианино без восьми белых клавиш и дряхлый низенький японский столик из бамбука. Сумерки мягко легли на голый пол из сосновых досок, неотполированных и давно не метенных.

В этой мягкой полутьме Джордж Опп лег лицом вниз и растянулся, осязая телом твердость пола, втягивая ноздрями его пыльный деревянный запах. Он лежал тихо, но не спал; он

перенесся совсем в другое место, гораздо дальше и глубже, чем сон, в место, где не бывает сновидений. Он попал туда не в первый раз.

Встал он затем, чтобы принять таблетку хлорпромазина и лечь в кровать. На этой неделе Хейбер перевел его на фенотиазины; они вроде бы давали неплохой эффект: позволяли видеть сны, но снижали их интенсивность, так что до действенного уровня они не доходили. Все бы хорошо, но Хейбер предупредил, что эффект, как и с любыми другими лекарствами, будет снижаться и в итоге сойдет на нет. Нет способов прекратить сновидения, сказал он, кроме смерти.

Но в ту ночь, по крайней мере, он спал глубоко и если и видел сны, то зыбкие, несущественные. Проснулся уже в субботу, ближе к полудню. Заглянул в холодильник и на минуту застыл, разглядывая его содержимое: столько еды в индивидуальном холодильнике он не видел ни разу в жизни. В другой жизни. В той, которую он жил бок о бок с семьей миллиардами других и в которой еды – уж какая она там была – никогда не хватало. Яйцо было роскошью, которую можно было позволить себе раз в месяц. «Снесла яичко!» – шутила его полужена, отоваривая их яичную карточку... Забавно: а в этой жизни у них с Донной не было пробного брака. Вообще после Чумы такой формы отношений не существовало. Закон предполагал только полноценный брак. В Юте, поскольку смертность все еще превышала рождаемость, даже пытались восстановить полигамию: из религиозных и патриотических соображений. Правда, у них с Донной в этот раз и вовсе не было брака: они просто жили вместе. Но все равно долго не продержались. Он снова сосредоточил внимание на продуктах в холодильнике.

Орр теперь отнюдь не выглядел таким худосочным и костистым, как в семимиллиардном мире, – даже был вполне упитан. И все же он умял гору еды, как будто долго перед тем голодал: крутые яйца, поджаренный хлеб со сливочным маслом, анчоусы, вяленую говядину, сельдерей, сыр, грецкие орехи, бутерброд с палтусовым паштетом и майонезом, салат, маринованную свеклу и шоколадное печенье – в общем, все, что обнаружил на полках. После этой оргии физически ему стало гораздо лучше. За чашкой настоящего, а не эрзац-кофе ему пришла в голову мысль, от которой по его лицу расплылась улыбка. Он подумал: «В той, вчерашней жизни мне приснился действенный сон, который уничтожил шесть миллиардов человек и изменил всю историю человечества за последние сто лет. Но в этой жизни, которую я создал, у меня не было действенного сна. Да, я был у Хейбера и мне что-то снилось, но никаких перемен не произошло. В этой жизни все идет так, как и было, просто мне приснился неприятный сон о Чумных годах. Значит, со мной все нормально и лечить меня не надо».

С такой точки зрения он раньше не смотрел, и этот подход показался ему настолько забавным, что он даже улыбнулся. Но не очень-то весело.

Он знал, что придут новые сны.

Был уже третий час дня. Орр умылся, надел плащ (настоящий хлопок, в прошлой жизни – роскошь) и пешком отправился в Институт. Пройти надо было километра три – мимо медицинского факультета и потом выше, в сторону парка Вашингтона. Можно, конечно, доехать и на трамваях, но ходят они нерегулярно, и пришлось бы делать большой круг, да и незачем спешить. Приятно идти под теплым мартовским дождичком по незапруженным улицам; на деревьях показалась первая листва, каштаны готовятся зажечь свои свечи.

Крах, канцерогенная чума, которая за пять лет сократила население Земли на пять миллиардов, а за следующие десять – еще на миллиард, потрясла мировые цивилизации до основания, но в конечном итоге оставила их прежними. Она ничего не изменила принципиально – только количественно.

Воздух все так же сильно и непоправимо загрязнен: эти выбросы скопились еще за десятки лет до Краха и стали его прямой причиной. Сейчас они особо никому не вредят кроме новорожденных. Чума – в своей лейкемийной разновидности – до сих пор избирательно, как

будто раздумчиво нацеливается на одного новорожденного из четырех и убивает за первые полгода. Выжившие имеют к раку фактически полный иммунитет. Но есть и другие печали.

У реки не коптят небо трубами фабрики. Не отравляют воздух автомобили: те немногие, что остались, работают на пару или на электроаккумуляторах.

Но и певчих птиц больше нет.

Последствия Чумы проявляются во всем, она до сих пор не ушла, и все же она не смогла остановить войны. Конфликт на Ближнем Востоке стал даже более кровопролитным, чем в перенаселенном мире. Соединенные Штаты горой стоят за израильско-египетскую сторону, отправляя боеприпасы, оружие, самолеты и «военных советников» целыми полками. Китай не менее упорно поддерживает альянс Ирака и Ирана, хотя китайских солдат не присылает – только тибетцев, северокорейцев, вьетнамцев и монголов. Россия и Индия до поры до времени блюдут шаткий нейтралитет, но теперь, когда Афганистан и Бразилия заявили о поддержке Ирана, Пакистан вполне может присоединиться к Израигипту. Индия тогда запаникует и займет сторону Китая, отчего СССР вполне может испугаться настолько, что выступит единым фронтом с США. В этом случае в конфликт втянутся двенадцать ядерных держав, по шесть с каждой стороны. Об этом пишут аналитики. Тем временем Иерусалим обращен в руины, а мирное население в Саудовской Аравии и Ираке живет в норах под землей, пока над их головами танки и самолеты плюют огнем в воздух и холерой в воду, а младенцы выползают из подземелий, ослепленные напалмом.

Судя по заголовку, который Орт заметил в газетном киоске, в Йоханнесбурге по-прежнему режут белых. Сколько лет прошло с Восстания, а белые в Южной Африке никак не переводятся. Есть же стойкие люди...

Орт взбирался по серым портлендским холмам, а на его непокрытую голову мягко падал теплый грязный дождик.

Зайдя в кабинет с огромным угловым окном, смотревшим на дождь, он сказал:

– Доктор Хейбер, перестаньте моими снами что-то улучшать. Ничего не выйдет. Это неправильно. Я вылечиться хочу.

– Это как раз необходимое условие излечения, Джордж! Надо захотеть.

– Вы мне не ответили.

Но широкоплечий доктор был как луковица: отшелушишь один слой личности, убеждений, ответов, а за ним другой, третий, и так до бесконечности, и до сердцевины не доберешься. Нигде он не останавливается, не доходит до предела, нигде не скажет: «Все, дальше ни шагу!» Нет сущности – одни слои.

– Вы пытаетесь моими действенными снами изменить мир. И отрицаете это. Почему?

– Вы должны понимать, Джордж, что, может, с вашей точки зрения такие вопросы и логичны, но с моей – на них буквально нет ответа. Мы видим действительность по-разному.

– Все-таки не настолько, чтобы нельзя было разговаривать.

– Да. К счастью. Но слишком по-разному, чтобы на вопросы всегда находились ответы. Пока, по крайней мере.

– Я на ваши вопросы могу отвечать и отвечаю... Но все равно, послушайте: нельзя постоянно что-то менять, пытаться всем управлять.

– Вы так говорите, словно это некий всеобщий моральный императив. – Он улыбнулся Орту своей добродушной пронизательной улыбкой и погладил бороду. – Но на самом деле разве не это главная задача человека – что-то делать, что-то менять, направлять, делать мир лучше?

– Нет!

– А в чем тогда его задача?

– Не знаю. Вселенная не машина, где у каждой детали есть полезная функция, своя задача. В чем задача галактики? Я не знаю, есть ли в нашей жизни задача, и, по-моему, это

не важно. Важно то, что мы часть чего-то. Как нити в ткани или травинки в поле. Оно одно, а нас много.

После небольшой паузы Хейбер ответил, и в голосе его уже не было и тени дружелюбия, желания помочь и подбодрить. Тон стал сухим с легкими, но различимыми нотками презрения.

– Удивительно пассивная позиция для человека, выросшего на иудео-христианском рационалистическом Западе. Вы какой-то стихийный буддист, Джордж. Не штудировали восточных мистиков?

Последний вопрос с напрашивающимся ответом был явной насмешкой.

– Нет. Я ничего о них не знаю. Но я точно знаю, что нельзя насиловать ход вещей. Не годится. Мы уже сто лет делаем эту ошибку. Вот вы – разве вы не видите, что случилось вчера?

Взгляд темных непрозрачных глаз нацелился прямо на него.

– А что случилось вчера?

Выхода нет. Выхода нет.

Чтобы снизить противодействие гипнотическим установкам, Хейбер ему теперь делал инъекции тиопентала натрия. Орт покорно подставил руку и наблюдал за тем, как игла, доставив лишь мгновенную боль, проскользнула в вену. А что еще оставалось? Выбора не было. И вообще у него никогда выбора не бывало. Он ведь только сновидец.

Пока лекарство не начало действовать, Хейбер куда-то отошел чем-то там распорядиться, но ровно через пятнадцать минут вернулся – веселый, шумный и безразличный.

– Ну-с! Приступим, Джордж!

С тоскливой ясностью Орт заранее понимал, к чему предстоит сегодня приступить – к войне. В газетах только о ней и писали. Даже Орт, к новостям обычно индифферентный, пока шел сюда, ею пропитался. Разрастающаяся война на Ближнем Востоке. Хейбер ее остановит. Он же человек гуманный. Он хочет сделать мир лучше для всех.

Цель оправдывает средства. Но что, если цели никакой нет? А есть только средства. Орт лег на кушетку и закрыл глаза. К его горлу прикоснулась рука.

– Сейчас вы войдете в состояние гипноза, – проговорил низкий голос доктора. – Вот...

Темно.

Темнота.

Еще не ночь: над полями поздние сумерки. Кучки деревьев кажутся черными и влажными. В слабом свете не до конца еще потемневшего неба чуть белеет растрескавшаяся асфальтовая дорога, по которой он идет, длинная и прямая, – старое сельское шоссе. Примерно в пятнадцати футах перед ним по дороге идет курица (в сумерках видно только покачивающееся белесое пятно). Идет и иногда тихонько квохчет.

На небе начинают высыпать звезды, белые, как маргаритки. Одна такая расцвела справа над дорогой совсем низко над горизонтом – большая, ослепительно-белая. Когда он вновь поднял глаза, она стала еще больше и ярче. «Огромееет», – подумалось ему. Делаясь ярче, она стала отливать красным. Окрашногромела. Изображение в глазах поплыло. На фоне пятна сновали маленькие сине-зеленые хвостатые точки, броуновски зигзаговали кругпokrужеву. Вокруг большой звезды и точек пульсировало гигантское, молочного цвета гало – становилось то четче, то темнее. «Нет, нет, нет, нет, нет!» – закричал он, когда большая звезда огромнически светанула и дала ВЗРЫВ-слеп. Он рухнул на дорогу, прикрыл голову руками и, хотя небо разорвалось на лоскуты яркой смерти, не смог повернуться лицом к земле, должен был смотреть и внимать. Земля под ним подпрыгнула и ухнула вниз, по коже ее пробежали гигантские волнистые морщины. «Хватит, хватит!» – заорал он в небо и проснулся на кожаном диване.

Он сел и уткнул лицо в потные дрожащие руки. Через некоторое время почувствовал на плече тяжелую руку Хейбера.

– Опять кошмар? Черт возьми, я ведь на приятное настраивал. Чтобы вам приснился сон о мире.

- Он и приснился.
- Но он вас расстроил?
- Я видел космическое сражение.
- Космическое? Откуда видели?
- С Земли.

Орр вкратце пересказал сон, опустив курицу.

- Только не знаю, кто кого в итоге взорвал – мы их или они нас.

– Да, любопытно было бы взглянуть, как там все происходит, – улыбнулся Хейбер. – Почувствовать сопричастность. Но конечно, на таких скоростях и расстояниях человеческим глазом не уследишь. Ваша версия гораздо живописнее реальности.словно эпизод из хорошего фантастического боевика семидесятых. Подростком часто на такие ходил... Но почему, как вы думаете, вам приснилось сражение, хотя я предлагал сюжет о мире?

- Просто о мире? Пусть вам приснится сон о мире – вы сказали дословно так?

Хейбер ответил не сразу, он возился с ручками «Усилителя».

– Ладно, – в конце концов сказал он, – давайте на этот раз, в порядке эксперимента, вы сами сравните сон с установкой. Может, разберемся, почему такой результат. Я сказал... хотя нет, давайте послушаем запись.

Он подошел к настенной панели.

- Вы что, записываете весь сеанс?

- Конечно. Обычная психиатрическая практика. А вы не знали?

Откуда мне знать, если диктофон спрятан, сигналов не подает и вы мне ничего не говорили, подумал Орр, но промолчал. Может, действительно стандартная практика, может, личные прихоти Хейбера, но протестовать в любом случае бессмысленно.

– Так, примерно отсюда. «Вы войдете в состояние гипноза. Вот – сейчас! Только не уходите от меня, Джордж», – шипела кассета.

Орр потряс головой и заморгал. Последние хейберовские слова, разумеется, были на пленке, а он еще находился под действием гипнотического лекарства.

- Немного промотаю вперед. А, вот.

И снова Хейбер заговорил из магнитофона:

– ...мир. Люди больше не истребляют людей. Нет войн в Иране, Аравии и Израиле. Нет больше геноцида в Африке. Нет ядерных и биологических арсеналов для уничтожения других стран. Не придумываются новые способы и средства для умерщвления людей. Мир в мире с собой. Мир как всеобщий образ жизни на планете. Вам приснится этот мир, который с собой в мире. Сейчас вы заснете. Когда я скажу...

Он оборвал запись, чтобы Орр, услышав кодовое слово, не заснул.

Орр потер лоб.

- Что ж, – сказал он, – я сделал, что было сказано.

- Вряд ли. Увидеть сон о битве в цизлунном пространстве...

Хейбер оборвал себя так же резко, как пленку.

– В цизлунном? – сказал Орр, немного даже сочувствуя Хейберу. – Когда я засыпал, такого слова еще не было. А как дела в Израигпте?

Искусственное слово из старой действительности, произнесенное в новых условиях, произвело поразительный эффект: как сюрреалистическое полотно, оно казалось осмысленным, не имея смысла, или бессмысленным, но при этом со смыслом.

Хейбер прошелся туда-сюда по длинному, со вкусом обставленному кабинету. Провел рукой по своей курчавой рыжевато-каштановой бороде. Жест был отработанный и знакомый Орру, но, когда врач заговорил, было ощущение, что слова он подбирает осторожно, в кои-то веки не полагаясь на импровизацию и свое неистощимое красноречие.

– Любопытно, что вы избрали Оборону Земли символом, своего рода метафорой мира, конца войны. Что ж, она вполне уместна, хотя неочевидна. Сны вообще вещь крайне неочевидная. Крайне. Ведь именно та угроза, та непосредственная опасность вторжения со стороны бессмысленно агрессивных, не идущих на контакт пришельцев заставила нас прекратить внутренние войны и направить нашу наступательно-оборонительную энергию вовне, расширить представление о своем народе на все человечество, обернуть оружие против общего врага. Если бы не напали пришельцы, кто знает? Может, мы до сих пор бы воевали на Ближнем Востоке.

– Из огня да в полымя, – сказал Опп. – Доктор Хейбер, вы разве не видите, что ничего другого вы от меня не добьетесь? И я не то чтобы хочу вам помешать, расстроить ваши планы. Положить конец войне – идея хорошая, я сам только за. На последних выборах даже за изоляционистов голосовал, потому что Харрис обещал вывести наших солдат с Ближнего Востока. Но видимо, я не могу – или мое подсознательное не может – даже вообразить мир совсем без войн. В лучшем случае вместо одной войны выходит другая. Вы сказали: где люди не убивают людей. Ну вот – мне приснились инопланетяне. Ваши замыслы вполне разумные и здравые, но вы пытаетесь действовать через мое бессознательное, а не сознание. Наверное, на рациональном уровне я могу представить себе гомо сапиенс, которые не пытаются истреблять друг друга целыми странами. На самом деле с рациональной точки зрения такое представить даже легче, чем мотивы для войн. Но вы-то взаимодействуете с силами за пределами рационального сознания. Вы пытаетесь добиться прогрессивных, гуманистических целей не теми инструментами. Слушайте, ну кому снятся гуманистические сны?

Хейбер не ответил и никак не отреагировал, и Опп продолжил:

– Может, дело не в моем бессознательном, не в иррациональной части сознания. Может, дело во мне в целом – как в человеке: может, я просто не гожусь. У меня пораженческие настроения, я, как вы говорили, пассивен – наверное, так. У меня мало желаний. Может, это как-то связано с моим даром – с действенными снами; но может, и не связано, и тогда, наверное, есть более подходящие сновидцы – люди с мышлением, больше похожим на ваше, с которыми вы большего добьетесь. Попробуйте их выявить. Вряд ли я один такой на весь мир; может, остальные просто не осознают свои способности. Но я продолжать не хочу. Отпустите меня, а? Не выдерживаю. Слушайте, ну хорошо, война на Ближнем Востоке закончилась шесть лет назад, прекрасно, но зато теперь на Луне пришельцы. А если они высадутся у нас? Каких чудовищ вы откопали в моем подсознании во имя мира? Даже представить себе не могу!

– Джордж, никто не знает, как выглядят пришельцы, – сказал Хейбер своим авторитетным утешительным тоном. – Нам всем о них снятся кошмары, еще бы! Но вы же сами сказали: они впервые высадились на Луне шесть с лишним лет назад и пока до Земли не добрались. За это время наши ракетные системы ПВО стали стопроцентно эффективными. Если пришельцы до сих пор через них не пробились, вряд ли пробьются в будущем. Самый опасный период был в те первые месяцы, пока не наладили мировое сотрудничество и не мобилизовали оборонительную систему.

Ссутулившись, Опп какое-то время сидел молча. Ему захотелось заорать: «Вранье! Зачем вы врете?!» Но порыв был несильный и ни к чему не привел. Может, Хейбер на откровенность и не способен, ведь он обманывает самого себя. Не исключено, что он разделит свое сознание на два герметичных отдела: в одном он понимает, что сны Орра меняют действительность, и использует их в этих целях; в другом – думает, что с помощью гипноза и абреакции снов лечит шизоидного пациента, которому кажется, будто его сны меняют действительность.

Трудновато было поверить, что Хейбер так отгородился от коммуникации с самим собой: сознание Орра подобным «перегородкам» настолько противилось, что их присутствие у других людей он замечал не сразу. Но Опп знал, что они существуют. Он ведь вырос в стране, где политики посылали летчиков сбрасывать бомбы на детей во имя счастливого детства.

Правда, так было в старом мире. Не в дивном новом.

– Я схожу с ума, – вновь заговорил он. – Вы разве не видите? Вы же психиатр. Не видите, что я на пределе? Пришельцы из космоса атакуют Землю! А что мне приснится в следующий раз? Сумасшедший мир, порожденный сумасшедшим? Чудовища, призраки, ведьмы, драконы, превращения – мало ли что в нас понапихано, мало ли какие страхи и детские кошмары. А вдруг все это вырвется наружу? Я тут ничего не могу поделать. У меня нет рычагов!

– Насчет рычагов не беспокойтесь! Ваша цель – свобода, – жизнерадостно ответил Хейбер. – Свобода! Ваше бессознательное не свалка ужасов и извращений. Это все викторианская концепция, причем крайне деструктивная. Из-за нее лучшие умы девятнадцатого века считали себя моральными уродами, а психология до середины двадцатого была в загоне. Не бойтесь бессознательного! Это не черная дыра с кошмарами. Ничего подобного! Это источник здоровья, воображения, творчества. Так называемое зло – продукт цивилизации, ее запретов и ограничений. Они деформируют личность и лишают ее непосредственности, возможности свободного самовыражения. Суть психотерапии как раз в этом – устранить беспочвенные страхи и кошмары, осветить бессознательное светом сознания, посмотреть на него объективно и понять, что бояться нечего.

– Есть чего, – почти шепотом сказал Опп.

Наконец Хейбер его отпустил. Опп вышел на улицу, где уже сгустились весенние сумерки, и с минуту постоял на лестнице перед институтом, засунув руки в карманы и разглядывая огоньки уличных фонарей далеко внизу, настолько размытые в туманной мгле, что казалось, будто они подмигивают и кружатся, как крошечные серебристые тропические рыбки в темном аквариуме. По крутому склону с лязганьем взбирался трамвай: здесь, в парке Вашингтона, перед институтом, у него было разворотное кольцо. Опп спустился по лестнице и запрыгнул на площадку, пока трамвай делал круг. Он шел походкой сторожкой, но в то же время расхлябанной. Двигался как лунатик, как марионетка в чьих-то руках.

7

Задумчивость – а это мысль в состоянии туманности – граничит со сном и тяготеет к нему, как к своему пределу.

Воздух, населенный прозрачными существами, был бы началом неведомого, но за ним растворяются врата в царство возможного. Там другие существа, там другие явления. Ничего сверхъестественного, но тайное продолжение бесконечной природы... Сон соприкасается с возможным, которое мы также называем невероятным. Мир сновидений – поистине целый мир. Ночь сама по себе – вселенная... Темные видения неизвестного мира являются спящему потому ли, что действительно связаны с ним, потому ли, что призрачная глубина бездны словно надвигается на него... и вот перед спящим, который пребывает на грани явственного и бессознательного, – невиданные твари, неописуемые растения, грозные или хохочущие бесплотные существа, духи, личины, оборотни, гидры, призраки, лунный свет в безлунном небе, все это таинственное многообразие ночного чуда, все эти появления и исчезновения среди взбаламученной тьмы, образы, парящие во мраке, все то необъяснимое, что мы называем сновидением, – это и есть приближение невидимой действительности. Сон – аквариум ночи⁸.

Виктор Гюго. Трудженики моря

Тридцатого марта в 2:10 пополудни случайный наблюдатель мог заметить, как Хезер Лелаш вышла из дверей кафе «У Дейва» на Энкени-стрит и направилась на юг по Четвертой авеню. На ней был красный виниловый плащ, а на плече висела большая черная сумка с латунной застежкой. Осторожнее с этой женщиной. Она опасна.

Что этот несчастный шизик не пришел – да и хрен с ним, но какого черта ее выставили на посмешище перед официантами?! Сидела там как дура, в самый разгар обеденного времени и полчаса держала столик: «Я человека жду. Извините, человек должен прийти». А никого нет и нет, в итоге пришлось что-то заказать и наспех сжевать, а теперь будет изжога. Это вдобавок к тому, что ее и так эпатировали, фраппировали и скомпрометировали – обрушили все виды французских бестактностей.

Она повернула налево на Моррисон-стрит и вдруг остановилась как вкопанная. Зачем ей сюда? «Форман, Эссербек и Ратти» совсем в другую сторону. Она развернулась, быстрым шагом прошла несколько кварталов на север, дошла до Бернсайд-стрит и снова остановилась. Куда ее несет?

Ну как – в перестроенную парковку по адресу Ю.-З. Бернсайд-стрит, дом 209. Какую еще перестроенную парковку? Их бюро помещается в «Пендлтон-билдинг», первом административном здании, возведенном в Портленде после Краха, и расположено оно на Моррисон-стрит. Пятнадцать этажей, декор под стиль инков. Какая, к черту, перестроенная парковка? Кто работает в перестроенных парковках?

Она прошла еще немного по Бернсайд – да вот же она, конечно. Вся обвешанная знаками: «Опасно! Аварийное строение».

Их контора на третьем уровне.

Стоя на тротуаре и разглядывая заброшенное здание с нелепыми, чуть скошенными этажами и узкими прорезями окон, она почувствовала себя довольно странно. Что случилось в пятницу у психиатра?

---

⁸ Перевод А. Худадовой.

Надо все-таки снова встретиться с этим мелким засранцем. Мистером Орром-Не-Пойми-Которым. Да, он ей крутанул динамо, ну и что? К нему остались вопросы. Она решительно зашагала в южном направлении – пощелкивая клешнями: клац-клац, – дошла до «Пендлтон-билдинг» и позвонила ему из кабинета. Сперва по номеру в «Брэдфорд индастриз» (нет, мистер Орт сегодня не приходил, нет, не звонил), потом по домашнему (пи-и-ип – пи-и-ип – пи-и-ип).

Наверно, надо снова позвонить Хейберу. Но он такая большая шишка – сидит там на холме, заведует «Дворцом снов». И вообще, о чем она только думает? Хейбер не должен знать, что она связана с Орром. Лжец вырыл яму и сам в нее упал. Паук запутался в собственной паутине.

Вечером Орт не взял трубку ни в семь, ни в девять, ни в одиннадцать. На работу во вторник не явился ни утром, ни в два пополудни. В 4:30 Хезер Лелаш вышла из дверей бюро «Форман, Эссербек и Ратти», села на трамвай до Уитакер-стрит, прошла пешком вверх до Корбетт-авеню, отыскала дом и нажала на звонок – одну из шести выстроившихся в ряд замусленных пальцами кнопок на желтом косяке с облупившейся краской сбоку от двери со стеклянными вставками на входе в дом, который в 1905-м или 1892-м был чьей-то гордостью и любимым детищем, пришел с тех пор в упадок, однако же сохранял перед лицом окончательной гибели величавость и своего рода чумазое великолепие. Орт не открыл. Тогда она позвонила домоправу М. Аренсу. Дважды. Тот вышел с явным желанием от нее отделаться. Но что у Черной Вдовы получалось хорошо, так это запугивать насекомых помельче. Домуправ провел ее наверх и толкнулся в дверь к Орту. Она отворилась (была не заперта). Мисс Лелаш сделала шаг назад. Ей вдруг пришла мысль, что внутри может быть труп. И это чужой дом.

Но домоправ без всякого пиетета перед частной собственностью протопал внутрь, и она неохотно последовала за ним.

Просторные старые пустые и сумрачные комнаты производили впечатление нежилых. Мысль о трупе показалась смешной. Вещей у Орта было совсем мало. Не бросалась в глаза ни холостяцкая грязь и беспорядок, ни опять же холостяцкая педантическая прибранность. Личность хозяина на этих комнатах почти не отпечаталась, но все-таки мисс Лелаш ее разглядела: это было жилье тихого человека, привыкшего к тихой жизни. В спальне на тумбочке стоял стакан с веточкой белого вереска. Воды в стакане осталось на палец, не больше.

– Черт его знает, куда он делся, – буркнул домоправ и посмотрел на нее вопросительно. – Под машину, что ли, попал? Или что?

На патлатом домоправе была замшевая куртка с бахромой, на цепочке висел кулон с эмблемой Водолея, как носили в его молодости. Кажется, одежду он не менял лет тридцать. Даже по-дилановски обиженно гнусавил и попахивал марихуаной. Старые хиппи не сдаются.

Хезер взглянула на него приветливо: его запах напомнил ей о матери.

– Может, он поехал в свой дом на побережье? – сказала она. – Понимаете, он нездоров, ему назначена гостерапия. Если перестанет ходить, у него будут неприятности. Не знаете, где этот дом находится? Там есть телефон?

– Не-а, не знаю.

– Можно от вас позвонить?

– Звоните от него, – пожал плечами домоправ.

Она позвонила другу в Орегонском управлении парков о попросила дать ей адреса всех тридцати четырех коттеджей в лесном заповеднике «Саюсло», которые разыграли в лотерею. Домуправ из любопытства крутился рядом и, когда она повесила трубу, прокомментировал:

– Связи наверху?

– Да, полезная штука, – прошипела Черная Вдова.

– Надеюсь, разыщете Джорджа. Он нормальный чувак. Берет мою аптечную карту. – Домуправ хрюкнул, но тут же смех оборвал.

Когда Хезер уходила, он стоял, хмуро облокотившись на облупившийся дверной косяк. Казалось, что они со старым домом подпирают друг друга.

Хезер на трамвае доехала до центра, взяла в «Хертце» напрокат паровой «форд-стимер» и поехала по Девяносто девятому шоссе. Настроение у нее было приподнятое. Черная Вдова отслеживает добычу. И почему она не стала сыщиком, вместо того чтобы сидеть в занюханной конторе и возиться с глупыми гражданскими исками? Она ненавидела юриспруденцию. В этой сфере надо быть нахальным и напористым. Она была не такая. Она была существо стеснительное, хитрое, лукавое, чешуйчатое. Ее уязвляли французские бестактности.

Машинка выскочила за городскую черту довольно быстро, потому что пригородов, которые раньше тянулись вдоль западных шоссе бесконечными кляксами, больше не было. Когда в восьмидесятые свирепствовала чума и в некоторых районах из двадцати человек еле выживал один, пригороды утратили привлекательность. До ближайшего магазина ехать и ехать, бензина не достанешь, а вокруг типовые двухуровневые особнячки, полные трупов. Ни помощи, ни провизии. По лужайкам, заросшим лопухами и подорожником, носятся стаи огромных, в былые времена престижных собак – немецкие овчарки, афганы и доги. Панорамные окна трескаются. Кто придет вставить новое стекло? Люди стеклись в старый центр города – поближе друг к другу, пригороды же сперва достались мародерам, а потом сгорели. Как Москва в 1812-м: то ли вандализм, то ли несчастные случаи. Просто они стали никому не нужны, вот и сгорели. Теперь на месте бывших «Кенсингтонских резиденций», «Лесных поместий» и «Тихих лощин» акр за акром рос кипрей, из нектара которого пчелы делают лучший мед.

Солнце уже клонилось к закату, когда она переехала через Туалатин, чьи неподвижные воды лежали шелковой лентой меж лесистых берегов. Вскоре слева от уходящей на юг дороги взошла луна – желтая, почти полная – и начала на поворотах засматривать Хезер из-за плеча. Что-то в этой луне было тревожное, уже не хотелось с ней переглядываться. Она больше не символизировала, как на протяжении тысяч лет, недостижимое и не казалась, как в последние десятилетия, символом достигнутого, но напоминала о потерянном. Украденная монета, обернувшееся против тебя самого дуло твоего пистолета, круглая дыра в небесной ткани. Луной владели пришельцы. Их первым актом агрессии – когда человечество впервые заметило их присутствие в Солнечной системе – стало нападение на лунную базу. Находившиеся под куполом сорок человек погибли страшной смертью от удушья. В то же самое время, в тот же день пришельцы уничтожили российскую космическую платформу на земной орбите – причудливое, красивое сооружение, похожее на опущенное семечко чертополоха, с которого русские собирались запускать корабли к Марсу. С отступления Чумы прошло всего десять лет, человечество, как феникс, только-только восстало из разрухи и пепла, чтобы лететь в космос, к Луне, к Марсу – и вдруг это. Бесформенная, бессмысленная, безъязыкая жестокость. Глупая ненависть Вселенной.

За дорогами уже не ухаживали, как в те годы, когда шоссе правили миром, – на пути возникали ямы и выбоины, но Хезер часто удавалось разогнаться до максимально разрешенной скорости (сорок пять миль в час). Она ехала по широкой, залитой лунным светом долине, раза четыре или пять пересекла речку Ямхилл, проехала через Данди и Гранд-Ронд (первый поселок – живой, второй – брошенный и мертвый, как Карнак) и наконец добралась до гор, до лесов. Старинный деревянный дорожный знак: «Лесная дорога имени Ван Дьюзера» – территория, в стародавние времена отвоеванная у лесопромышленников. Не все американские леса пошли на типовые дома, бумажные пакеты и воскресные комиксы. Кое-что еще осталось. Съезд направо – заповедник «Саюсло», и тоже не какой-нибудь вшивый питомник с пеньками и дохлыми саженцами, а дремучий лесище. Лунное небо заслонили черные кроны гигантских тсуг.

Бледный свет фар тонул в темной гуще ветвей и папоротников, и она еле разглядела нужный знак. Опять свернула и еще примерно милю пробиралась по изрытой колеями ухабистой

грунтовке, пока не увидела первый дом. На покрытой дранкой крыше белел лунный свет. Было чуть позже восьми.

Деревянные домики стояли в тридцати-сорока футах друг от друга; деревья на участках срубить не стали, но от поросли территорию очистили. Присмотревшись, она различила и остальные отсвечивающие крыши, а по ту сторону ручья – такой же ряд строений. Свет горел только в одном окне. Начало весны, вечер вторника – отдыхающих не так много. Выйдя из машины, она поразилась, как громко шумит ручей – неумолчная, вечная хвалебная песнь! Она подошла к дому с освещенным окном, запнувшись в темноте всего пару раз, и посмотрела на припаркованную рядом машину – хертцевский электромобиль. Ну естественно. А если не он? Вдруг там чужой человек? Да черт с ним, не съедят же ее. Она постучала.

Подождала немного, чертыхаясь под нос, и снова постучала.

Ручей щебетал во все горло, в лесу стояла гробовая тишина.

Орр открыл дверь. Волосы висят спутанными лохмами, глаза красные, губы сухие. Усталый на нее и заморгал. Вид человека безумного, доведенного до ручки. Ей стало страшно.

– Вы заболели? – выпалила она.

– Нет, я... Заходите...

Придется зайти. Рядом с железной печкой стоит кочерга – если что, можно обороняться. Если, конечно, он первый ее не схватит.

Да ладно, черт возьми, что за мысли? Она едва ли не крупнее его и в куда лучшей форме. Трусиха несчастная.

– Травы накурились?

– Да нет, я...

– Что «я»? Что с вами?

– Не могу заснуть.

В крошечном домике чудесно пахло дымком и свежим деревом. Его обстановка состояла из печки, на которой можно было готовить, ящика с ольховыми ветками, буфета, стола, стула и раскладушки.

– Сядьте, – скомандовала Хезер. – Выглядите ужасно. Может, выпьете? Или врача? У меня в машине есть бренди. Поехали-ка со мной – найдем врача в Линкольн-Сити.

– Я в порядке. Прст... очнь... спать.

– Вы же сказали, не можете заснуть.

Он посмотрел на нее осоловелыми воспаленными глазами.

– Не могу себе позволить. Боюсь.

– Господи! Сколько это продолжается?

– Св... свс... ..кресенья.

– Вы не спали с воскресенья?

– С субботы? – сказал он с вопросом в голосе.

– Что-нибудь принимали? Стимуляторы?

Он покачал головой.

– Немного все-таки поспал, – сказал он довольно четко, но тут же вдруг задремал, как девяностолетний старик.

Она уставилась на него, не веря своим глазам, но он так же быстро очнулся и внятно спросил:

– Вы приехали ради меня?

– А ради кого? Нет, черт побери, за рождественской елкой! Мы вчера договаривались пообедать – вы не явились.

– Ой, – он широко распахнул глаза, силясь ее разглядеть, – извините. Я в последние дни не в себе.

Сказав это, он вдруг, несмотря на дикие глаза и растрепанные волосы, снова стал собой – человеком, чье чувство собственного достоинства уходило так глубоко внутрь, что на поверхности было едва заметно.

– Ладно. Наплевать! Но вы и к врачу не ходите, так?

Он кивнул.

– Будете кофе? – спросил он.

Это не просто чувство собственного достоинства. Гармоничность? Целостность? Как у необработанного куска дерева.

Бесконечный потенциал, неограниченная, безоговорочная целостность бытия без изъя- тий, без обязательств, без действий: бытия только самим собой и больше никем, бытия всем.

Таким она его вдруг увидела, и больше всего в этом прозрении поразила ее сила этого человека. Он оказался сильнее всех, кого ей приходилось встречать, потому что его нельзя было сдвинуть с центра. Вот почему он ей понравился. Сила притягивала ее, как свет – мотылька. Она выросла в любящей семье, но силы в ее окружении не хватало: не на кого было опереться, это другие на нее опирались. Тридцать лет она мечтала, что встретит кого-то, кого не надо будет подпирать, кто не станет на нее опираться никогда, ни в каких обстоятельствах...

И вот сбежавший от врача плюгавый псих с красными глазами – ее надежда и опора.

Жизнь – такая запутанная штука, что черт ногу сломит, подумала Хезер. Никогда не угадаешь, что дальше. Она сняла плащ, а Орт тем временем взял с полки чашку, достал из буфета банку с молоком и сделал ей крепкий кофе: девяносто семь процентов – кофеин, три – все остальное.

– А сами?

– Больше уже не могу. Изжога.

Ей так его стало жалко.

– Может, бренди?

Он взглянул с робкой надеждой.

– Вы от него не уснете. Наоборот, взбодритесь. Сейчас схожу.

Он посветил ей фонариком на улице. Ручей гремел, деревья застыли в тишине, над голо- вой скалилась луна. Луна пришельцев.

Вернувшись в дом, Орт налил себе немного, отхлебнул, вздрогнул: «Хорошо!» – и выпил до конца.

Она поглядела на него одобрительно.

– Всегда вожу с собой пинтовую флягу. В машине обычно держу в бардачке, а то, если полиция тормознет, надо показывать права – фляга в сумке ни к чему. Но обычно держу при себе. Занятно: каждый год пару раз приходится очень кстати.

– Вот почему у вас такая большая сумка, – сказал Орт с хмелем в голосе.

– Само собой! Добавить, что ли, в кофе? А то больно крепкий. – Она плеснула бренди себе в чашку и заодно налила ему. – Как вам удастся не спать уже часов шестьдесят-семьдесят?

– Я не то чтобы совсем не сплю – просто не ложусь. Можно вздремнуть сидя, но без снов. Чтобы снились сны, надо лечь – тогда большие мышцы расслабятся. В книгах вычитал. В принципе, работает. Пока настоящих снов не было. Но если толком не удастся расслабиться, быстро просыпаетесь. А в последнее время начались галлюцинации. Будто по стене что-то ползает.

– Вы так долго не протянете!

– Да. Знаю. Просто надо было уехать. От Хейбера.

Пауза. Похоже, на него опять накатило оцепенение. Он глуповато хихикнул.

– На самом деле я вижу только одно решение, – продолжил он, – убить себя. Но не хочется. Это как-то неправильно.

– Конечно неправильно!

– Но это надо остановить. Меня надо остановить.

Она не совсем его поняла, и вникать желания не было.

– Хороший у вас домик, – сказала она. – А как дровами пахнет! Лет двадцать этого запаха не чувствовала.

– Згрзняю воздух, – пробормотал он со слабой улыбкой.

Казалось, он вот-вот отключится, но она заметила, что на раскладушке он сидит ровно, даже не позволяет себе прислониться к стене. Он поморгал.

– Когда вы постучали, я решил: сон. Поэтому сраз... не сраз... открыл.

– Говорите, намечтали себе этот домик во сне? Скромненько. Почему тогда не придумали себе шале на морском берегу в Сэлишане или замок на мысе Перпетуа?

Он нахмурился и покачал головой:

– Хотел только это.

Еще поморгав, он спросил:

– Что случилось? С вами что случилось? В пятницу. У Хейбера. На сеансе.

– Так я как раз и приехала спросить!

От этих слов он проснулся.

– То есть вы поняли...

– Видимо. Я чувствую, что что-то произошло. С тех пор как будто на одних и тех же колесах сразу по двум путям еду. В воскресенье в собственной квартире налетела на стену! Видите?

Она показала чернеющий под шоколадной кожей синяк на лбу.

– Там оказалась стена, хотя там не было стены... Как вы с этим живете? Как вы вообще понимаете, где что находится?

– Я и не понимаю, – ответил Опп. – Все время путаюсь. Если так и должно происходить, то хоть не настолько часто. Перебор. Уже не знаю: я сошел с ума или просто слишком много противоречащих сведений. Я... Просто... Вы что, действительно мне верите?

– А что остается? Я же видела, что случилось с городом! Как раз смотрела в окно. Только не думайте, что я хочу верить. На самом деле не хочу, пытаюсь не верить. Боже, кошмар какой-то. Но этот Хейбер, а? Он ведь тоже не хотел, чтобы я поверила. Так заболтал меня сразу. Но то, что вы сказали, когда проснулись... И потом эти стены на пустом месте, и на работу пошла не на ту улицу... И вот хожу и думаю: а что еще ему приснилось после пятницы? Уже, наверное, все изменилось, только я не знаю, потому что меня рядом не было. И я начинаю думать, что именно изменилось, и вообще не понимаю, осталось ли что-то настоящее.

– Вот именно. Слушайте, вы ведь знаете про войну? На Ближнем Востоке?

– Еще бы. На ней мой муж погиб.

– Ваш муж? – На лице у Орра выразилось отчаяние. – Когда?

– За три дня до того, как договорились ее закончить. За два дня до Тегеранской конференции и американо-китайского пакта. Через день после того, как пришельцы взорвали базу на Луне.

Он смотрел на нее словно в ужасе.

– Ну что такое? Да ладно, старая рана. Прошло уже шесть лет, почти семь. Если б его не убило, мы бы уже развелись. Отношения у нас были так себе. Слушайте, вы тут ни при чем!

– Я уже не знаю, когда я при чем, а когда нет.

– В случае с Джимом точно ни при чем. Ну был такой здоровый черный парень, симпатичный, зараза, и несчастный. В двадцать шесть уже большой человек, капитан ВВС, а в двадцать семь его сбили. И не вы это устроили, так на земле уже тысячи лет заведено. И все всегда так и происходило, задолго до пятницы, когда мир еще был перенаселен. Точно так же. Только это случилось в начале войны... правильно? – сказала она вдруг тихо, упавшим голосом. –

Боже мой, его ведь убили сразу, а не перед перемирием. И война все продолжалась и продолжалась. И сейчас еще шла. А никаких... никаких пришельцев не было. Правда?

Орр кивнул.

– Вы их во сне придумали?

– Он сказал увидеть сон про мир. Мир на земле, и в человеках благоволение. Вот я и сочинил инопланетян. Чтобы был общий враг.

– Это не вы. Это все его прибор.

– Да нет, мисс Лелаш. Я и без прибора отлично справляюсь. Он просто экономит время – переносит меня сразу в фазу сновидений. Хотя в последнее время Хейбер над ним работал, что-то улучшал. Он большой мастер улучшать.

– Зовите меня Хезер.

– Красивое имя.

– А вас зовут Джордж. Он вас постоянно называл Джордж. Как будто вы этакий смысленный пудель или макака-резус. Джордж, лежать! Джордж, спать!

Он белозубо рассмеялся. Приятный смех, несмотря на всю его растрепанность и смущение.

– Да это не меня. Он не со мной говорил, а с моим подсознанием. Это оно для его целей как собака или мартышка. Оно, конечно, не рационально, но его можно выдрессировать.

В его словах не было ни капли горечи, хотя говорил он довольно страшные вещи. Неужели некоторым вообще не свойственно возмущаться, ненавидеть, подумала она? Неужели есть люди, которые никогда не ополчаются на весь мир? Которые видят зло, сопротивляются ему, но на которых оно совсем никак не влияет?

Конечно, есть и были. И несть им числа, живым и мертвым. Это те, преисполненные сострадания, что вернулись в круговорот колеса, что идут путем, по которому идти нельзя, сами не ведая того: жена крестьянина-издольщика в Алабаме, лама в Тибете, энтомолог в Перу, рабочий в Одессе, зеленщик в Лондоне, козопас в Нигерии, древний старик, стругающий палку близ пересохшего ручья где-то в Австралии, и все прочие. Нет среди нас таких, кто с ними не встречался. Довольно их – хватает, чтоб не остановилась жизнь на земле. Наверное, хватает.

– Послушайте, это важный вопрос: у вас только после встречи с Хейбером начались эти...

– Действенные сны? Нет, еще до. Я потому к нему и попал. Мне было страшно, и я начал по чужим карточкам доставать успокоительные, чтобы ничего не снилось. Не знал, что делать.

– Почему тогда последние две ночи ничего не принимаете? Почему пытаетесь не спать?

– У меня еще в пятницу все закончилось, а аптек здесь нет. Но мне надо было уехать. Чтобы быть подальше от доктора Хейбера. Все сложнее, чем ему хочется думать. Он считает, в мире можно все поправить. И он пытается при помощи меня поправлять мир, но только не признается. Он лжет, потому что не хочет смотреть правде в глаза. Его не интересует истина, его не интересует, что есть на самом деле, он ничего не видит, кроме своего сознания, своих представлений о том, как все должно быть.

– Ну, как адвокат я вам ничем помочь не могу, – сказала Хезер, не очень разобравшись в его словах.

Она отхлебнула кофе с бренди – смесь не то что вырви глаз, а сразу оба.

– В его гипнотической установке, – продолжила она, – я не слышала ничего такого. Он вам просто сказал не беспокоиться из-за перенаселения и все такое. И если он намерен скрывать, что использует ваши сны в сомнительных целях, кто ему помешает? С помощью гипноза он всегда может сделать так, что при сторонних наблюдателях вам действенный сон не приснится. Интересно, почему он пустил меня? Вы точно знаете, что он сам-то верит? Не понимаю его. Но в любом случае адвокату влезть между психиатром и пациентом тяжело, особенно если психиатр – светило, а пациент – маньяк, который считает, что его сны сбываются.

Нет уж, увольте! Но послушайте, неужели никак нельзя не видеть снов по его заказу? Может, транквилизаторы?

– Пока я на ДТЛ, у меня нет аптечной карты. Он мне их должен будет сам прописать. Да и потом, «Усилитель» все равно заставит видеть сны.

– Вмешательство в частную жизнь. Но на иск не потянет... Слушайте. А что, если вам во сне его изменить?

Орр уставился на нее сквозь туман дремоты и бренди.

– Сделать его гуманнее... Хотя вы говорите, он и так гуманный, хочет как лучше. Но он любит власть. Нашел отличный способ управлять миром и ни за что при этом не отвечать. Ну? Сделайте его не таким властолюбивым. Пусть вам приснится, что он очень славный человек. Что он вас лечит, а не пытается использовать.

– Но я не могу сам загадывать себе сны. Никто не может.

Энтузиазм ее погас.

– Забыла. Когда я начинаю в это верить, сразу кажется, что вы можете всем управлять. А вы не можете. Просто делаете, и все.

– Ничего я не делаю, – буркнул Орр. – И ничего никогда не делал. Я просто вижу сны. А потом оно случается.

– Я вас загипнотизирую, – вдруг сказала Хезер.

Допустив мысль, что невероятное может быть правдой, она почувствовала легкий экстаз: если возможны такие сны, что же тогда невозможно? Кроме того, она с двенадцати часов ничего не ела, и кофе с бренди давали о себе знать.

Орр снова на нее уставился.

– Я уже пробовала. В институте, еще до юрфака, ходила на психологию. Был один курс, когда мы все пробовали друг друга гипнотизировать. Внушаемость у меня не очень, но других гипнотизировать получалось лихо. Давайте я вам какой-нибудь сон внушу. Про Хейбера – чтобы он перестал вредить. Только это, ничего больше. Ну как? Мне кажется, это довольно безопасно. По крайней мере, не опаснее остального, что сейчас можно предпринять.

– Но у меня высокая сопротивляемость гипнозу. Раньше не было, но он говорит, теперь есть.

– Вот почему он применяет вагус-каротидную индукцию? Терпеть не могу, когда ее делают: как будто человека у тебя на глазах убивают. А так не сумею, да я и не врач.

– Мой стоматолог просто ставил гипнопленку. И все получалось. Вроде бы. Мне так кажется.

Он явно уже говорил во сне и мог бы так бормотать до бесконечности.

– Видимо, сопротивляемость у вас не к гипнозу, а к гипнотизеру... – мягко сказала Хизер. – Попробуем все-таки? Если получится, я вам дам установку увидеть один небольшой – как вы сказали? – действенный сон о Хейбере. Чтобы он во всем сознался и постарался помочь. Как думаете, сработает? Вы не против?

– Я хоть посплю. Мне... все-таки надо иногда спать. Сегодня уже не выдержу. Если думаете, что у вас получится с гипнозом...

– Должно получиться. Только слушайте, у вас нет чего-нибудь поесть?

– Есть, – сонно пробормотал он, но через минуту очнулся. – Да, есть, простите. Вы же не ели. Сюда еще ехали. Есть хлеб...

Он порывлся в буфете и достал буханку хлеба, маргарин, пять крутых яиц, банку тунца и увядший пучок салата. Она тем временем нашла две тарелочки из фольги для выпекания пирогов, три разномастные вилки и маленький нож для фруктов.

– А вы ели? – строго спросила она.

Орр не помнил. Они перекусили: она – сидя за столом, он – стоя. Встав на ноги, он взбодрился, и у него обнаружился изрядный аппетит. Пришлось разделить все поровну, даже пятое яйцо.

– Вы очень хороший человек, – сказал он.

– Я? Почему? Что к вам приехала? Да ерунда, просто испугалась. Когда в пятницу мир взял и перевернулся! Хотелось разобраться. Я ведь, когда вы спали, как раз смотрела на больницу, где я родилась, – за рекой. И вдруг раз – ее нет и не было никогда!

– Я думал, вы с восточного побережья, – сказал Орр ни к селу ни к городу.

С логикой у него в этот момент было туговато.

– Нет. – Она тщательно вычистила банку из-под тунца и облизала нож. – Из Портленда. Причем уже два раза. Два разных роддома. Во дела! Но оба раза здесь родилась и выросла. Как и мои родители. Папа у меня негр, мама белая. Довольно любопытная история. Он в семидесятых был такой воинственный активист: «Власть черным!» и все прочее. А она была хиппи. Он из неблагополучной семьи из черного района, безотцовщина, она – дочь адвоката крупной корпорации из фешенебельного Портленд-Хайтс. Бросила институт, подседала на наркотики – все, как тогда было принято. Познакомились они на каком-то митинге, против чего-то протестовали. Тогда еще митинги не были запрещены. Поженились. Но долго он все это вытерпеть не мог – я имею в виду не только брак, а всю ситуацию. Когда мне было восемь, уехал в Африку. В Гану вроде бы. Он считал, что его предки оттуда, хотя он точно не знал. Вся его семья, сколько себя помнила, жила в Луизиане, и Лелаш – фамилия рабовладельца. По-французски значит «трус». Я в школе выбрала французский, потому что у меня французская фамилия, – хихикнула она. – Словом, взял и смотался. И бедная Ева совсем расклеилась. Ева – это моя мать. Она не хотела, чтобы я называла ее «мама»: долой эти собственнические словечки из буржуазных семей. В общем, я звала ее Евой. Некоторое время мы жили на горе Худ в типа такой коммуне. Боже мой! Холодрыга зимой страшная. Но полиция нас разогнала: мол, вынашиваем антиамериканский заговор. Потом она перебивалась то тут, то там. Иногда делала красивую посуду, если кто-нибудь давал свой гончарный круг и печь. Но чаще она просто была на подхвате в магазинчиках, ресторанах и все такое. В их среде было принято друг другу помогать. И все здорово помогали. Но она крепко сидела на наркотиках и не могла слезть. Год продержится – и снова-здорово. Чуму пережила, но в тридцать восемь кольнулась грязной иглой – и насмерть. И что вы думаете – объявились ее родственники и взяли меня к себе. Хоть раньше меня ни разу не видели! И оплатили мне институт и юридическое образование. Каждый год езжу к ним на Рождество. Я у них такой показательный негр. Но знаете, что самое странное? Я сама не понимаю, какого я цвета. Отец был черный, настоящий такой (белая примесь у него была, но он был негр), мать – белая, а я ни то ни другое. Ведь отец ненавидел мать за то, что она белая. Но и любил тоже. А она, видимо, любила не столько его, сколько его цвет кожи. И какая тогда получаюсь я? Так и не разобралась.

– Коричневая, – мягко сказал он, стоя позади ее стула.

– Дермальный цвет.

– Цвет земли.

– А вы из Портленда? Ваша очередь.

– Да.

– Ничего не слышу из-за этого ручья. Черт! Я думала, на природе обычно тихо. Продолжайте!

– Правда, у меня теперь столько разных детств, – сказал он, – даже не знаю, о каком вам рассказать. В одном родители умерли в первый год Чумы. В другом не было никакой Чумы. Не знаю... Все они были довольно скучные. Рассказывать нечего. Я просто выживал, как мог.

– Ну, это главное.

– Только становится все труднее и труднее. Сперва Чума, теперь пришельцы...

Он придурковато хохотнул, но, когда она обернулась, его лицо было усталым и несчастным.

– Не могу поверить, что вы их просто выдумали во сне. В голове не укладывается. Я их так долго боялась – шесть лет! Но вот об этом подумала и сразу поняла: да, все правильно. Потому что их не было на том, другом временном пути, или как его назвать? Хотя на самом деле они не хуже, чем эта чудовищная перенаселенность. Вспомнить только ту жуткую квартиру, где я жила – с четырьмя другими тетками, в «Комплексе для деловых женщин». Ужас! И эти поездки на мерзком метро, зубы в ужасном состоянии, еда паршивая, и то ее не хватает. Вы знаете, я тогда весила сто один фунт, а теперь – сто двадцать два. С пятницы набрала двадцать один фунт!

– Да, вы были страшно худая, когда я вас впервые увидел. В вашей адвокатской конторе.

– Вы тоже. Тощий, как палка. Правда, все тогда были такие – я не обратила внимания. А теперь, смотрю, становитесь здоровяком. Вам бы только выспаться.

Он не ответил.

– Если разобраться, все стали выглядеть гораздо лучше. Послушайте, если вы со своими снами все равно ничего поделать не можете, но они что-то меняют к лучшему, то не стоит себя винить. Может, это что-то вроде нового инструмента эволюции. Выживает сильнейший и все такое. Прямая линия. Экспресс-связь.

– Да нет, гораздо хуже, – сказал он с той же легкомысленной, глуповатой интонацией и сел на кровать. – Вы... – Он несколько раз запнулся. – Вы помните, что случилось четыре года назад в апреле? В девяносто восьмом?

– В апреле? Нет, ничего особенного.

– Был конец света, – сказал Опп.

Его лицо передернулось мышечным спазмом, и он несколько раз сглотнул, как будто ему не хватало воздуха.

– Никто больше не помнит.

– Вы о чем? – спросила она с чувством смутной тревоги.

Апрель... апрель девяносто восьмого, подумала она. Помню ли я апрель девяносто восьмого? Она поняла, что не помнит, а надо бы. И испугалась. Его? Вместе с ним? За него?

– Это не эволюция. Просто самосохранение. Даже не знаю... В общем, было гораздо хуже. Вы такого даже не помните. Мир был тот же, что первый, который вы застали, с населением в семь миллиардов, только... было хуже. Нигде, кроме нескольких европейских стран не успели вовремя, еще в семидесятых, сократить выбросы, ограничить рождаемость и ввести карточки. И когда мы наконец попробовали организовать снабжение, было уже поздно. Продуктов не хватало, мафия контролировала черный рынок; чтобы что-то есть, надо было покупать на черном рынке, у многих такой возможности не было. В восемьдесят четвертом переписали Конституцию, это вы помните, но положение было такое аховое, что переписали гораздо сильнее. Даже не стали делать вид, что у нас все еще демократия, ввели что-то вроде полицейского государства, но не помогло – система сразу же развалилась. Когда мне было пятнадцать, закрылись школы. Той, большой Чумы не было, но одна за другой вспыхивали эпидемии – дизентерия, гепатит, потом бубонная чума. Правда, в основном люди умирали от голода. А в девяносто третьем на Ближнем Востоке началась война. Правда, не совсем такая. Израиль против арабов и Египта. Присоединились все крупные государства. Одна африканская страна, воевавшая за арабов, сбросила на два израильских города атомные бомбы. Мы помогли нанести ответный удар, и...

Он помолчал, а затем продолжил, судя по всему не заметив, что из его рассказа выпал кусок.

– Я пытался выбраться из города. Хотел дойти до Лесного парка. Меня тошнило, идти было невмоготу, я сел на ступенях какого-то дома в районе Западных холмов. Дома все сгорели, но ступеньки были бетонные. Помню, в трещине между ступеньками росли одуванчики. Я сел,

а встать уже не могу и понимаю, что больше не встану. Мне все казалось, что я встал и пошел, что выхожу из города, но это был уже бред. Я приходил в себя, опять видел одуванчики и понимал, что умираю. И что все вокруг тоже умирает. А потом мне... приснился сон.

Пока он говорил, голос у него стал сильным, а теперь и вовсе пресекался.

– Со мной все было хорошо, – наконец продолжил он. – Мне снилось, что я дома. Я проснулся, и со мной все и правда было хорошо. Я был у себя дома, в кровати. Только такого дома у меня никогда не было в том мире – другом, первом. В плохом мире. Господи, лучше бы я совсем его забыл. Я его почти и забыл. Невозможно такое помнить. Я с тех пор себе говорю, что все это был сон. Только это неправда! Вот сон. Который сейчас. Этот мир не настоящий. И даже не вероятный. Настоящий – тот, что был. На самом деле мы все умерли. А перед тем угробили наш мир. Ничего не осталось. Только сны.

Она ему поверила, и тут же с возмущением эту веру отбросила.

– Ну и что? Может, так всегда и было! Ничего страшного. Вы же не думаете, что вам позволено делать что-то, чего делать нельзя? Кем вы себя вообразили? В мире нет ничего случайного; все происходит так, как должно. Всегда! Какая разница, как это называть – реально-стью или сном? Это ведь одно и то же, разве нет?

– Не знаю, – сказал Опп, явно мучаясь.

Она подошла и обняла его, как ребенка, которому больно, или как умирающего.

Его голова тяжело улеглась ей на плечо, на колено мягко опустилась светлая широкая кисть.

– Вы спите.

Он не возразил.

Ей пришлось как следует его встряхнуть, чтобы он хотя бы запротестовал.

– Нет, я не сплю. – Он всполошился и сел прямо. – Не сплю. – И снова обмяк.

– Джордж!

И правда: если обратиться по имени, помогает. Он открыл глаза и даже перевел взгляд на нее.

– Не засыпайте! Продержитесь еще чуть-чуть. Попробую гипноз. Чтобы вы смогли поспать.

Она собиралась узнать, какой сон он хочет увидеть, что ему внушить насчет Хейбера, но Опп был уже не в том состоянии.

– Так, садьте на раскладушку. Смотрите... смотрите на пламя в лампе, это сгодится. Но не засыпайте.

Она поставила масляную лампу в центр стола среди яичной скорлупы и объедков.

– Сосредоточьтесь на пламени и не спите! Вам будет легко и приятно, но спать вы не будете, пока я не скажу: «Спите». Вот так. Вам легко и удобно...

Чувствуя легкую фальшь, она продолжила разыгрывать роль гипнотизера. Опп поддался практически сразу. Она даже сперва не поверила и решила проверить.

– Вы не можете поднять левую руку, – сказала она. – Пытайтесь, но она слишком тяжелая. Не идет... А теперь она снова легкая, вы можете ее поднять. Так... хорошо. Через минуту вы заснете. Вам что-то приснится, но это будут простые, обычные сны, как у всех. Не эти, особенные – не действенные. За одним исключением. Вам приснится один действенный сон. В нем...

Она осеклась. Ей вдруг стало страшно, все внутри похолодело. Что она творит? Это ведь не игры, не игрушки, сюда с глупостями лезть нельзя. Он был сейчас в ее власти, а его власть безгранична. Какую чудовищную ответственность она на себя взваливает?

Человек, который, как она, считает, что нет ничего случайного, что все мы части целого и что ощущение себя частью целого и делает нас целым, – такой человек никогда, ни при каких обстоятельствах не испытывает желания играть в Господа Бога. В такие игры стремятся

играть лишь те, кто отрицает свою сущность. Но ей навязали эту роль, и теперь поздно идти на попятную.

– В этом сне вам приснится, что... доктор Хейбер – человек гуманный, что он не пытается вам навредить и будет с вами откровенен.

Она не знала, что говорить, как говорить, и понимала, что любые слова могут обернуться неприятностями.

– А еще вам приснится, что пришельцев на Луне больше нет, – второпях добавила она (хоть этот груз у него с плеч снять). – А утром вы проснетесь отдохнувшим, и все будет хорошо. Теперь же – спите!

Черт! Забыла сказать, чтобы он сперва лег на кровать.

Орр, как до половины набитая подушка, мягко подался вперед и вбок и большой теплой бездвижной массой улегся на полу.

Весил он не больше ста пятидесяти фунтов, но взгромоздить его на кровать – без малейшей помощи с его стороны – было не легче, чем мертвого слона. Чтобы не перевернуть раскладушку, ей пришлось сперва поднять его ноги, а потом уже за плечи затянуть наверх все тело. Само собой, внутрь спального мешка он не попал. Хезер вытащила мешок из-под него, опять едва не перевернув кровать, и укрыла им Орра, как одеялом. А он спал, спал без задних ног, не обращая внимания ни на что. Она запыхалась, вспотела и разозлилась. Он был безмятежен.

Она села за стол перевести дух. Потом задумалась, что делать дальше. Убрала объедки и сор, нагрела воды и вымыла тарелки из фольги, вилки, нож и чашки. Подкинула в печку дров. На полке она нашла несколько книг в мягких обложках: наверное, купил в Линкольн-Сити, чтобы как-то скоротать долгое бдение. Ни одного детектива. Вот черт! Хороший детектив сейчас бы не помешал. Нашла какой-то роман о России. Что интересно: когда подписали Космический пакт, американское правительство перестало делать вид, что между Иерусалимом и Филиппинами ничего нет (потому что, если есть, вдруг оно как-то навредит «Американскому Образу Жизни»?). И в последние несколько лет в магазинах снова появились японские игрушечные зонтики из бумаги, индийские благовония, русские книги и все прочее. Человеческое братство – новый образ жизни, как сказал президент Мердль.

В этом романе, фамилия автора которого заканчивалась на «-евский», действие разворачивалось в Чумные годы в маленькой кавказской деревне. Книга была невеселая, но чем-то она ее взволновала и зацепила, и Хезер с десяти вечера просидела над ней до половины третьего. Все это время Орр спал глубоким сном, почти не шевелясь, тихо и неглубоко дыша. Она отрывала глаза от кавказской деревушки и видела его лицо, позолоченное тусклым светом лампы, притененное и умиротворенное. Если ему снились сны, то мимолетные и тихие. Когда все в деревне умерли, кроме местного дурачка (чья абсолютная пассивность перед лицом неизбежного не раз напомнила ей о ее компаньоне), она попробовала выпить подогретого кофе, но на вкус он был как щелок. Она открыла дверь и постояла наполовину внутри, наполовину снаружи, слушая, как ручеек орет и вопит: «Вечная хвала! Вечная хвала!» Уму непостижимо, что он голосил так еще за сотни лет до ее рождения и не перестанет, пока горы не сдвинутся с места. А что самое странное – сейчас, поздно ночью, среди глубокой лесной тиши в этом грохоте слышалась посторонняя нотка, будто где-то далеко-далеко вверх по течению поют детские голоса – так сладко и так странно.

Стало зябко. Она захлопнула дверь и, оставив нерожденных детей дальше петь в ручье, вернулась в теплую комнату к спящему человеку. Попыталась почитать руководство для плотников-самоучек (Орр, видимо, собирался в домике что-то мастерить), но поняла, что сейчас заснет. Почему бы и нет, кстати? Ей-то зачем бодрствовать? Только куда лечь...

Надо было оставить Джорджа на полу. Он бы и не заметил. Так нечестно: у него и раскладушка, и спальный мешок. Она взяла мешок, взамен укрыв Орра его плащом и своим дождевиком. Джордж не пошевелился. Она ласково на него посмотрела и улеглась в спальном мешке

на полу. Боже, ну и холодина! И так жестко. Лампу она не задула. А может, надо прикрутить фитиль? Вроде одно правильно, а другое нет: так говорили в коммуне. Но только что именно правильно, она забыла. Твою же мать! Как холодно.

Холодно, холодно. Жестко. Ярко. Слишком ярко. В окне сквозь маячащие и мерцающие тени деревьев рассвет. Бьет над кроватью. Вздогнул пол. Холмы зашептались, им приснилось, что они падают в море. А из-за холмов, едва слышный и страшный, несется из далеких городов вой сирен – вой, вой, вой.

Она вскочила. Волки завывали о конце света.

Косые лучи заливали единственное окошко, делая неразличимым все, что оставалось в тени. Она пошарила руками в этом ярком мареве и поняла, что сновидец еще не проснулся и лежит лицом вниз.

– Джордж! Просыпайтесь! Ну же, вставайте, Джордж! Что-то случилось!

Он проснулся. Открыв глаза, улыбнулся ей.

– Что-то случилось... сирены. Что это?

Еще не отойдя от сна, он бесстрастно сказал:

– Они приземлились.

Как она сказала, так он и сделал. Она же сказала ему увидеть во сне, что на Луне пришельцев больше нет.

8

*Небо и земля не обладают человеколюбием⁹.
Лао-цзы. Дао дэ цзин*

Во время Второй мировой войны на материковой части США прямому нападению подвергся только Орегон. Японцы запускали воздушные шары с зажигательными бомбами, рассчитывая поджечь лес на побережье. Во время первой Межзвездной войны на материковой части США вторжению подвергся только Орегон. Виноваты, наверное, местные политики. Исторически главной задачей сенатора от Орегона было взбесить всех остальных сенаторов – вот почему на хлеб штата никогда не намазывают военное масло. Никаких стратегических запасов в Орегоне не хранилось (разве что сено), не было ни ракетных установок, ни баз НАСА. Штат оказался явно беззащитным. Прикрывающие его баллистические ракеты системы противинопланетной обороны находились в огромных подземных шахтах в Уолла-Уолле (штат Вашингтон) и Раунд-Вэлли (Калифорния). С территории штата Айдахо, чуть ли не целиком превращенного в авиабазу ВВС США, с диким ревом вылетели огромные сверхзвуковые «ХХТТ-9900» и, надрывая все барабанные перепонки от Бойсе до Сан-Вэлли, помчались на запад в поисках кораблей пришельцев, если вдруг те проскользнули за непроницаемый щит ПИО.

Но у пришельцев было устройство, позволяющее перехватить управление баллистическими ракетами. В итоге, развернувшись где-то посреди стратосферы, те попадали там и сям по всему Орегону. На сухих восточных склонах Каскадных гор разгорелись адские кострища. Огненный вал смел Голд-Бич и Даллес. Прямого попадания в Портленд не было, но одна ядерная боеголовка случайно ударила в гору Худ недалеко от старого кратера и разбудила спящий вулкан. Он моментально задымился, по земле пошли судороги, и к полудню первого дня инопланетного вторжения – оно пришлось как раз на первое апреля – на северо-западном склоне открылась трещина и началось мощное извержение. Потоки лавы подожгли обезлесевшие и лишенные снежного покрова склоны, угроза нависла над жителями Зигзага и Рододендрона. Над вулканом сформировался пепельный столб, и над Портлендом, что в сорока милях от горы, скоро повис плотный серый смог. С приходом вечера ветер переменился на южный, воздух у земли немного очистился и в сгустившихся на востоке тучах стали видны мрачные оранжевые всполохи вулкана. Небо, полное дождя и пепла, гудело от двигателей «девять тысяч девятисотых», тшкетно рыскавших в поисках пришельцев. С восточного побережья и из стран-союзников летели все новые истребители и бомбардировщики – эти часто сбивали друг друга. Земля вздрагивала от землетрясений, разрывов бомб и падений самолетов. Один инопланетный корабль приземлился всего в восьми милях от города, и юго-западная окраина обратилась в пыль, когда реактивные бомбардировщики начали методично утюжить зону площадью одиннадцать квадратных миль, в которой якобы находились захватчики. На самом деле вскоре поступили сведения, что корабля там больше нет, но надо же было что-то делать. Как обычно бывает при авиаударах, бомбы падали по ошибке и на другие районы города. В центре не осталось целых окон: их мелкие осколки покрыли центральные улицы слоем в один-два дюйма. Беженцам из юго-западного Портленда пришлось здесь идти; женщины в туфлях на тонкой подошве, полных битого стекла, несли детей и плакали от боли.

Уильям Хейбер стоял перед огромным окном своего кабинета в Орегонском онейрологическом институте и смотрел на разгорающиеся и гаснущие языки пламени внизу у доков и на

⁹ Перевод Ян Хиншуна.

кровавую зарницу извержения. В окне сохранилось стекло; рядом с парком Вашингтона еще ничего не приземлилось и не взорвалось, а сотрясения земли, из-за которых по берегам рек раскололись целые здания, здесь, на холмах, пока не натворили больших бед – только потрясли оконные рамы. Доносился еле слышный рев слонов из зоопарка. Иногда на севере появлялись странные фиолетовые отсветы – вроде бы над тем местом, где Уилламетт впадает в Колумбию, но в этих мутных, пепельных сумерках толком не разберешь. Обширные куски города остались без электричества и выглядели черными; другие слегка мерцали, хотя фонари не зажигали.

В здании института больше никого не было.

Весь этот день Хейбер пытался найти Джорджа Орра. Когда поиски не увенчались успехом, а продолжать их в условиях всеобщей истерики и распадающегося на глазах города стало невозможно, он пришел в институт. Идти в основном пришлось пешком, и это его сильно расстроило. Разумеется, у человека такого статуса, с таким плотным графиком был электромо- бил. Но аккумулятор разрядился, а из-за толп на улицах пробиться к станции подзарядки не удалось. Хейбер был вынужден продолжить путь пешком: идти против потока, проталкиваться сквозь людей, смотреть им в лица. Настроение испортилось. Он не любил толпу. Но толпы схлынули, и дальше он шел один через огромный парк – лужайки, рощицы, заросли деревьев, – и это было куда хуже.

Хейбер привык считать себя волком-одиночкой. Он никогда не задумывался о женитьбе, не заводил близких знакомств и проводил напряженные исследования в то время, когда другие спят, – он не хотел обременений. Его половая жизнь сводилась почти исключительно к однократным встречам – с полупрофессионалами, иногда женщинами, иногда молодыми мужчинами. Он знал, в какой пойти бар, кинотеатр или сауну. Получал, что хотел, и быстро исчезал, пока ни у него, ни у партнера не успела возникнуть привязанность. Хейбер ценил свою независимость, свободу воли.

Но сейчас, оставшись один – один в огромном равнодушном парке, – он почувствовал себя ужасно и поспешил, почти побежал в институт, потому что больше идти было некуда. Здание встретило его молчанием и пустотой.

У мисс Крауч в ящике стола лежал транзисторный приемник. Он включил его на малую громкость, чтобы следить за новостями, да и просто слышать человеческий голос.

В институте было все необходимое: кровать (даже десятки кроватей), еда, автоматы с сэндвичами и газировкой для ночной смены в лабораториях сна. Но есть не хотелось. Он чувствовал не голод, а какую-то апатию. Он послушал радио, но оно его послушать не могло. Он остался совсем один, и в одиночестве все казалось не совсем реальным. Нужен был другой человек, хоть кто-нибудь, с кем можно было бы поговорить, кому можно рассказать о своих чувствах и так понять, чувствует ли он что-нибудь. Ужас одиночества едва не выгнал его на улицу обратно в толпу, но апатия пересилила страх. Он пребывал в бездействии, а за окном сгушалась тьма.

Красноватое свечение над вулканом то разрасталось до чудовищных размеров, то снова бледнело. Что-то массивное ударило по юго-западному краю города; из окна кабинета было не разглядеть, но вскоре подбрюшье туч окрасилось синеватым светом, исходящим, судя по всему, оттуда. Хейбер вышел в коридор посмотреть из другого окна и взял с собой радио. По лестнице тем временем поднимались люди, но он их шагов не слышал. И некоторое время просто молча их разглядывал.

– Доктор Хейбер, – сказал один из них.

Это был Опп.

– А, явились! – сердито сказал Хейбер. – Где вас весь день носило? Заходите.

Опп шел по лестнице прихрамывая, левая сторона лица у него распухла и была в крови, губа рассечена, передний зуб наполовину обломан. С ним была женщина, менее пострадавшая,

но более изможденная – шла на дрожащих ногах, смотрела в одну точку. В кабинете Опп усадил ее на диван.

– Ушиб головы? – громко, тоном врача спросил Хейбер.

– Нет. Просто день тяжелый.

– Я ничего, – пробормотала женщина, ее била легкая дрожь.

Опп быстро метнулся на помощь, снял с нее отвратительно грязные туфли, укрыл лежавшим в ногах кушетки пледом из верблюжьей шерсти. Хейберу стало интересно, кто она, но он тут же прогнал эту мысль. К нему возвращалась обычная хватка.

– Пусть отдохнет здесь. Все будет хорошо. А вы давайте, приведите себя в порядок. Весь день вас ищут. Вы где были?

– Пытались вернуться в город. Видимо, попали в район военной операции. На дорогу прямо перед машиной упала бомба. Машину подбросило, кажется, я перевернулся. Хезер ехала за мной, вовремя затормозила, у нее машина не пострадала. На ней и добрались. Но пришлось ехать по Сансет, потому что Девяносто девятое было все разворочено. А около птичьего заповедника дорога перекрыта, так что дальше через парк шли пешком.

– Откуда ехали-то?

Хейбер тем временем зашел в туалет (в кабинете был отдельный), включил горячую воду и теперь протягивал Оппу курящееся паром полотенце промокнуть лицо.

– С Берегового хребта. У меня там домик.

– Что с ногой?

– Ушиб, наверное, когда машина перевернулась. Слушайте, они уже в городе?

– Если военные знают, то не говорят. Сообщают только, что, когда утром приземлились большие корабли, они разделились на маленькие мобильные аппараты типа вертолетов и рассредоточились. Разлетелись по всей западной части штата. Говорят, движутся медленно, но не было ни слова о том, удастся ли их сбивать.

– Мы один такой видели. – Вынырнувшее из полотенца лицо Оппа было покрыто фиолетовыми синяками, но без крови и грязи уже не так пугало. – Судя по всему, их аппарат. Небольшой такой, серебристый, футах в тридцати над землей, над лугом около Норт-Плейнс. Двигался как будто скачками. На земную технику совсем не похоже. А пришельцы с нами воюют? Самолеты сбивают?

– По радио не сообщают. Говорили только о потерях среди мирного населения. Ладно, давайте напою вас кофе, и вы поедите. А потом придется, черт возьми, посреди этого ада проводить сеанс терапии: надо же покончить с идиотизмом, который вы тут устроили.

Он подготовил шприц с тиопенталом натрия, взял руку Оппа и сделал ему укол без малейшего предупреждения или извинения.

– Я затем и пришел. Но не знаю...

– Получится ли у вас? Конечно. Так! – Опп опять хлопотал над женщиной. – Все в порядке. Она заснула, не трогайте ее, ей надо поспать.

Они с Оппом спустились вниз, где стояли автоматы с едой, и Хейбер купил ему сэндвич с ростбифом, сэндвич с яйцом и помидором, два яблока, четыре шоколадных батончика и два стаканчика кофе. Они сели за стол в лаборатории сна номер один, смахнув со стола пасьянс, который кто-то начал было раскладывать утром, но бросил, когда завывали сирены.

– Так, еще. Если думаете, что исправить это безобразие вам не по силам, ошибаетесь. Я тут доработал «Усилитель» – он вам поможет. Я выделил модель, схему сигналов вашего мозга в фазе действенного сна. Правда, я весь месяц дурака валял: искал некую омега-волну. Нет такой. У вас просто особая конфигурация других волн. И за последние два дня, пока не началось черт знает что, я наконец ее нащупал и все настроил. Весь цикл занимает девяносто семь секунд. Вы, конечно, ничего не понимаете, хотя это ваш несчастный мозг такие штуки вытворяет. Сформулируем так: когда вам снятся действенные сны, весь ваш мозг производит слож-

ную синхронизированную систему излучений, которая продолжается девятью семью секундами, а потом запускается заново. Это такой контрапункт, который по сравнению с энцефалограммой обычного быстрого сна выглядит как Большая fuga Бетховена по сравнению с «У Мэри был барашек». Он невероятно сложный, но упорядоченный и повторяется регулярно. Следовательно, я могу вам его воспроизвести напрямую и в более мощной форме. «Усилитель» готов, ждет вас; наконец-то он действительно точно настроен на ваш мозг. Когда пойдут сны, будут такие, что закачаешься! Вы закончите это дурацкое вторжение, перенесете нас в другой континуум, и мы начнем с нуля. Это же так у вас устроено, понимаете? Вы не меняете отдельные факты, отдельные жизни – вы смещаете весь континуум.

– Как приятно, что можно с вами об этом говорить, – так или примерно так ответил Орт: несмотря на разбитую губу и обломанный зуб, он умял сэндвичи с невероятной скоростью и теперь поглощал шоколадный батончик. В его словах прозвучало что-то вроде иронии, но Хейбер был слишком занят, чтобы обращать внимание.

– Слушайте, это вторжение случилось само? Или из-за того, что вы не пришли на прием?

– Мне такой сон приснился.

– Вы себе позволили бесконтрольный действенный сон?!

Хейбер выговорил эти слова с нажимом, не скрывая раздражения. Зря он этого Орта так щадил, так оберегал. Из-за его безответственности погибло столько ни в чем не повинных людей, город разгромлен, на улицах паника. Пускай отвечает за свои поступки.

– Да я не... – начал было Орт, но прогремел чудовищный взрыв.

Здание дернулось, зазвенело, затрещало; подскочило оборудование, стоящее вдоль рядов пустых кроватей; в стаканчиках булькнул кофе.

– Это вулкан или бомба? – поинтересовался Орт, и Хейбер, которого эта канонада, само собой, не могла не тревожить, заметил, что Орт особой тревоги не выражает.

Реагировал он совершенно противоестественно. В пятницу из-за какого-то этического нюанса с ним чуть не случился припадок, а сегодня, в среду, вокруг настоящий армагеддон, а он тих и спокоен. Кажется, за себя он вообще не боится. А должен бы. Если Хейбер боится, то и Орт должен бояться. Значит, подавляет в себе страх. А может, вдруг пришло в голову Хейберу, если это вторжение привиделось ему во сне, происходящее всего лишь сон?

А если и правда?

Чей?

– Вернемся наверх, – сказал Хейбер, вставая из-за стола.

Он чувствовал нарастающее нетерпение и раздражение. Все это, конечно, увлекательно, но уже чересчур.

– А что за женщина с вами?

– Это мисс Лелаш. – Орт странно на него посмотрел. – Юрист. Она была здесь в пятницу.

– И как она оказалась с вами?

– Она меня разыскивала, приехала за мной в лес.

– Потом объясните, – сказал Хейбер.

Времени для подробностей не оставалось. Надо отсюда сваливать, из этого горящего, взрывающегося мира.

Не успели они войти в кабинет, как с пронзительным, певучим звуком в панорамном двойном окне разлетелось стекло и из комнаты наружу начало высасывать воздух. Обоих мужчин потащило к окну, будто к трубе огромного пылесоса. Все стало белым – абсолютно все. Они оба упали.

Ни тот ни другой не слышали ни звука.

Когда зрение к Хейберу вернулось, он схватился за край письменного стола и встал на ноги. Орт был уже рядом с кушеткой и успокаивал свою ошарашенную спутницу. В каби-

нете было холодно: влажный весенний воздух, врывающийся в пустые окна, был зябким и пах дымом, горелой изоляцией, озоном, серой и смертью.

– Наверное, надо спуститься в подвал? – сказала мисс Лелаш довольно рассудительно, хотя вся дрожала.

– Идите, – ответил Хейбер. – Мы пока здесь.

– Здесь?

– Здесь «Усилитель». Это не переносной телевизор, его нельзя просто воткнуть в другую розетку! Спускайтесь в подвал; придем, как только освободимся.

– Вы что, положите его спать?

Пока она задавала этот вопрос, деревья на склонах холма вдруг превратились в яркие шары желтого пламени. Извержение горы Худ померкло в сравнении с тем, что происходило прямо под носом; тем временем землю уже несколько минут легко потряхивало, будто ее разбил планетарный тремор, в унисон с которым у людей подрагивали руки и мысли.

– Твою ж мать! Конечно положу. Давайте. Идите в подвал, мне кушетка нужна. Джордж, ложитесь... Слушайте, вы. Там, в подвале, сразу за комнатой уборщицы, увидите дверь с надписью «Аварийный генератор». Зайдите туда, найдите рубильник, возьмитесь за него. Если свет пропадет, включите. Надо будет сильно нажать снизу вверх. Все, идите!

Она встала и пошла. При этом улыбаясь и не переставая дрожать. Проходя мимо Орра, она на секунду взяла его за руку и сказала:

– Приятных снов, Джордж.

– Не волнуйтесь, – ответил Орт. – Все хорошо.

– Тише! – рявкнул Хейбер.

Он включил гипнопленку, которую сам записал, но Орт не обращал на нее внимания, а за грохотом взрывов и ревом пламени расслышать что-то было трудно.

– Закройте глаза! – скомандовал Хейбер, положил руку Орту на горло и прибавил громкость.

– ...ПРИЯТНО, – загрохотал его собственный голос. – ВАМ УДОБНО, ВЫ РАССЛАБЛЕНЫ. ТЕПЕРЬ ВЫ ВОЙДЕТЕ В...

Здание подпрыгнуло, как юный барашек, и скособоилось. В грязновато-алом мареве за зияющим оконным проемом появился какой-то объект, крупный, яйцевидной формы, и заскакал по воздуху прямо к окну.

– Надо сматываться! – перекрывая собственный голос, заорал Хейбер и вдруг понял, что Орт уже под гипнозом.

Он выключил пленку и наклонился к его уху.

– Остановите вторжение! – прокричал он. – Мир! Мир! Пусть вам приснится, что мы со всеми в мире. А теперь – спите! Антверпен! – И врубил «Усилитель».

Но времени посмотреть на ЭЭГ уже не было. Яйцевидный объект завис прямо перед окном. Его тупая морда, которую зарево пожара окрашивало самыми неестественными цветами, нацелилась на Хейбера. Он сжался и присел рядом с кушеткой, чувствуя себя страшно мягким и уязвимым, обхватил «Усилитель», постарался загородить его своей непрочной плотью. Вывернул шею назад, чтобы посмотреть на корабль пришельцев. Тот подобрался ближе. Его гладкий конец, сделанный будто из серебристой стали с маслянистой поверхностью, по которой шли фиолетовые кляксы и разводы, заполнил весь оконный проем. Раздался хруст и визг металла: корабль вдвинулся внутрь. Хейбер в голос всхлипнул от ужаса, но так и остался в распластанной позе между пришельцами и «Усилителем».

Морда, замерев, испустила длинное узкое щупальце, которое начало исследовать пространство комнаты. Его конец, словно кобра, взвивался и изгибался в разные стороны, пока наконец не направился в сторону Хейбера. Примерно в десяти футах щупальце остановилось и, нацелившись на него, несколько секунд провисело в воздухе. Затем с шуршаньем и шелч-

ком, как строительная рулетка, втянулось назад, а в корабле что-то загудело. Металлический подоконник заскрежетал и прогнулся. Морда корабля отвинтилась и упала на пол. Из темного проема за ней что-то показалось.

Замерев от ужаса, Хейбер увидел, что это гигантская черепаха – как будто морская черепаха, вставшая на задние лапы. Затем он понял, что на ней какой-то аморфный громоздкий зеленоватый костюм типа бронированного скафандра.

Некоторое время черепаха постояла у стола Хейбера не шевелясь. Очень медленно она подняла левую руку и направила на него металлический по виду прибор с отверстием на конце.

Ему в лицо глядела смерть.

Из локтевого сустава раздался монотонный, лишенный выражения голос:

– Не делай другому того, чего не желаешь себе.

Хейбер ошеломленно глядел на пришельца, сердце его затрепетало.

Вновь поднялась огромная, тяжелая металлическая рука.

– Мы прибыли с миром, – проговорил локоть на одной ноте. – Пожалуйста, уведомите остальных, что мы прибыли с миром. У нас нет оружия. Беспочвенный страх приводит к великому саморазрушению. Пожалуйста, прекратите разрушать себя и других. У нас нет оружия. Мы неагрессивная небоевая раса.

– Я... я... я не могу давать приказы ВВС, – заикаясь, проговорил Хейбер.

– С людьми в летающих аппаратах мы в настоящий момент устанавливаем связь, – сказал локоть существа. – Это военный объект.

Догадавшись, что последняя фраза на самом деле вопрос, Хейбер ответил:

– Нет, ничего общего...

– Тогда простите, пожалуйста, за непрошеное вторжение. – Чудище в броне слегка загудело, будто раздумывая. – Что это устройство? – сказала оно, показывая правым локтевым суставом на аппарат, присоединенный к голове спящего.

– Электроэнцефалограф. Устройство, которое записывает электрические сигналы мозга...

– Достойно, – сказал пришелец и сделал шаг в сторону кровати, как будто желая, но не решаясь посмотреть. – Данный человек-особь – яхклу. Это, возможно, что записывает устройство. Все представители вашего вида – яхклу?

– Я н-не... не знаю, что это значит. Вы не могли бы описать...

Пришелец немного погудел, поднял левый локоть к голове (он еле дотянулся до уровня огромных, одетых черепаховым панцирем плеч) и сказал:

– Пожалуйста, простите. Некоммуницируемо коммуникационной машиной, изобретена спешно в очень недавнем прошлом. Пожалуйста, простите. Необходимо, чтобы мы все в очень близком будущем быстро связаться с другими ответственными человек-особьями, которые занимаются паникой и способны уничтожить себя и других. Большое спасибо. – И он заполз обратно в нос корабля.

Хейбер проследил глазами за тем, как его огромные круглые подошвы исчезают в темном проеме.

Носовой конус подпрыгнул с пола и аккуратно завинтился на место. Хейбер явственно осознал, что принцип действия тут не механический, а временной: люк повторяет свои предыдущие действия в обратной последовательности, точь-в-точь как пущенный задом наперед фильм. Инопланетный корабль, встряхнув кабинет и с диким грохотом вырвав из стены остатки оконной рамы, сдал назад и исчез в ядовито расцветченном тумане.

Крепко взрывов, понял вдруг Хейбер, прекратилось. Было даже довольно-таки тихо. Все немного подрагивало, но не от бомб, а от вулкана. Издалека, из-за реки, доносились печальные всхлипы сирен.

Джордж Орт неподвижно лежал на кушетке, дыхание его было неровным, порезы и синяки на распухом лице выглядели на белой коже отталкивающе. Сквозь уничтоженное окно вместе с холодным воздухом, от которого перехватывало дыхание, в кабинет по-прежнему летел дым и пепел. Ничего не изменилось. Он ничего не переделал. А сделал ли уже хоть что-то? Под закрытыми веками дрогнули глаза. Он все еще видел сны – перестать их видеть он и не мог, пока «Усилитель» перекрывает сигналы его мозга. Почему он не сменил континуумы? Почему не переместил их в мирную реальность, как ему сказал Хейбер? Гипнотическое внушение оказалось недостаточно понятным или сильным. Надо начать заново. Хейбер отключил «Усилитель» и трижды произнес имя Орта.

– Не вставайте, вы еще подключены к «Усилителю». Что вам приснилось?

Не до конца проснувшийся Орт заговорил хрипло и медленно:

– Этот... один пришелец был здесь. Прямо тут. В кабинете. Через окно. Он вылез из носа своего прыгающего корабля. Вы с ним говорили.

– Но это не сон! Это было на самом деле. Черт! Надо все заново. Тот взрыв пару минут назад был, наверно, ядерный. Нужно срочно в другой континуум – мы сейчас от радиации все порем...

– Да нет, – сказал Орт, садясь на диване и смахивая с головы электроды, словно дохлых вшей. – Конечно, это произошло на самом деле. Действенный сон и есть реальность, доктор Хейбер.

Хейбер уставился на него.

– Видимо, «Усилитель» сделал ваше восприятие более непосредственным, – продолжал Орт с удивительным хладнокровием; он ненадолго задумался. – Слушайте, вы не могли бы позвонить в Вашингтон?

– Зачем?

– Ну, знаменитого ученого, который находится прямо в центре событий, может, послушают. Им будут нужны объяснения. Вы знаете кого-нибудь в правительстве? Может, позвоните министру ЗОС? Скажете ему, что все это недоразумение, что пришельцы не вторгаются и не нападают. Они просто, пока не приземлились, не поняли, что люди общаются при помощи речи. Они даже не знали, что мы с ними воюем... Хорошо бы вы дозвонились до кого-то, кого послушает президент. Чем скорее Вашингтон прекратит военную операцию, тем меньше людей погибнет. Жертвы только среди мирного населения. Пришельцы не нападают на военных, они даже не вооружены, и у меня такое впечатление, что в этих своих костюмах они неуязвимы. Но если ВВС не остановить, они разнесут весь город. Попробуйте, доктор Хейбер. Вас они, наверно, послушают.

Хейбер почувствовал, что Орт прав. Логика в этом никакой не было, разве что логика сумасшедшего, но дела это не меняло – вот его шанс. Орт говорил с непрекращаемой убежденностью сновидения, в котором нет свободы воли, а только – делай то-то, ты должен сделать то-то, это необходимо сделать.

И почему такой дар достался глупцу, безвольной пародии на мужчину? Почему Орт так уверен в себе и настолько прав, тогда как сильный, активный, волевой мужчина оказался бессилен и вынужден пользоваться слабым инструментом и даже подчиняться ему? Такие мысли пришли ему в голову, причем не впервые, но, даже не успев их додумать, он уже направился к столу, к телефону. Он сел за стол и набрал прямой номер главного управления ЗОС в Вашингтоне. Сотрудницы Федерального телефонного коммутатора в Юте соединили сразу же.

Дождаясь, пока ответит министр здравоохранения, образования и социального обеспечения, которого он неплохо знал, Хейбер спросил:

– Почему вы просто не перенесли нас в другой континуум, где ничего такого никогда не происходило? Было бы гораздо проще. И никто бы не погиб. Почему просто не избавились от пришельцев?

– Я не выбираю, – ответил Опп. – Неужели вы до сих пор не поняли? Я выполняю.

– Да, выполняете мои гипнотические установки, но никогда до конца, никогда прямым и простым способом...

– Я не об этом, – начал Опп, но тут трубку взял личный секретарь Рэнтоу.

Пока Хейбер разговаривал, Опп выскользнул за дверь и пошел вниз – явно к женщине. Ну и пусть. Говоря с секретарем, а затем с министром, Хейбер понемногу уверился, что все теперь наладится, что пришельцы совершенно не проявляют агрессии, что он сейчас в этом убедит Рэнтоу, а через него – президента и его генералов. В Оппе необходимости больше нет. Хейбер понял, что необходимо сделать, и сам теперь вытащит страну из этой передраги.

9

*Кто во сне пьет вино, проснувшись, льет слезы*¹⁰.
Чжуан-цзы, глава II

Стояла третья неделя апреля. На прошлой неделе Орт договорился в четверг пообедать с Хезер Лелаш в кафе «У Дейва», но не успел выйти с работы, как понял, что не получится.

У него в голове накопилось столько противоречивых воспоминаний, столько разных клубков жизненной нити претендовали на путеводность, что он почти бросил попытки что-то припомнить. Просто принимал все, как есть. Жил почти как маленький ребенок – в мире наглядных явлений. Не удивлялся ничему и удивлялся всему.

Его кабинет располагался на третьем этаже Бюро гражданского планирования. Его должность превосходила по статусу все предыдущие – он отвечал за парковый сектор в юго-восточных пригородах в комиссии по городскому планированию. Работа ему не нравилась, и никогда не нравилась. Раньше ему всегда удавалось так или иначе оставаться в роли чертежника, но в понедельник, выполняя какой-то заказ Хейбера, он во сне так основательно перестроил всю социальную систему и перетасовал распределение федеральных и местных полномочий, что сам оказался чиновником городской администрации. Ни в одной из своих жизней ему не удавалось найти работу по душе; лучше всего у него получался дизайн – поиск наилучшей, наиболее подходящей формы реализации для той или иной вещи, – однако большого спроса на этот талант ни в одном из прошлых миров не наблюдалось. Но эта должность, которую он занимал и с трудом выносил (теперь уже) пять лет, была вообще не по его части. Это его беспокоило.

До этой недели между всеми мирами, порожденными в его снах, была некая преемственность, существенная связь. Он каждый раз оказывался чертежником и жил на Корбетт-авеню. Даже в той жизни, которая оборвалась на бетонных ступенях выгоревшего дома в умирающем городе уничтоженного мира, – даже там до последнего, пока еще были рабочие места и жилища, эти два слагаемых оставались непреложными. И во всех следующих снах, или жизнях, сохранялись многие другие, более серьезные признаки. Он немного улучшил местный климат, но не принципиально, и парниковый эффект, наследие середины прошлого века, никуда не делся. География оставалась абсолютно стабильной: континенты держались на своих местах. То же самое относилось к государственным границам, человеческой натуре и так далее. Если Хейбер и предлагал вообразить во сне более благородное человечество, то, надо думать, у Орты ничего не вышло.

Но Хейбер нащупал способ управлять его снами эффективнее. За последние два сеанса все изменилось довольно радикально. Орт сохранил за собой ту же квартиру на Корбетт-авеню, те же три комнаты с еле уловимым запахом управдомовой марихуаны, но теперь он работал чиновником в огромном здании в центре города, а сам центр изменился до неузнаваемости. Он оброс небоскребами и стал почти таким же внушительным, как в той реальности, где не было Краха, но при этом укрепился и похорошел. Дела теперь велись совсем иначе.

Занятно, что президентом США по-прежнему оставался Альберт М. Мердль. Видимо, он такая же константа, как очертания континентов. Но Соединенные Штаты стали совсем не те, что раньше, и остальные страны тоже значительно поменялись.

В Портленде теперь размещался Центр мирового планирования – главный орган наднациональной Федерации Народов. Портленд стал, как писали на сувенирных открытках, столицей мира. Население города выросло до двух миллионов человек. Весь центр был застроен гигантскими зданиями ЦМП, самым старым из которых было не больше двенадцати лет, при

---

¹⁰ Перевод В. Малявина.

этом все они отличались превосходной планировкой и стояли в окружении скверов и бульваров. По бульварам сновали тысячи людей, в основном сотрудники Феднара и ЦМП; группы туристов из Улан-Батора и Сантьяго ходили, запрокинув головы и слушая в наушниках-кнопках речь аудиогuida. Зрелище было яркое и внушительное: огромные красивые здания, подстриженные газоны, толпы хорошо одетых людей. На взгляд Джорджа Орра, все это выглядело довольно футуристически.

Само собой, кафе «У Дейва» он не нашел. Даже Энкени-стрит не обнаружил. По своим другим жизням он помнил эту улицу в таких подробностях, что, пока не дошел до места, никак не хотел поверить своей нынешней памяти, в которой никакой Энкени-стрит не было. На ее месте от газонов и рододендронов поднималось к облакам здание Координационного управления по научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам. «Пендлтон-билдинг» он даже и искать не стал. Моррисон-стрит на месте – ее недавно превратили в бульвар, высадив посередине апельсиновые деревья, – но никаких зданий в стиле инков на ней нет. И никогда не было.

Он не помнил, как точно называется контора Хезер: не то «Форман, Эссербек и Ратти», не то «Форман, Эссербек, Гудхью и Ратти». Он зашел в телефонную будку и поискал номер. В телефонной книге ничего похожего не нашлось, но обнаружился некий адвокат П. Эссербек. Он позвонил – мисс Лелаш у них не работает. В конце концов собрался с духом и поискал в книге «Лелаш». Никого с такой фамилией нет.

Может, она все-таки существует, но живет с другой фамилией, подумал он. Может, ее мать сменила фамилию, когда муж уехал в Африку? Или сама Хезер, когда овдовела, сохранила фамилию мужа? Но он понятия не имел, как его звали. Может, она и не брала никогда его фамилию; многие женщины после свадьбы больше фамилию не меняли, считая такую традицию пережитком времен женского бесправия. Но что толку в этих рассуждениях? Вполне вероятно, что никакой Хезер Лелаш и вовсе нет, что – в этот раз – она никогда и не появлялась на свет.

Осознав вероятность такого сценария, Орр осознал и кое-что другое. Вот если она меня разыскивает и сейчас появится, подумал он, узнаю ли я ее? У нее была коричневая кожа. Чистого медово-темного оттенка, как у балтийского янтаря или крепкого цейлонского чая. Но коричневых прохожих на улице не было. Как и черных, белых, желтых или красных. В Центр мирового планирования – по работе или чтобы поглазеть на него – люди приезжали со всех концов света: из Таиланда, Аргентины, Ганы, Китая, Ирландии, Тасмании, Ливана, Эфиопии, Вьетнама, Гондураса и Лихтенштейна. Но все были одеты одинаково: в одинаковые брюки, форменные куртки и дождевики, – а под ними все были одного цвета. Серого.

Доктор Хейбер был страшно доволен. Это произошло в субботу, когда у них состоялся первый сеанс за неделю. Одобрительно посмеиваясь, он пять минут изучал себя в зеркале в туалете, перед этим долго разглядывал Орра.

– Наконец-то практичное решение! Все-таки, Джордж, начинает ваш мозг прислушиваться. Знаете, какую тему я вам подсказал?

В последнее время Хейбер открыто рассказывал Орру о своих методах и планах на его сны. Правда, это не особенно помогало.

Орр посмотрел на свои серые руки с короткими серыми ногтями:

– Видимо, вы хотели прекратить конфликты из-за цвета кожи. Покончить с расовым вопросом.

– Именно! Я, правда, представлял себе некое политическое и этическое решение. Но ваш первичный психический процесс пошел, как обычно, по короткому пути. Обычно ваш короткий путь оборачивается коротким замыканием, но в этот раз все прямо в точку. Найдено решение биологическое и окончательное. Расизма нет и не было никогда! Мы с вами, Джордж, единственные люди на земле, кто знает, что он был. Представляете? В Индии никогда не было

никаких неприкасаемых, в Алабаме никого никогда не линчевали, в Йоханнесбурге не было никакой резни! Войну мы переросли, а конфликтов на расовой почве просто нет в природе! Никто за всю историю человечества ни разу не страдал из-за цвета кожи. Джордж, вы делаете успехи! Хотя вам и не хочется, а вы станете величайшим благодетелем человечества. Сколько сил и времени люди потратили на то, чтобы избавиться от страдания с помощью религии, а тут появляетесь вы, и сразу ясно, что Будда, Христос и прочие – жалкие фокусники, и ничего больше. Они пытались от зла убежать, а мы его выкорчевываем, уничтожаем по частям!

Орру от победных реляций Хейбера стало не по себе, и он перестал слушать. Вместо этого покопался в своей памяти и не нашел там воспоминаний ни о речи, произнесенной после битвы при Геттисберге, ни о человеке по имени Мартин Лютер Кинг. Но это показалось малой ценой за то, чтобы задним числом избавиться от всех расовых предрассудков, и он тогда ничего не сказал.

Но сейчас чувствовать, что ты никогда в жизни не знал женщину с коричневой кожей, с коричневой кожей и вьющимися черными жесткими волосами, остриженными так коротко, что изящные линии черепа под ними напоминают изгиб бронзовой вазы, – нет, так нельзя. Невыносимо. Что у каждого человека на планете цвет тела теперь, как у военного корабля, – нет!

Вот почему ее здесь нет, подумал он. Родиться серой она не могла. Ее цвет, этот оттенок коричневого, не случайность, а существенная черта. Ее раздражительность, робость, нахальство, нежность – все это элементы ее сложной натуры, сложной смеси, темной и прозрачной до доньшка, как балтийский янтарь. В мире серых людей ей не было места. Она просто не родилась.

В отличие от него. Он-то мог родиться в любом мире, человек без характера. Комок глины. Кусок дерева, нетронутый резцом. Родился и доктор Хейбер. Этого ничто не остановит. Он от реинкарнаций только набирает силу.

В тот ужасный день по дороге из леса в разбомбленный Портленд, когда на задыхающемся паровом «фордике» они тряслись по ухабистому проселку, Хезер рассказала, что, как они и договаривались, она во время гипноза предложила Хейбера во сне подправить. И с тех пор он хотя бы откровенно говорил с Орром о своих манипуляциях. Хотя «откровенно» – не то слово: Хейбер для этого слишком сложно устроен. Можно снимать с луковицы слой за слоем, но ничего под ними, кроме того же лука, не найдешь.

Это отслоение стало в нем единственной реальной переменной, да и та, может, случилась не столько благодаря сну, сколько под воздействием обстоятельств. Он до такой степени уверовал в себя, что больше не было нужды скрывать свои мотивы и обманывать Орра – зачем, если можно просто заставить? Сбежать от него стало еще труднее. «Добровольное терапевтическое лечение» переименовали в «контролируемое индивидуальное соцобеспечение», но юридический смысл не изменился, и ни одному адвокату и в голову бы не пришло поддержать иск пациента к Уильяму Хейберу. Он был человек серьезный, даже очень, – он теперь возглавлял НИПОЧ, жизненно важный орган Центра мирового планирования, где принимали эпохальные решения. Ему всегда хотелось получить власть, чтобы делать добро. Он ее получил.

И в этом смысле он вполне остался самим собой, тем добродушно-отстраненным человеком, которого Орр впервые увидел в неприятном кабинетике в Уилламеттской восточной башне под фотографией горы Худ. Хейбер не изменился, просто вырос.

Сущность воли к власти как раз в том и состоит, что она должна расти. Чувство достигнутого результата ее истощает. Чтобы не угаснуть, воля к власти с каждым свершением должна возрастать, каждое свершение должно становиться лишь очередным шагом на пути. Чем безграничнее власть, тем безграничнее жажда заполучить еще. А поскольку у власти, которую давали Хейберу сны Орра, не было видимых границ, не видно было конца и края у его стремления изменить мир к лучшему.

Проходящий мимо по бульвару Моррисон пришелец слегка его толкнул и без выражения извинился из приподнятого левого локтя. Инопланетяне быстро поняли, что наставлять предметы на людей не надо: они от этого нервничают. Опп посмотрел с удивлением: за время после Первоапрельского кризиса он почти о них забыл.

При нынешнем положении вещей – Хейбер теперь называл это континуумом – прибытие инопланетян, припомнил Опп, не привело к такой катастрофе для Орегона, ВВС и НАСА. На этот раз они не изобретали свои переводческие компьютеры в спешке под градом бомб и напалма, а привезли их с собой с Луны, причем перед посадкой покружили над Землей, передали сообщение о своих мирных намерениях, извинились за случившуюся по недоразумению войну в космосе и попросили указаний. Люди, конечно, всполошились, но обошлось без паники. Было почти трогательно слышать на всех радиочастотах и телеканалах бесстрастный голос, который повторял, что разрушение Лунного купола и русской орбитальной станции – непредвиденный результат их неудачной попытки установить контакт и что боевые ракеты земного космического флота они приняли за наши неудачные попытки установить контакт, что они искренне просят прощения и что теперь, наконец-то освоив средства человеческой коммуникации, такие как речь, они хотели бы загладить вину.

ЦМП, учрежденный в Портленде по окончании Чумных лет, взял общение с ними на себя и сделал все так, чтобы ни население, ни генералы не волновались. Все это, как вдруг понял Опп, случилось не первого апреля, пару недель назад, а в феврале прошлого года, то есть более года тому назад. Пришельцам разрешили приземлиться, с ними был установлен приемлемый уровень отношений, и в конце концов им позволили покинуть тщательно охраняемую зону посадки недалеко от горы Стинс в оregonской пустыне и жить среди землян. Несколько из них теперь мирно сосуществовали с учеными из Феднара в заново отстроенном Лунном куполе, а еще пара тысяч разгуливали по Земле. Собственно, этим их количество и ограничивалось, по крайней мере количество тех, кто прилетел. Широкой публике такие подробности выдавались очень скупно. Прилетев с планеты с метановой атмосферой в системе Альдебарана, они на Земле и на Луне были вынуждены постоянно ходить в своих диковинных черепаховидных костюмах, но их это вроде не беспокоило. Как они выглядели без костюмов, Опп толком не представлял. Снять скафандр они не могли, а картинок не рисовали. В целом их общение с людьми, сводившееся к испусканию речи из левого локтя и приему звуковых сигналов, было довольно ограниченным. Он даже не был уверен, что они зрячие, что у них есть орган, отвечающий за восприятие видимого спектра. Во взаимодействии с ними существовали огромные пробелы, не позволяющие прийти к пониманию – как с дельфинами, только все гораздо сложнее. Но когда ЦМП подтвердил их неагрессивность и поскольку их численность и запросы явно отличались скромностью, земляне приняли их в свое общество даже не без энтузиазма. Было приятно видеть кого-то непохожего на тебя. Судя по всему, они собирались обосноваться надолго, если разрешат. Некоторые уже открыли свое дело: похоже, принципы организации труда и торговли они освоили не хуже, чем космические перелеты, а превосходными познаниями в этой последней области они сразу же поделились с земными учеными. Правда, они пока толком не объяснили, на что рассчитывают взамен, зачем прилетели. Такое впечатление, что им здесь просто понравилось. И когда они показали себя мирными, законопослушными, работающими жителями Земли, разговоры об «инопланетянах-захватчиках» и «вражеских лазутчиках» стали уделом параноидальных политиков, отживающих свой век националистических кружков и тех людей, что общаются с настоящими гуманоидами с летающих тарелок.

Единственное, что напоминало о том ужасном первоапрельском дне, – это то, что Худ вновь стала активным вулканом. Правда, никакие бомбы в нее не попадали, потому что в этот раз обошлось без бомб. Просто гора проснулась. Сейчас от нее к северу тянулся длинный серовато-коричневый шлейф дыма. Зигзаг и Рододендрон разделили судьбу Помпей и Геркуланума. Недавно прямо в черте города, рядом с крошечным старым кратером в парке Маунт-

Тейбор, открылась фумарола. Жители из окрестностей парка переезжали в набирающие популярность пригороды и поселки Уэст-Истмонт, «Поместья „Каштановые холмы“» и «Солнечные склоны». Жить с курящимся вулканом на горизонте еще ничего, но с лавой на улицах – это уже перебор.

Орр зашел в людную закусочную и купил тарелку жареной рыбы с картошкой и африканским арахисовым соусом – без вкуса и запаха. Пока ел, грустно размышлял: «Тогда не пришел на обед я – теперь она».

Он не мог примириться со своей потерей, со своим горем. С горем от растаявшего сна. Он пробовал есть, разглядывать посетителей. Но еда была безвкусная, а все люди серые.

По ту сторону стеклянных дверей ресторана толпа сгущалась: народ стекался на дневное представление в Портлендский дворец спорта – огромный, роскошный колизей внизу у реки. Люди больше не сидели по домам перед телевизорами: передачи феднаровского телевидения транслировались только два часа в день. Современный образ жизни предполагал коллективизм. Сегодня четверг, значит по программе рукопашная – самое популярное зрелище недели, за исключением футбола в субботу вечером. На самом деле, во время рукопашной погибало даже больше спортсменов, но не было той драмы, того катарсического выброса эмоций, как во время футбольной мясорубки, когда сто сорок четыре человека сразу заливают арену кровью. Интересно, конечно, посмотреть на мастерство бойцов-одиночек, но нет такого чудесного выплеска подсознательных эмоций, как при массовом убийстве.

Войны больше нет, сказал себе Орр, отставив тарелку с последними размокшими кусочками картошки. Он вышел на улицу. Не буду... пам-пам-пам... войну... Песня такая была. Когда-то. Очень давно. Не буду... Какой же глагол? Не «вести», в ритм не укладывается. Не буду пам-пам-пам войну...

Он наткнулся прямо на сцену гражданского ареста. Высокий человек с длинным морщинистым серым лицом схватил за куртку низкорослого человека с круглым лоснящимся серым лицом. Толпа вокруг них забурилась: одни останавливались поглазеть, другие проталкивались дальше к Дворцу спорта.

– Это гражданский арест! Прохожие, обратите внимание! – выкрикивал высокий пронзительным срывающимся тенором. – У этого человека, Харви Гонно, неизлечимый рак желудка, но он скрыл свое местонахождение от властей и продолжает жить со своей женой. Меня зовут Эрнест Ринго Марин, адрес – 2624287 Юго-Западный Иствуд-драйв, Солнечные склоны, Портленд. Есть у нас десять свидетелей?

Один из свидетелей помогал держать трепыхающегося преступника, пока Эрнест Ринго Марин пересчитывал собравшихся. Орр опустил глаза и поскорее нырнул в толпу, пока Марин не успел сделать смертельную инъекцию из шприца-пистолета, который носили все взрослые граждане, получившие Свидетельство о гражданской ответственности. У Орра тоже имелся такой. Этого требовал закон. Правда, сейчас его пистолет был не заряжен: картридж изъяли, когда Орра отправили на психиатрическое лечение в ЦМП, но оружие оставили, чтобы из-за временной потери гражданского статуса не позорить его на людях. Психическое расстройство вроде того, что у него, объяснили Орру, не следует путать с преступлением, таким как серьезное заразное или наследственное заболевание. Он не должен себя чувствовать угрозой человечеству или гражданином второго сорта, и оружие ему перезарядят, как только доктор Хейбер его вылечит и выпишет.

Опухоль, опухоль... Разве канцерогенная Чума не уничтожила всех восприимчивых к раку еще тогда, во время Краха, убивая теперь только младенцев? Да, но в другом сне. Не в этом. Видимо, здесь рак снова проснулся, как гора Худ и гора Тейбор.

Изучать. Точно. Не буду изучать войну...

Он сел в гондолу канатной дороги на углу Четвертой и Олдер и полетел над зелено-серым городом к башне НИПОЧ, которая венчала Западные холмы, возвышаясь над парком Вашингтона в том месте, где когда-то стоял особняк Питтока.

Башня доминировала над всем: над городом, реками, туманными лощинами на западе и внушительными темными холмами Лесного парка, убегающими к северу. Выше портика с колоннами на белой бетонной стене римским капитальным шрифтом, чьи пропорции придают благородства любым словам, был высечен девиз: «НАИБОЛЬШЕЕ БЛАГО ДЛЯ НАИБОЛЬШЕГО ЧИСЛА».

Внутри отделанного черным мрамором колоссального фойе в духе римского Пантеона выведенные по окружности барабана центрального купола золотые буквы поменьше гласили: «НАШ ГЛАВНЫЙ ИНТЕРЕС ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК • А. ПОУП • 1688 • 1744».

Площадью, как сказали Орру, это здание превосходило Британский музей и было на пять этажей выше. Также оно было сейсмоустойчивым. Бомбоустойчивым оно не было, поскольку в мире не осталось бомб. Оставшиеся со времен Цизлунной войны ядерные боеголовки отправили в космос и в ходе весьма любопытных экспериментов взорвали в поясе астероидов. Это здание могло выдержать все, что оставалось на Земле, за исключением, может быть, горы Худ. Или неприятного сна.

По пешеходной ленте Орт добрался до Западного крыла, где перешел на широкий спиралевидный эскалатор, который поднял его на последний этаж.

У доктора Хейбера в кабинете по-прежнему стояла кушетка: этот нарочито скромный штрих напоминал, что когда-то он начинал простым врачом, который имел дело с отдельными людьми, а не с миллионами. Хотя до этой кушетки надо было еще добратся: Хейбер занимал отсек из семи комнат общей площадью примерно пол-акра. Орт назвал свое имя автосекретарю у двери в приемную, прошел мимо мисс Крауч, вводившей данные в компьютер, мимо официального кабинета – парадной комнаты, где не хватало только трона и где директор принимал послов, делегатов и нобелевских лауреатов, и наконец добрался до малого кабинета с окном во всю стену и кушеткой. Старинные панели из мамонтова дерева, закрывавшие одну из стен, были отведены в сторону, и за ними виднелось внушительное нагромождение исследовательской техники: Хейбер ковырялся во внутренностях «Усилителя».

– Здорово, Джордж! – рявкнул он, не оборачиваясь. – Прикручиваю новую эргис-пару к гормоноприводе. Минуту, ладно? Сегодня, пожалуй, обойдемся без гипноза. Садитесь пока, надо закончить. Кое-что в нашем малыше довожу до ума... Помните, когда вас в первый раз позвали на медицинский факультет, пришлось проходить кучу тестов? Тип личности, ай-кью, Роршах и так далее? Потом на третий, наверное, раз у меня я вам тоже давал тесты – ТАТ и с моделированием типичных ситуаций. Помните? Не интересно, какой у вас результат?

Лицо Хейбера, серое, окаймленное курчавыми черными волосами и бородой, внезапно вынырнуло из-за отсоединенного шасси «Усилителя». В его глазах, уставившихся на Орта, отражался свет из панорамного окна.

– Интересно, – ответил Орт (на самом деле он о них и не вспоминал).

– Пожалуй, пора вам сообщить, что, исходя из критериев этих стандартизированных, но весьма точных и полезных тестов, вы нормальны до аномальности. «Нормальный», конечно, бытовое слово, никакого терминологического значения у него нет. Если выражаться точнее, ваши показатели близки к средним значениям. По индексу экстраверсии-интроверсии у вас 49,1. То есть вы более интроверт, чем экстраверт на 0,9 пункта. В этом ничего необычного нет; необычно то, что у вас так по всем статьям. Если все их выстроить по одной столбчатой шкале, вы угодите точно на пятьдесят. Взять, к примеру, доминирование – у вас там, кажется, 48,8. Не властный и не покорный. Независимость-зависимость – то же самое. Творчество-деструктивность по шкале Рамиреса – та же картина. И то, и то, ни то ни се. Где есть две крайности, два полюса, вы в точке равновесия; где есть диапазон – вы посередине. Ваши качества так осно-

вательно друг друга исключают, что, по сути, ничего не остается. Правда, Уолтерс с факультета оценивает результаты немного иначе. Говорит, ваши скромные социальные достижения – результат всесторонней адаптированности (что бы это ни значило). То, что мне кажется самоуничтожением, он видит как уникальный случай гармонии и самоуравновешенности. Из чего явно следует, что Уолтерс – будем откровенны, шарлатан и ханжа – так и не перерос мистицизм семидесятых, но он добрый малый. В общем, как ни крути, вы человек середины шкалы. Так, почти всё. Только присоединю глумдаклот к бробдинатору – и готово... Черт! – Распрямляясь, он ударился головой о панель; «Усилитель» он оставил открытым. – Ну и странный вы субъект, Джордж! И самое странное в том, что ничего странного в вас нет. – Он рассмеялся своим басовитым добродушным смехом. – Так что сегодня попробуем по-другому. Без гипноза. Без сна и без сновидений. Сегодня хочу подключить вас к «Усилителю» в бодрствующем состоянии.

От этих слов у Орра на душе почему-то стало нехорошо.

– Зачем?

– Главным образом, чтобы записать усиленные ритмы мозга в обычном состоянии. Полный анализ я провел еще на первом сеансе, но тогда «Усилитель» не умел толком настраиваться на вашу частоту. А сейчас я смогу простимулировать и более четко отследить определенные реакции, особенно тот «эффект трассирующих пуль» в гиппокампе. Потом я их сравню с тем, как ваш мозг работает в фазе БДГ, и с параметрами других людей, как здоровых, так и с отклонениями. Мне, Джордж, интересно понять, как вы устроены, разобраться, почему у вас такие сны.

– Зачем? – повторил Орт.

– Зачем? Разве не за этим вы сюда пришли?

– Я пришел, чтобы меня вылечили. Чтобы научиться не видеть действенных снов.

– Если бы у вас был такой простой случай, что раз-два-три и вылечился, разве вас направили бы в Институт, в НИПОЧ? Ко мне?

Орт закрыл лицо руками и промолчал.

– Джордж, я не могу объяснить, как перестать видеть такие сны, пока не пойму, как именно у вас это получается.

– Но если поймете, объясните?

Хейбер размашисто покачался взад-вперед на каблуках.

– Почему вы так себя боитесь, Джордж?

– Себя не боюсь, – сказал Орт; ладони у него вспотели. – Я боюсь...

Но оказалось, что выговорить местоимение слишком страшно.

– Менять мир, как вы говорите. Хорошо, понимаю. Мы много раз это обсуждали. Но почему, Джордж? Надо задать себе этот вопрос. Что плохого в том, чтобы менять мир? Может, это из-за своей самоотрицающей, усредняющей натуры вы все время так осторожничайте? Попробуйте оторваться от себя и взглянуть на свою позицию со стороны, объективно. Вы боитесь потерять равновесие. Но почему вы решили, что перемены его нарушат? В конце концов, жизнь не статичный объект, это процесс. Она не может замереть. На рациональном уровне вы это понимаете, но эмоционально не принимаете. Все каждую секунду меняется, в одну реку не войдешь дважды. Жизнь, эволюция, вся наша Вселенная с пространством-временем и материей-энергией, само существование – все это, по сути, изменчивость.

– Это только один аспект, – ответил Орт. – Второй – покой.

– Когда ничего больше не меняется – это конечный результат энтропии, тепловая смерть Вселенной. Чем больше всего движется, взаимодействует, сталкивается, меняется, чем больше равновесия – тем больше жизни. Я за жизнь, Джордж. А сама жизнь – это уже огромный риск, ставка с минимальными шансами на успех! Нельзя прожить жизнь в безопасности – не существует ее. Высуньтесь уже из своего кокона и поживите полной жизнью! Не важно, как вы чего-то добились, главное – чего добились. Вы боитесь себе признаться, что мы с вами – вы и я –

проводим великий эксперимент. Мы вот-вот откроем и научимся контролировать – на благо всего человечества – совершенно новую силу, новое поле антиэнтропийной энергии, поле жизненной силы, воли к действию, к свершению, к перемене!

– Все это так. Но...

– Что «но», Джордж?

Он теперь говорил терпеливо, как мудрый отец с сыном, и Орт заставил себя продолжить, хотя понимал, что бесполезно.

– Мы сами из этого мира, а не против него. Если себя ему противопоставлять и пытаться управлять всем со стороны, ничего не выйдет. Это против самой жизни. Есть путь, но мы должны по нему идти. Мир просто есть, и не важно, каким, на наш взгляд, он должен быть. Наше дело – быть вместе с ним. Надо оставить его в покое.

Хейбер прошелся по комнате и остановился перед огромным окном в северной стене, открывающим вид на мирную, неизвергающуюся вершину горы Сент-Хеленс. Несколько раз кивнул.

– Понимаю, – сказал он, не оборачиваясь. – Все понимаю. Но попробую объяснить по-другому, и, может, вы все-таки поймете, чего я добиваюсь. Представьте, что вы один идете по джунглям Мату-Гросу и вдруг видите: на тропе лежит индианка, умирает от змеиного укуса. У вас в аптечке есть противоядие – очень много, на тысячи укусов хватит. Вы его ей не дадите? Раз «пусть все будет как есть». Вы «оставите ее в покое»?

– Смотря по обстоятельствам, – ответил Орт.

– Каким?

– Ну... не знаю. Если существует переселение душ, может, я не дам ей прожить хорошую жизнь и только обреку на страдания в этой. Или вылечишь ее, а она пойдет и шестерых в своей деревне зарежет. Я понимаю, что вы бы дали, потому что противоядие у вас есть и вам ее жаль. Но вам не дано знать, сделаете ли вы добро, или зло, или и то и другое сразу...

– Хорошо! Согласен! Я знаю, как действует противоядие, но не знаю, что делаю, – пусть так, с радостью приму такой вариант. А в чем, по-вашему, разница? Я открыто признаю, что в восьмидесяти пяти случаях из ста понятия не имею, что мы с вашим несчастным мозгом творим. И вы не имеете. Но что-то же получается! Так что давайте за дело.

Против этой заразной уверенности и напора трудно было устоять; Хейбер рассмеялся, и губы Орта сами растянулись в слабую улыбку. Правда, пока доктор присоединял электроды, Орт попробовал еще раз до него достучаться:

– По дороге сюда видел гражданский арест с эвтаназией.

– По какому поводу?

– Евгеника. Рак.

Хейбер понимающе кивнул:

– Теперь понятно, почему загрустили. Никак не можете привыкнуть, что для общественного блага нужно контролируемое насилие. Может, так и не привыкнете. У нас с вами, Джордж, получился жесткий мир. Мир сурового реализма. Но, как я уже сказал, жизнь не бывает безопасной. Это общество мыслит жестко и каждый год все прагматичнее, но будущее докажет его правоту. Нам нужно здоровье. У нас просто нет места для неизлечимых, для генно-ущербных, которые портят расу. Нет времени для бессмысленного, бесполезного страдания.

В этот раз его бодрый тон казался даже фальшивее, чем обычно. Интересно, подумал Орт, насколько Хейберу самому нравится мир, который он, без сомнения, сотворил?

– Вот так и сидите. А то по привычке заснете. Хорошо. Может, будет скучновато. Делать ничего не надо, просто сидеть. Глаза не закрывайте, думайте о чем угодно. Я пока в малыше кое-что подкручу. Вот так, поехали.

Он нажал на белую кнопку «Вкл.» на стенной панели справа от «Усилителя», недалеко от изголовья кушетки.

Проходящий мимо по бульвару пришелец слегка толкнул Орра и приподнял левый локоть, чтобы извиниться. Орт пробормотал:

– Прошу прощения.

Пришелец остановился, наполовину перегородив ему путь. Не ожидавший такого, Орт тоже остановился и вновь поразился бесстрастности этого девятифутового зеленого бронированного существа. Вид у него был до смешного нелепый, почти как у морской черепахи на задних лапах, но при этом, как у морской черепахи, была у него какая-то особая, массивная красота, более безмятежная, чем у тех, кто живет под солнцем, кто ходит по земле.

Из все еще поднятого локтя раздался равнодушный голос:

– Жор Жор.

Через пару секунд до Орра дошло, что эта барсумская¹¹ тарабарщина – его имя. Не без смущения он ответил:

– Да, я Джордж Орт.

– Пожалуйста, простите оправданное вмешательство. Вы человек, способный к яхклу, как ранее отмечено. Это заботит личность.

– Да я не... Видите ли...

– Мы тоже испытали разные тревоги. Понятия пересекаются в тумане. Восприятие затруднено. Вулканы испускают огонь. Помощь предлагается – отказательно. Противоядие от укусов змей выписывается не всем. Прежде чем следовать указаниям, ведущим в неверном направлении, могут быть вызваны вспомогательные силы в моментально-последующем порядке. Эр перренне!

– Эр перренне, – механически повторил Орт, силясь понять, что имеет в виду инопланетянин.

– При желании. Слово – серебро, молчание – золото. Личность – вселенная. Пожалуйста, простите вмешательство, пересечение в тумане.

Инопланетянин будто бы поклонился (хоть у него не было ни шеи, ни талии) и пошел дальше, возвышаясь зеленой громадой над серолицей толпой. Орт застыл, уставившись ему вслед, пока Хейбер не окликнул:

– Джордж!

– Что? – Он тупо оглядел комнату, стол, окно.

– Вы чего натворили?

– Ничего, – ответил Орт.

Он сидел все на той же кушетке с электродами в волосах. Хейбер успел нажать кнопку «Выкл.» и теперь стоял перед кушеткой, переводя взгляд с Орта на экран энцефалографа. Затем открыл его и достал бумажную энцефалограмму, записанную перьями.

– Решил было, что на экране померещилось, – сказал Хейбер и странновато хохотнул совсем не своим обычным раскатистым смехом. – Любопытные вещи происходят у вас в коре мозга. А ведь я «Усилитель» к коре даже не подключал, только слегка начал стимулировать мост, ничего особенного... А это что такое... Господи, да тут сто пятьдесят милливольт! – Он резко повернулся к Орту. – О чем вы думали? Восстановите.

На Орта накатило крайнее нежелание рассказывать, граничащее с предчувствием угрозы, опасности.

– Я... я думал о пришельцах.

– Альдебаранцах? Ну и?

– Ну вспомнил одного – встретился на улице, по дороге сюда.

– И это вам напомнило – сознательно или подсознательно – о той эвтаназии, про которую вы говорили. Так? Ясно. Вот отчего свистопляска в центрах эмоций. «Усилитель» ее зафикси-

---

¹¹ В цикле научно-фантастических книг Э. Р. Берроуза жители Марса (Барсума) говорят на барсумском языке.

ровал и усилил. Вы, наверно, почувствовали, что в голове происходит что-то странное, необычное?

– Нет, – честно ответил Орт.

Ничего необычного он не ощутил.

– Хорошо. Если вас встревожила моя реакция, объясняю. Я сам сто раз подключался к «Усилителю», испытывал его в лаборатории – человек сорок пять через него прошли. Никому он не навредил – не навредит и вам. Но ваш показатель для взрослого человека был сейчас крайне необычным. Просто захотел проверить, почувствовали ли вы что-то на субъективном уровне.

Успокаивал Хейбер не Орта, а себя, но это не имело значения. В успокоениях Орт больше не нуждался.

– Так, пробуем еще раз.

Хейбер перезапустил ЭЭГ и занес палец над кнопкой «Вкл.». Орт сжал зубы и приготовился к встрече с Хаосом и древней Ночью.

Но они не появились. И в центр города разговаривать с девятифутовой черепахой он тоже не перенесся. А остался сидеть на удобной кушетке, разглядывая в окно окутанную туманами серовато-синюю вершину Сент-Хеленс. И тут потихоньку, как тать в ночи, к нему подкралось чувство умиротворения и уверенности, что все хорошо и что он находится в самом центре всего. Личность – это вселенная. Никто его не столкнет на обочину, не обречет на одиночество. Он вернулся к себе. Испытывал душевный покой и в этот момент прекрасно понимал, где находится он и где все остальное. Это состояние не показалось ему ни благодатным, ни мистическим, а просто нормальным. Так он обычно себя и чувствовал, за исключением периодов кризиса и агонии; в эти тона было окрашено его детство и все лучшие и самые яркие моменты юности и зрелости; жить с таким ощущением было естественно. Но в последние годы он его утратил – постепенно, но почти полностью, почти даже не заметив потерю. Ровно четыре года назад. Четыре года назад в апреле случилось что-то, что выбило его из равновесия, а в последнее время из-за всех этих лекарств, всех этих снов, постоянных перепрыгиваний из одной вспоминаемой реальности в другую, из-за попыток Хейбера улучшить жизнь, от которых ее фактура становилась только хуже, Орт окончательно сбился с пути. Но теперь вдруг он вернулся к себе.

Он понял, что добился этого не сам. А вслух сказал:

– Это «Усилитель» сделал?

– Что? – спросил Хейбер, снова наклонившись над оборудованием, чтобы посмотреть ЭЭГ.

– Это... не знаю.

– Ничего он сейчас не делает, в вашем понимании, – буркнул Хейбер с оттенком раздражения.

В такие моменты он был даже симпатичен – когда не вмешивался, не выдумывал ответов, а с головой уходил в свои машины, стараясь как можно больше почерпнуть из их быстрых, еле заметных реакций.

– Он просто усиливает то, что делает ваш мозг, избирательно подсвечивает тот или иной процесс, а сейчас ничего интересного ваш мозг не делает... Так!

Он быстро сделал пометку в блокноте, метнулся к «Усилителю», наклонился назад, приглядывая к пляшущим линиям на экранчике. Повернув несколько ручек, развел одну кривую на три отдельных графика, потом снова их совместил. Орт его больше не прерывал. В какой-то момент Хейбер скомандовал:

– Закройте глаза. Поднимите их вверх, только не открывайте. Хорошо. Представьте что-нибудь... красный куб. Так...

Когда он наконец все выключил и начал отсоединять электроды, заполнившая Орра невозмутимость не улетучилась, как эффект наркотика или алкоголя. Она никуда не делась. Без долгих размышлений и ничуть не робея Опп сказал:

– Доктор Хейбер, я вам больше не дам использовать мои действенные сны.

– А? – переспросил Хейбер, все еще думая не об Орре, а о его мозге.

– Я вам больше не дам использовать мои действенные сны.

– Использовать?

– Использовать.

– Называйте как хотите.

Хейбер – могучий, рослый, широкоплечий, курчавобородый, серый, мрачноликий – распрямился и навис над сидящим на кушетке Орром. «Он Бог-ревнитель».

– Извините, Джордж, но вы не вправе так говорить.

Боги Орра были безымянны и неревнивы, они не требовали ни покорности, ни поклонения.

– И все же говорю, – мягко ответил он.

Хейбер посмотрел на него сверху вниз, посмотрел всерьез – и увидел. Увидел и отпрянул, словно человек, который думал, что сейчас отмахнет в сторону марлевую занавеску, а наткнулся на гранитную дверь. Он отошел в другой конец комнаты. Сел за стол. Опп поднялся с кушетки и слегка потянулся.

Хейбер поглаживал черную бороду своей крупной серой ладонью.

– Я на пороге – точнее, уже в процессе – открытия, – сказал он, и его низкий голос на этот раз звучал не раскатисто и дружелюбно, а сумрачно и грозно. – Я многократно пропустил сигналы вашего мозга через процедуру записи-очистки-воспроизведения-усиления и запрограммировал «Усилитель» так, чтобы он смог воспроизводить вашу энцефалограмму с ритмами действенного сна. Я их называю д-ритмами. Когда я получу достаточно универсальный рисунок д-ритмов, я смогу их накладывать на ритмы человека в состоянии БДГ, и после определенной синхронизации они, как я полагаю, введут его мозг в состояние действенного сна. Вы понимаете, что это значит? Я смогу вводить тщательно отобранный и подготовленный мозг в д-сон так же легко, как психиатр при помощи ЭСМ вызывает ярость у кошки или успокаивает пациента с нервным расстройством. Даже легче: мне ведь не понадобятся ни лекарства, ни имплантированные электроды. Работы осталось на несколько дней, может, даже часов. Как только закончу, вы свободны. В вас не будет необходимости. Не люблю, когда приходится преодолевать сопротивление. Кроме того, дело пойдет куда быстрее, если подопытный будет правильно подготовлен и настроен. Но пока вы мне нужны. Я должен довести дело до конца. Это, может быть, самое важное научное исследование за всю историю. Вы нужны мне настолько, что, если вашего чувства долга – передо мной как другом, перед стремлением к знанию, перед благополучием всего человечества – не хватит, я готов пойти на жесткие меры и заставить вас служить высшим идеалам. Если надо, добьюсь приказа о принудительном тера... о вынужденном индивидуальном соцобеспечении. Если надо, накачаю вас лекарствами, как буйнопомешанного. Нежелание помочь в деле такой важности – явное помешательство. Однако, разумеется, гораздо приятнее было бы, если бы вы помогли сознательно, по своей воле – без приказов и химии. Мне это крайне важно.

– На самом деле вам все равно, – сказал Опп без малейшего вызова в голосе.

– Почему вы так уперлись, Джордж? Почему именно сейчас? Когда вы уже так много сделали, когда мы почти у цели?

Он Бог-обвинитель. Но попреками от Джорджа Орра многого не добьешься; если бы он слишком терзался чувством вины, не дожил бы до тридцати.

– Потому что чем дальше, тем хуже. А теперь, вместо того чтобы помочь мне не видеть действенных снов, вы собираетесь видеть их сами. Мне не нравится заставлять весь мир жить в моих снах, но я тем более не собираюсь жить в ваших.

– Что значит «тем хуже»? Давайте разберемся, Джордж.

По-мужски, сядем и поговорим. Здравый смысл возьмет верх...

– За те несколько недель, что мы с вами работаем, посмотрите, чего мы добились, – продолжал Хейбер. – Избавились от перенаселения, улучшили качество городской жизни, восстановили на планете экологическое равновесие, радикально снизили смертность от рака. – Он начал загибать свои сильные серые пальцы. – Избавились от проблем с цветом кожи, от ненависти по расовому признаку. Избавились от войны. Избавились от угрозы вырождения вида за счет воспроизводства вредоносных генов. Избавились – скажем так, находимся в процессе избавления – от бедности, экономического неравенства, классовых конфликтов по всему миру. Что еще? Психические расстройства, социальная дезадаптация – да, тут еще уйдет какое-то время, но первые шаги уже сделаны. Под руководством НИПОЧ уничтожение страдания – физического и психического – и развитие возможностей для полноценного самовыражения идут непрерывно, налицо постоянный прогресс. Прогресс, Джордж! За шесть недель мы с вами добились большего, чем все человечество за шестьсот тысяч лет!

Орр почувствовал, что на эти аргументы надо ответить.

– Но куда подевалась демократия? – начал он. – Люди больше сами за себя ничего не решают. Почему всё вокруг такое некачественное и все безрадостные? Людей даже одного от другого не отличишь, особенно молодых. И то, что мировое государство всех детей воспитывает в этих центрах...

Но Хейбер, не на шутку рассердившись, его перебил:

– Детские центры – ваше изобретение, а не мое! Я, когда давал установку, просто обрисовывал целевые показатели, как обычно. Я пытался подсказать, как их можно было бы достичь, но ваше чертово бессознательное все мои предложения или игнорирует, или искажает до неузнаваемости. Что вы презираете и не приемлете все, что я пытаюсь сделать для человечества, – об этом даже можете не говорить: это было очевидно с самого начала. Каждый раз, когда я заставляю вас сделать шаг вперед, ваши сны орудуют такими изощренными или идиотскими способами, что все перечеркивают, выворачивают наизнанку. Вы каждый раз пытаетесь сделать шаг назад. Ваши собственные побуждения целиком отрицательные. Если бы не мощный гипноз, вы бы еще несколько недель назад превратили мир в труху! Помните, что вы натворили за одну ночь, когда удрали с этой адвокатшей...

– Ее больше нет, – сказал Орр.

– И прекрасно. Она деструктивно на вас влияла. Как это безответственно! В вас нет общественной сознательности, нет альтруизма. Какая-то моральная медуза, а не человек. Каждый раз приходится вам эту сознательность внушать под гипнозом. И каждый раз вы мне мешаете, все портите. Та же история с детскими центрами. Я только предположил, что, поскольку отношения в традиционной семье – основной фактор развития нервных расстройств, может быть, в идеальном обществе стоило бы их как-то изменить. Вы же во сне ухватились за самое примитивное решение, подбавили дешевой утопической экзотики – или, не знаю, циничной антиутопической – и соорудили центры. Но с ними все равно лучше, чем без них! Вы в курсе, что в этом мире шизофрении очень мало? Это редкое заболевание!

Темные глаза Хейбера сверкали, рот ухмылялся.

– Да, жизнь теперь лучше, чем... чем раньше, – сказал Орр, поняв, что спора не выйдет. – Но чем дальше вы заходите, тем хуже она становится. Я не пытаюсь вам помешать – это вы пытаетесь сделать то, чего сделать нельзя. У меня есть этот... дар. Я это знаю и понимаю свой долг перед ним. Мой долг – использовать его только при крайней необходимости. Когда нет других вариантов. Сейчас другие варианты есть. Нужно остановиться.

– Мы не можем остановиться, мы только начали! Мы только учимся хоть чуть-чуть управлять вашей способностью. Я почти у цели, и я до нее дойду. Личные страхи не должны заслонять путь добру, которое это новое свойство мозга может принести всему человечеству!

Хейбер витийствовал. Опп посмотрел на него, но сумрачные глаза доктора, хоть и уставились прямо ему в лицо, взглядом на взгляд не ответили, Хейбер его не видел. Монолог продолжался.

– Сейчас я бьюсь над тем, чтобы сделать это новое свойство воспроизводимым. Это как изобретение книгопечатания, как применение любой технической или научной концепции. Если эксперимент или технологию не могут воспроизвести другие, никакой пользы в них нет. То же самое с д-сном: пока он заперт в мозге одного индивида, для человечества от него пользы не больше, чем от запертого в комнате ключа или от единственной и никогда не повторяющейся гениальной мутации. Но я знаю, как вытащить этот ключ из комнаты. И в истории человеческой эволюции это станет такой же эпохальной вехой, как само появление рационально мыслящего мозга! Любой мозг, способный пользоваться этим «ключом» и достойный этого, получит такую возможность. Когда подходящий, обученный, подготовленный человек с помощью «Усилителя» войдет в д-сон, он будет находиться под полным контролем самогипноза. Ничто не будет зависеть от случая, непредвиденного импульса, иррациональной нарциссической прихоти. Не будет этой борьбы между вашей тягой к отрицанию и моей – к прогрессу, между вашим стремлением к нирване и моими попытками сознательно и взвешенно спланировать путь к общественному благу. Как доработаю технологию, можете идти на все четыре стороны. Дам вам полную свободу. И раз уж вы все время твердите, что хотите избавиться от ответственности, от всех этих действенных снов, то слово даю: в первый же свой действенный сон вставлю пункт о вашем «исцелении» – больше ни одного такого сна не увидите.

Пока Хейбер говорил, Опп встал и, не двигаясь с места, рассматривал его с выражением спокойным, но крайне внимательным и сосредоточенным.

– Вы собираетесь управлять своими снами самостоятельно? Никто не будет помогать, контролировать?..

– Я же вашими уже несколько недель управляю. Что касается меня – а я, разумеется, первый эксперимент поставлю на себе, иначе было бы просто неэтично... так вот, что касается меня, то контроль будет полным.

– Я пробовал самогипноз, еще до того как перешел на таблетки...

– Да, вы говорили. И конечно, ничего у вас не вышло. Насколько сопротивляющийся внушению индивид может добиться успеха при самовнушении – вопрос, конечно, любопытный, но ваша история ответов на него не дает. Вы не профессиональный психолог, не обученный гипнотизер, и у вас эта тема изначально вызывала серьезное психологическое неприятие. Неудивительно, что дело кончилось ничем. Но я профессионал и точно знаю, что делаю. Я могу внушить себе сложный сценарий и увидеть во сне каждую его деталь, будто прокручиваю его в голове наяву. Всю прошлую неделю я так делал каждую ночь – тренировался. Когда «Усилитель» синхронизирует обобщенный рисунок д-ритма с моими ритмами при БДГ, мои сны приобретут действенность. И тогда, тогда... – Губы под курчавой бородой разошлись в напряженной, нацелившейся в собеседника улыбке, в гримасе экстаза, и Опп отвернулся, будто увидел что-то не предназначенное для посторонних глаз – пугающее и вместе с тем жалкое. – Тогда мир станет раем, а люди будут как боги!

– Да мы уже, – сказал Опп, но Хейбер не обратил внимания.

– Бояться нечего. Бояться можно было тогда – если бы мы знали. Тогда, когда способностью к д-сну обладали вы один и не понимали, что с ней делать. Если бы вы не пришли ко мне, если бы вас не отдали в руки ученого, профессионала, кто знает, что бы могло случиться. Но мы встретились. Как говорится, гений – тот, кто оказывается в нужное время в нужном

месте. – Он громогласно хохотнул. – А сейчас бояться нечего, и все это уже не в вашей власти. Я знаю, что и как делаю – и с научной, и с моральной точки зрения. Я понимаю, куда иду.

– Вулканы выпускают огонь, – пробормотал Опп.

– Что?

– Можно я пойду?

– Завтра в пять.

– Буду, – ответил Опп и ушел.

10

Il descend, réveillé, l'autre côté du rêve¹².
Виктор Гюго. Созерцания

Было всего три часа дня, и ему надо было бы вернуться к себе в парковый сектор и закончить работу над детскими площадками в юго-восточных пригородах, но он не пошел. Мелькнула такая мысль, но он ее отогнал. Хотя память убеждала его, что на этом посту он проработал пять лет, он своей памяти не доверял. Эта работа не казалась реальной. Не та эта работа, которую он должен делать. Не его работа.

Он понимал, что, записав в нереальное значительный фрагмент единственной своей реальности, единственного существования, которое у него фактически было, он рискует потерять чувство свободы воли, как бывает у сумасшедших. Он знал: тот, кто отрицает то, что есть, отдает себя во власть того, чего нет, – страстей, фантазий, страхов, слетающихся, чтобы заполнить пустоту. Но пустота и вправду существовала. Этой жизни не доставало реальности, она была пустая; сон, породивший ее, когда не было нужды ничего порождать, истончился и испохабился. Если это и есть теперь бытие, лучше уж пустота. Пускай будут чудовища, пускай иррациональное диктует свои условия. Он отправится домой и таблеток принимать не будет, а будет спать, и пусть приснится, что приснится.

Он сошел с канатной дороги в центре, но, вместо того чтобы сесть на трамвай, пошел к себе пешком; ему всегда нравилось ходить.

Рядом с парком Лавджоя сохранился участок старой магистрали – колоссальная эстакада, порожденная, видимо, последними конвульсиями дорожной гигантомании семидесятых. Когда-то, надо полагать, она вела к мосту Маркуам, но сегодня резко обрывалась высоко над Франт-авеню. Когда город чистили и восстанавливали после Чумных лет, ее не снесли, наверное, потому, что такая огромная, бесполезная и уродливая вещь американцу кажется незаметной. Так она и стояла; кое-где на ней уже зеленели кустики, а под ее сводами, словно ласточкины гнезда к утесу, лепились друг к другу домишки. В этом довольно аляповатом и бессмысленном квартале до сих пор сохранились магазинчики, частные лавки, ресторанчики непривлекательной наружности и так далее, продолжавшие как-то цепляться за жизнь, несмотря на строгие правила «справедливого распределения потребительских товаров» и подавляющее доминирование сети универмагов и универсамов ЦМП, через которые шло девяносто процентов мировой торговли.

Один из магазинов под эстакадой был лавкой старьевщика. Над витриной красовалось: «Антиквариат», а на самом стекле кривыми шелушащимися буквами было выведено: «Le Старьё». В одном окне стояла пузатая керамическая посуда ручной работы, в другом – древнее кресло-качалка, на спинку которого была наброшена изъеденная молью шаль с узором в виде турецких огурцов, а вокруг главных экспонатов громоздилась разномастная мелочь, культурный хлам: подкова, часы с гирей, некий загадочный фрагмент из дневника, фотография президента Эйзенхауэра в рамке, надтреснутый стеклянный шар с тремя эквадорскими монетами, пластмассовый, разрисованный крабиками и водорослями стульчак, отполированные долгим употреблением четки и стопка старых пластинок-сорокапятки, несмотря на ярлычок «хор. сост.» явно поцарапанных. В похожих заведениях, подумал Опп, наверное, подрабатывала мать Хезер. Его потянуло зайти.

Внутри было прохладно и темновато. Одной стеной зданию служил пилон эстакады – высокий гладкий столб темного бетона, будто стена подводной пещеры. Из глубины помеще-

---

¹² Он спускается, пробудившись, по другой стороне сна (фр.).

ния, из-за вереницы теней, шатких штабелей громоздкой мебели, ветшающих картин в духе абстрактного экспрессионизма и дряхлых псевдостаринных прялок, уже почти и вправду старинных, но по-прежнему бесполезных, из этих сумрачных покоев, заполненных ничейными предметами, выступила огромная фигура и стала приближаться медленно, беззвучно и плавно, как рептилия: хозяин лавки был пришелец.

Он поднял свой согнутый левый локоть:

– Добрый день. Желаете предмет?

– Спасибо, просто смотрю.

– Пожалуйста, продолжайте эту деятельность.

Владелец немного отступил в тени и застыл. Опп полюбовался, как лучи света играют на потрепанных павлиньих перьях, осмотрел домашний кинопроектор пятидесятих годов, белоголубой набор для сакэ и кипу юмористических журналов «Мэд», оцененных довольно дорого. Поднял увесистый стальной молоток и с удовольствием покачал в руке – качественный инструмент, славная вещь.

– Товары сами отбираете? – спросил он.

Любопытно, что из этих останков кораблекрушения, дошедших от благополучных лет Америки, может показаться ценным самим инопланетянам.

– Что дают, приемлемо, – ответил пришелец.

Весьма демократично с его стороны.

– Можно задать вопрос? Что на вашем языке значит «яхклу»?

Владелец снова выдвинулся вперед, аккуратно пронося свою широкую панциреобразную броню мимо хрупких вещей.

– Некоммуницируемо. Язык, используемый для коммуникации с человек-особями, не содержит другие формы отношений. Жор Жор.

Правая рука, похожая на плавник могучая зеленоватая конечность, протянулась вперед – медленно и, пожалуй, нерешительно.

– Тьюак Эннбе Эннбе.

Опп пожал ему руку. Пришелец стоял неподвижно, судя по всему рассматривая посетителя, хотя никаких глаз внутри наполненного паром шлема не было видно. Если это шлем. Есть ли вообще в этом зеленом панцире, под этой могучей броней какое-то осязаемое существо? Опп не знал. Но в компании Тьюака Эннбе Эннбе чувствовал себя совершенно свободно.

– А вы, случайно, – спросил он вновь, неожиданно для себя, – не встречали никого по фамилии Лелаш?

– Лелаш. Нет. Вы ищете Лелаш?

– Я потерял Лелаш.

– Пересечения в тумане, – заметил пришелец.

– Это верно, – ответил Опп.

С заставленного всякой всячиной стола перед собой он взял белый бюстик Франца Шуберта высотой пару дюймов (наверное, подарок ученику от учителя фортепиано). На цоколе ученик написал: «Это я-то боюсь?»¹³ На лице Шуберта застыло кроткое, бесстрастное выражение, как у крошечного Будды в очках.

– Сколько? – спросил Опп.

– Пять новых центов, – ответил Тьюак Эннбе Эннбе.

Опп достал феднаровскую пятицентовую монету.

– Можно ли как-то управлять яхклу? Чтобы оно... делало то, что нужно?

---

¹³ Фирменная реплика Альфреда Ньюмана, карикатурного персонажа, олицетворявшего журнал юмористических комиксов «Мэд».

Пришелец взял монету и величаво проплыл к хромированному кассовому аппарату, который Опп сперва принял за один из предметов для продажи. Пробыл покупку и после паузы произнес:

– Один в поле не воин. Одна голова хорошо, а две лучше.

Он опять замолчал, видимо не удовлетворенный этой попыткой преодолеть коммуникационный барьер. Подождал полминуты, затем подошел к оконной витрине и осторожными, точными, но как бы механическими движениями выбрал из стопки старую грамзапись и дал ее Оппу. Это была песня «Битлз» «Когда мне помогают друзья».

– Подарок, – сказал инопланетянин. – Это приемлемо?

– Да, – ответил Опп и взял пластинку. – Спасибо. Большое спасибо! Очень любезно с вашей стороны. Я очень признателен.

– Не за что.

Хоть механический голос звучал равнодушно и броня выглядела бесстрастно, Опп не сомневался, что Тьюак Эннбе Эннбе доволен; он и сам был растроган.

– Поставлю на проигрывателе моего квартирного хозяина, у него есть старый дисковый фонограф. Огромное спасибо!

Они снова пожали друг другу руки, и Опп ушел.

В конце концов, думал он, идя в направлении Корбетт-авеню, неудивительно, что пришельцы на моей стороне. В каком-то смысле это ведь я их выдумал. В каком именно смысле, понятия не имею, но их точно не существовало, пока я не увидел их во сне, пока я не дал им жизнь. Так что между нами есть – точнее, всегда была – связь.

Конечно (далее пошли его мысли, тоже неспешно, в ритме шага), коли так, то весь мир в нынешнем виде должен быть на моей стороне: я тоже почти целиком его выдумал. Ну, если разобраться, он и правда на моей стороне. Само собой, ведь я его часть. Я же не сам по себе. Иду по земле, а земля меня несет; вдыхаю воздух, и он меняется; я связан с миром миллионом нитей.

А Хейбер другой и с каждым сном отдаляется все больше. Он против меня, моя связь с ним отрицательная. И как раз тот аспект жизни, за который отвечает он, который он мне приказал увидеть во сне, для меня совсем чужой, я против него бессилен...

Не то чтобы он злой. Он правильно говорит, людям надо помогать. Но пример с противоядием не годится. Там один человек встречает другого, который страдает. Это особый случай. Наверное, то, что я сделал – тогда, в апреле, четыре года назад, – было оправданно... (Тут, правда, его мысли по обыкновению свернули в сторону, чтобы не касаться больного места.) Другому человеку надо помогать. Но нельзя играть в Господа Бога с массами людей. Чтобы быть Богом, надо понимать, что делаешь. Чтобы сделать хоть что-то хорошее, недостаточно просто верить, что ты прав, а твои помыслы благородные. Надо... чувствовать жизнь. А он не чувствует. Ни один человек, даже ни один предмет для него сам по себе не существует: мир для него только средство для достижения целей. И тут не важно, хорошие ли это цели; средства – это все, что у нас есть... Он не может это принять, не может смириться, не может успокоиться. Он сумасшедший... Он нас всех такими сделает, оторвет от жизни, если и правда научится видеть сны, как у меня. Что же делать?

К этому вопросу он подошел в тот же момент, что и к старому дому на Корбетт-авеню.

Сперва он завернул в подвальный этаж к домуправу Мэнни Аренсу попросить древний проигрыватель. Значит, пришлось остаться на чайник чая. Мэнни всегда делал Оппу чай, потому что Опп не курил и не мог вдыхать дым без кашля. Они немного поговорили о положении дел в мире. Мэнни терпеть не мог спортивные состязания и на них не ходил, а сидел дома и каждый день после обеда смотрел образовательные передачи ЦМП с персонажами-куклами для детей додетцентровского возраста.

– Этот их крокодил, Дуби Ду, – клевый чувак, – сказал Мэнни.

Беседа прерывалась долгими паузами, которые свидетельствовали о больших прорехах в ткани аренсовского сознания, истончившегося под многолетним воздействием бесчисленных химических веществ. Но в его неопрятной берлоге было тихо и покойно, а слабый чай с марихуаной давал легкий расслабляющий эффект. В конце концов Оппр затащил проигрыватель к себе наверх, в гостиную без мебели, и воткнул вилку в розетку. Поставил пластинку и занес над вращающимся диском тонаром с иглой. На что он рассчитывал?

Он не знал. Наверное, на помощь. Ладно, как сказал Тьюак Эннбе Эннбе, что дадут, то будет приемлемо.

Оппр осторожно опустил иглу на внешнюю бороздку и лег на пыльный пол рядом с проигрывателем.

Тебе кто-нибудь нужен?
Мне нужно кого-то любить.

Проигрыватель был автоматический; когда запись подошла к концу, он немного поворочал, в его внутренностях что-то щелкнуло, и тонарм переместился на начало.

Я справляюсь, когда есть помощь,
Когда мне помогают друзья.

На одиннадцатом повторе Оппр крепко заснул.

Проснувшись в полутемной пустой комнате с высоким потолком, Хезер сильно удивилась. Это, черт возьми, что?

Она поняла, что заснула, сидя на полу, прислонившись к пианино и выставив ноги вперед. От марихуаны ее всегда тянуло в сон, а голова становилась дурная, но Мэнни, несчастный старый торчок, обижался, когда от его травы отказывались. Джордж, как кошка, с которой содрали шкуру, распластался на полу рядом с проигрывателем, а тот елозил иглой по «Когда мне помогают друзья», медленно проедавая диск насквозь. Она плавно убрала звук, потом оставила проигрыватель. Джордж не шевельнулся; рот у него был приоткрыт, веки плотно сжаты. Забавно, что они оба уснули под музыку. Она поднялась с колен и пошла на кухню посмотреть, что на ужин.

Ё-моё, свиная печенка! Вещь питательная, и за три мясные карточки больше по весу ничего не получишь. Она сама ее купила вчера в универсаме. Ну, если нарезать потоньше и пожарить с салом и луком... Бррр. Ладно, она так проголодалась, что съест и печенку, а Джордж был непривередлив. Если еда была приличная, он ел с удовольствием, а если паршивая свиная печенка, то просто ел. Хвала тебе, Господи, за все твои милости, включая уживчивых мужчин.

Пока Хезер накрывала на стол и ставила вариться две картофелины и полкочана капусты, она несколько раз останавливалась и задумывалась. Действительно, какое-то странное чувство, будто сбилась ориентация. А не надо было курить эту чертову траву и спать на полу посреди дня.

Вошел Джордж, взъерошенный и с пыльными разводами на рубашке. Уставился на нее.
– Ну? Доброе утро! – сказала она.

Он смотрел на нее и улыбался широкой, светящейся улыбкой чистого обожания. За всю свою жизнь никто не делал ей таких комплиментов; она даже опешила от восторга, которому послужила причиной.

– Дорогая моя жена, – сказал он, взяв ее руки в свои.

Он посмотрел на них, сперва на ладони, потом на тыльную сторону, и поднес к лицу.

– Ты должна быть коричневая, – сказал он, и Хезер с болью увидела, что на глаза у него навернулись слезы.

В этот миг, на одну только секунду, она почти все поняла; вспомнила, что была когда-то коричневая, вспомнила ночную тишину в лесном домике и журчание ручья и много чего другого – все это вихрем пронеслось в голове. Но главной ее заботой сейчас был Джордж. Они стояли обнявшись.

– Ты страшно устал, – сказала она, – расстроился, заснул на полу. Это все из-за проклятого Хейбера. Не ходи к нему больше. Не надо. Пусть делает что хочет, мы пойдем в суд, подадим апелляцию. Даже если он добьется ограничения дееспособности и упрячет тебя в Линн-тон, найдем другого психиатра и вытащим тебя оттуда. С ним больше дела иметь нельзя, он тебя погубит.

– Никто меня не погубит, – сказал он с легким грудным смешком, похожим на всхлип, – особенно когда мне помогают друзья. Я вернусь к нему, но не надолго. За себя я больше не беспокоюсь. Ты не волнуйся...

Они прижались друг к другу всеми возможными поверхностями, слились в одно целое, а в сковороде скворчала печенка с луком.

– Я тоже заснула, – прошептала она ему в шею. – Пока набирала дурацкие письма для Ратти, меня так в сон тянуло. А хорошую пластинку ты купил. В детстве я очень любила «битлов», только теперь на государственном радио их никогда не ставят.

– Это был подарок, – сказал Джордж, но тут печенка в сковороде издала громкий хлопок, и Хезер пришлось оторваться от мужа и заняться плитой.

За ужином Джордж разглядывал ее, а она много смотрела на него. Женаты они были вот уже семь месяцев. Ни о чем важном за столом не говорили. После еды помыли посуду и пошли спать. В постели они занялись любовью. Любовь не лежит все время на одном месте, как камень, – ею надо заниматься, выпекать ее, как хлеб, все время переделывать, создавать заново. Закончив с выделкой любви, они обнялись, обхватили любовь руками и заснули. Во сне Хезер слышала рокот ручья, в котором звенели голоса поющих нерожденных детей.

Джорджу снились океанские глубины.

Хезер работала секретарем в старом и никому не нужном адвокатском бюро «Пондер и Ратти». Когда на следующий день, в пятницу, она в половине пятого ушла с работы, то не поехала домой на монорельсе и трамвае, а села на канатку до парка Вашингтона. Она сказала Джорджу, что, может, встретит его у входа в НИПОЧ, раз ему назначено только на пять, а потом можно будет вместе поехать в центр и поужинать в каком-нибудь ресторане ЦМП на Международном бульваре.

– Все будет хорошо, – ответил он, уловив ее беспокойство и имея в виду, что с ним все будет хорошо.

– Знаю, – ответила она. – Но здорово будет где-то поужинать. Я подкопила карточек. Мы еще в «Каса Боливиана» не ходили.

До огромного здания НИПОЧ она добралась раньше него и стала ждать на исполинской мраморной лестнице. Он приехал на следующей гондоле. Она видела, как он сходит вместе с другими людьми, которых ей не было видно. Невысокий, ладно сложенный человек, сосредоточенный и независимый, с приветливым лицом. Двигался он ловко, хоть и сутулился, как большинство из тех, кто работает за столом. Когда он ее заметил, его светлые, чистые глаза стали как будто еще светлее и он улыбнулся – опять эта невероятно трогательная улыбка чистого восторга. Как она его любила! Если Хейбер опять сделает ему больно, она сама туда пойдет и порвет его на кусочки. Агрессия ей обычно несвойственна, но только если дело не касается Джорджа. И потом, сегодня она почему-то чувствовала себя необычно. Стала как-то жестче и нахальнее. На работе дважды вслух сказала «черт», отчего старый мистер Ратти поморщился.

Раньше она почти никогда вслух не чертыхалась и оба раза не собиралась этого делать, но у нее это слово вырвалось, как будто дала о себе знать старая привычка...

– Привет, Джордж.

– Привет. – Он взял ее за руки. – Какая же ты красивая!

И как только про него могли подумать, что он сумасшедший? Ну хорошо, снятся ему странные сны. Но это лучше, чем быть злобным и всех ненавидеть, как примерно каждый четвертый из тех, кто ей раньше встречался.

– Уже пять, – сказала она. – Подожду тут. Если начнется дождь, зайду в фойе. Там внутри прямо могила Наполеона – черный мрамор и все прочее. А здесь на улице приятно. Даже слышно, как в зоопарке львы рычат.

– Поднимись со мной. Дождь уже идет.

И правда: в воздухе стояла бесконечная весенняя теплая изморось – антарктический лед мягко падал на головы детей тех, из-за кого он когда-то растаял.

– У него симпатичная приемная, – продолжил Опп. – Скорее всего, будешь сидеть в компании феднаровских шишек и трех-четырех президентов. Все они там на цыпочках бегают, лишь бы директору НИПОЧ угодить. А я каждый раз сквозь них проталкиваюсь и захожу раньше всех. Тихий псих доктора Хейбера. Выставочный образец. Показательный пациент...

Он провел ее по большому залу, накрытому куполом, как в Пантеоне, они проехали на пешеходной ленте и поднялись на удивительном, бесконечном на вид спиральном эскалаторе.

– На самом деле НИПОЧ уже управляет миром, – сказал Опп. – Не понимаю, зачем Хейберу еще больше власти. Ей-богу, уже вполне достаточно. Почему бы не остановиться? Наверное, он – как Александр Македонский: постоянно должен завоевывать новые миры. Никогда этого не понимал. Как на работе?

Он был напряжен, поэтому столько говорил. Но он не выглядел подавленным и расстроенным, как несколько последних недель. К нему вернулась его естественная умиротворенность. В общем-то, Хезер не верилось, что он утратит ее надолго, запутается, выпадет из жизни, но все-таки ему в последнее время было плохо, и чем дальше, тем хуже. А теперь все прошло, причем так неожиданно и разом, что ей даже стало любопытно, что на него так повлияло. Выходило так, что они сидели в их все еще не обставленной гостиной, слушали дурацкую, но с неким глубинным смыслом песню «Битлз» и оба под нее заснули. А как проснулись – Опп стал прежним.

В огромной фешенебельной приемной у Хейбера никого не было. Джордж назвал свое имя какой-то штуковине при входе, похожей на тумбочку, – автосекретарше, объяснил он Хезер. Чтобы скрыть волнение, она попыталась пошутить на тему того, можно ли закрутить с ней автороман, но тут открылась дверь и в проеме показался Хейбер.

Она его раньше видела только раз, очень коротко, когда Джордж пришел к нему впервые. С тех пор она успела забыть, какой он огромный, какая огромная у него борода и как дьявольски внушительно он выглядит.

– Заходите, Джордж! – прогрохотал он.

Она даже присела от благоговейного ужаса. Тут он ее заметил.

– Миссис Опп, рад видеть! Хорошо, что пришли. Можете тоже зайти.

– Да нет, я просто...

– Никаких «нет». Вы понимаете, что это, скорее всего, у нас с Джорджем последний сеанс? Он вам не сказал? Сегодня заканчиваем. Вы обязательно должны присутствовать. Проходите. Сотрудников пораньше отпустил. Видели, наверное, как они ринулись по эскалатору вниз? Хотелось сегодня вечером побыть тут без посторонних. Вот, хорошо, садитесь сюда.

Он продолжал в том же духе; содержательно отвечать на этот поток слов смысла не было. Манера речи и все поведение Хейбера произвели на Хезер завораживающее впечатление: он был словно в радостном экстазе. Она ведь и забыла, какая сила и добродушие от него исходят:

сказочный богатырь, да и только. Даже трудно поверить, что такой человек, мировой лидер и выдающийся ученый, все эти недели персонально занимался Джорджем, который, в общем, никто. Правда, конечно, случай Джорджа представляет большой интерес для науки.

– Один последний сеанс, – сказал Хейбер, настраивая что-то в походящей на компьютер машине, установленной в стене около изголовья кушетки. – Последний раз поспите под моим контролем – и, думаю, о вашей проблеме можно будет забыть. Готовы, Джордж?

Он часто называл ее мужа по имени. Она вспомнила, как пару недель назад Джордж ей сказал: «Хейбер все время произносит мое имя; наверное, чтобы не забыть, что рядом кто-то еще есть».

– Конечно готов, – ответил Джордж и сел на диван.

Приподняв голову, он взглянул на жену и улыбнулся. Хейбер тут же начал прикреплять ему к голове маленькие штучки с проводами, раздвигая густые волосы, чтобы добраться до кожи. Хезер вспомнила, что ей тоже такое делали, когда в ходе обязательной для всех граждан Феднара процедуры многочисленных обмеров и анализов снимали отпечаток мозга. Ей было неприятно, что сейчас это проделывают с ее мужем. Как будто электроды – маленькие присосочки, которые сейчас высосут у Джорджа из головы все его мысли и превратят их в каракули на бумаге, бессмыслицу сумасшедшего. На лице у Джорджа выразилась крайняя сосредоточенность. О чем он думает?

Вдруг Хейбер схватил Джорджа рукой за горло, как будто хотел задушить, а другой рукой потянулся к магнитофону и запустил пленку, которая его же голосом завела гипнотизерскую шарманку: «Вы входите в состояние гипноза...» Через несколько секунд он выключил запись и проверил. Пациент был в трансе.

– Так, – сказал Хейбер и, кажется, задумался.

Огромный, похожий на вставшего на задние лапы гризли, он высился между женщиной и тщедушной фигурой, безвольно сидящей на диване.

– Слушайте, Джордж, внимательно и запоминайте. Вы находитесь в глубоком гипнозе и будете точно следовать всем моим указаниям. Когда я вам скажу, вы заснете и будете видеть сны. Вам приснится действенный сон. Вам приснится, что вы совершенно нормальный человек, как все. Вам приснится, что у вас когда-то была – или вам казалось, что была, – способность видеть действенные сны, но теперь ее нет. Ваши сны отныне станут как у всех: что-то значить они будут только для вас и никакого воздействия на внешнюю действительность оказывать не смогут. Вам все это приснится; в какой бы символической форме вы это ни увидели, действенная часть будет в том, что видеть действенные сны вы больше не будете. Сон будет приятный, и, когда я трижды назову вас по имени, вы проснетесь бодрым, в хорошем самочувствии. После этого действенные сны вам сниться навсегда перестанут. Теперь ложитесь. Устраивайтесь удобнее. Вы будете спать. Вы спите. Антверпен!

Только прозвучало это последнее слово, губы Джорджа шевельнулись, и он произнес что-то тихим отчужденным голосом человека, говорящего во сне. Хезер не расслышала что, но тут же вспомнила прошлую ночь: она уже почти заснула, свернувшись калачиком рядом с Орром, как вдруг тот сказал что-то вроде: «Пир перине». «Что?» – спросила она, но он ничего не ответил, уже спал. Спал он и сейчас. При виде его, тихо лежащего на кушетке, вытянув руки по швам, такого беззащитного, у нее сжалось сердце.

Хейбер тем временем встал и нажал белую кнопку на боковой панели машины у изголовья. Некоторые электроды вели к ней, другие – к электроэнцефалографу, который она узнала. Эта штуковина в стене, видимо, «Усилитель», вокруг которого вертится все исследование.

Хейбер подошел к ней, утонувшей в глубоком, огромном кожаном кресле. Из настоящей кожи – она и забыла, какая на ощупь настоящая кожа. В принципе, напоминает виниловый кожаменитель, но трогать интереснее. Она испугалась. Она не могла взять в толк, что происходит. Искоса бросила взгляд на нависшего над ней исполина – медведе-шамано-бога.

– Вы, миссис Опп, – заговорил он приглушенным голосом, – присутствуете при кульминации длинной серии снов, наведенных гипнозом. Мы к этой сессии, этому сну, шли несколько недель. Хорошо, что вы пришли; я не подумал вас позвать, но ваше присутствие создаст для него атмосферу полной безопасности и доверия. Он знает, что при вас никакие фокусы у меня не пройдут! Так ведь? Я в принципе уверен в успехе. Должно сработать. Зависимость от таблеток сама сойдет на нет, когда исчезнет навязчивый страх сновидений. Вопрос условных рефлексов... Так, надо глянуть на ЭЭГ, у него начинаются сны. – И могучая фигура стремительно перенеслась на другую сторону комнаты.

Хезер сидела, не шевелясь, и наблюдала за покойным лицом Джорджа, с которого исчезло выражение сосредоточенности – да и вообще всякое выражение. Так бы он мог выглядеть на смертном одре.

Доктор Хейбер с головой ушел в свои приборы – склонился над ними, хлопотал, то и дело что-то настраивал, снимал показания. На Джорджа даже не смотрел.

– Так, – вполголоса сказал он (не ей, подумала Хезер, он сам себе слушатель), – готово. Отлично. Теперь небольшой перерыв, пошла вторая стадия, между сновидениями. – Он что-то подкрутил в настенной панели. – Потом сделаем проверочку...

Он снова подошел к ее креслу, и Хезер подумала, что уж лучше бы он о ней забыл, чем делал вид, что с ней разговаривает. Кажется, этот человек не понимал пользу молчания.

– Ваш муж, миссис Опп, внес неоценимый вклад в наши исследования. Уникальный пациент. То, что мы узнали о природе сновидений, об их использовании в качестве положительных и отрицательных подкреплений при выработке рефлексов, сослужит бесценную службу во всех областях жизни. Вы же знаете, как расшифровывается «НИПОЧ» – «Научные исследования ради пользы человечества». Данные, полученные благодаря вашему мужу, принесут человечеству колоссальную пользу – без преувеличения. Только подумать, что начиналось все с банального злоупотребления медикаментами! Самое поразительное, что эти дремучие бюрократы с медфакультета скумекали, что тут что-то особенное, и направили его ко мне. Обычно такой проницательности от университетских психологов ждать не приходится.

Говоря все это, он посматривал на часы и теперь со словами: «Так, проверить малыша...» – метнулся в дальний конец комнаты. Там еще потыкал в «Усилитель» и громко сказал:

– Джордж, вы все еще спите, но меня слышите. Вы меня прекрасно слышите и понимаете. Кивните, если слышите.

Лицо не изменило своего невозмутимого выражения, но голова раз кивнула. Как будто марионетку дернули за веревочку.

– Отлично. Теперь слушайте внимательно. Вам приснится еще один яркий сон. Вы увидите, что... у меня в кабинете висит большая фотография. На ней гора Худ, вся в снегу. Эту фотографию вы увидите на стене позади стола, прямо тут, у меня в кабинете. Хорошо. Теперь вы заснете и увидите сон... Антверпен.

Он опять засуетился и склонился над приборами.

– Так, – прошептал он, – ага... хорошо...

Машины затихли. Джордж лежал бездвижно. Даже Хейбер перестал дергаться и бормотать. В большой, залитой мягким светом комнате, за стеклянной стеной которой шел дождь, не было ни звука. Хейбер застыл рядом с энцефалографом, повернув голову к стене за столом.

Ничего не произошло.

Пальцами левой руки Хезер описала маленький кружок по упругой шершавой поверхности кресла – бывшей шкуре живого существа, той промежуточной субстанции, что когда-то разделяла корову и Вселенную. В голове вновь навязчиво заиграла старая песенка, которую они слушали вчера:

Что ты увидишь, выключив свет?
Не скажу, но эта вещь моя...

Она и не подозревала, что Хейбер может замереть и замолчать так надолго. Только раз его пальцы дернулись к ручке настройки, но он сразу затих и продолжал разглядывать пустую стену.

Джордж вздохнул, сонно приподнял руку, вновь уронил ее и проснулся. Поморгал и сел на кушетке. Тут же бросил взгляд на Хезер, как будто проверить, здесь ли она.

Хейбер нахмурился и судорожно ткнул в нижнюю кнопку «Усилителя».

– Что за черт! – рявкнул он и начал всматриваться в экран энцефалографа, по которому, как и прежде, бежали веселые зигзаги. – «Усилитель» транслировал быстрый сон; как вы умудрились проснуться?

– Не знаю, – зевнул Джордж. – Проснулся и все. Разве вы не сказали, чтобы я просыпался скоро?

– Да, обычно говорю. По сигналу. Но как вы вышли из-под стимуляции «Усилителя»?.. Надо увеличить мощность; я, конечно, сильно осторожничал.

По всей видимости, он теперь разговаривал с «Усилителем». Окончив эту беседу, он резко обернулся к Джорджу:

– Так о чем был сон?

– Снилось, что на стене, позади моей жены, висит фотография горы Худ.

Хейбер глянул на голые деревянные панели стены и тут же перевел взгляд на Джорджа.

– А еще? Другой сон, до этого. Не помните?

– Что-то было. Секунду... Вроде бы снилось, что мне что-то снится. Как-то так, довольно запутанно. Я был в магазине. Точно – в «Майер энд Фрэнк», покупал новый костюм. Нужна была синяя куртка: я не то на работу новую устроился, не то еще что. Не помню. Но у них была таблица с размерами – шкала роста и шкала веса. И я оказался ровно посередине – среднего веса и среднего роста, человек среднего телосложения.

– Другими словами, нормальный, – сказал Хейбер и вдруг захохотал.

После напряженной сцены и затянувшегося молчания Хезер от его громоподобного хохота аж подпрыгнула.

– Замечательно, Джордж. Замечательно! – Он хлопнул Джорджа по плечу и стал снимать электроды. – Наконец-то. Получилось. Вы свободны! Чувствуете?

– Пожалуй, – мягко сказал Джордж.

– Огромная гора с плеч, а?

– С моих на ваши?

– Ага, на мои!

Опять зычный, утробный и несколько затянутый хохот. Он всегда такой, подумала Хезер, или перевозбудился?

– Доктор Хейбер, – спросил ее муж, – вы когда-нибудь разговаривали о снах с пришельцами?

– С альдебаранцами? Нет. Форд в Вашингтоне проводил с ними пару экспериментов, дал им кучу психологических тестов, но результаты – сплошная абракадабра. Все упирается в проблему коммуникации. Они разумные, но Ирчевский, наш главный ксенобиолог, полагает, что, возможно, они совсем нерациональны, а то, что мы принимаем за их попытки интегрироваться в наше общество, на самом деле может оказаться инстинктивной мимикрией. Трудно сказать наверняка. ЭЭГ им не сделаешь. На самом деле мы даже не знаем, спят они или нет, а уж про сновидения и говорить нечего!

– Вы знаете слово «яхклу»?

Хейбер на секунду задумался.

– Слышал. Что-то неперебиваемое. Вы что, решили, это значит «сон»?

– Я не знаю, что это значит, – покачал головой Джордж. – Я не думаю, что знаю что-то такое, чего не знаете вы. Но я правда считаю, доктор Хейбер, что, прежде чем... применять вашу новую методику, прежде чем вы начнете видеть сны, вам стоит поговорить с кем-то из пришельцев.

– С кем именно? – В реплике явно сквозила ирония.

– С любим. Не важно.

– О чем поговорить, Джордж? – рассмеялся Хейбер.

Хезер увидела, как ее муж вскинул взгляд на высившегося над ним доктора и светлые глаза его сверкнули.

– Обо мне. О снах. О яхклу. Не важно: главное – вы прислушайтесь. Они поймут, что вы задумали. Они гораздо опытнее нас в этих вопросах.

– В каких?

– В сновидениях. В том, аспектом чего служат сновидения. Альдебаранцы уже давно этим занимаются. Наверное, даже всегда занимались. Они из времени сновидений. Я сам толком не понимаю, не могу выразить словами. Всё видит сны. Изменения формы, игра бытия – это сны субстанции. Камни видят сны, и земля меняется... Но когда пробуждается сознание, когда ускоряется ход эволюции, надо действовать осторожно. С миром нельзя шутить. Надо уяснить свой путь. Освоить навык, овладеть искусством, узнать его пределы. Сознующий себя ум должен стремиться быть частью целого – целенаправленно и аккуратно, как камень, который является частью целого, не сознавая того. Вы понимаете? Эти слова что-то для вас значат?

– Все это не ново, если вы об этом. Мировая душа и так далее. Донаучный синкретизм. Можно, конечно, рассматривать сны – или действительность – с позиций мистицизма, но для того, кто хочет и может использовать рациональный подход, это неприемлемо.

– Не могу с вами согласиться, – сказал Джордж без малейшего вызова, а просто очень искренне. – Но тогда хотя бы из научного любопытства попробуйте вот что. Прежде чем подключаться к «Усилителю», до того как нажмете на кнопку, когда только будете начинать самогипноз, скажите: «Эр перренне». Вслух или про себя. Один раз. Внятно. Попробуйте.

– Зачем?

– Потому что есть эффект.

– Какой?

– Вам помогут друзья, – сказал Джордж и встал.

Хезер смотрела на него в ужасе. Его слова звучали как бред; Хейбер своим лечением довел его до сумасшествия, она так и знала. Но доктор почему-то на все это не реагировал так, как, по идее, должен был на бессвязную речь психа.

– Для одного человека яхклу – чересчур сложная вещь, – продолжал Джордж. – Самому не справиться. Они знают, как им управлять. Даже не то чтобы управлять, это не то слово, но как направлять в нужную сторону, по верному пути... Я этого не понимаю, может, вы поймете. Попросите их помочь. Скажите «эр перренне», прежде... прежде чем запускать «Усилитель».

– А что, в этом что-то есть, – сказал Хейбер. – Стоит проверить. Хорошо, Джордж, займись. Приглашу какого-нибудь альдебаранца из Культурного центра и попробую разузнать... Запутали мы вас, миссис Опп? Да, вашему благоверному бы в психиатры податься, в теоретики. Чертежник – это для него слишком мелко.

О чем это он? Джордж проектирует парки и детские площадки.

– Есть у него эта жилка, талант к психиатрии. Мне даже и в голову не приходило подключить альдебаранцев, но Джордж, возможно, в точку попал. Хотя, наверно, вы рады, что он не из наших, а? Стал бы за ужином анализировать ваши бессознательные желания – вот кошмар? – громогласно балагурил Хейбер, выпроваживая их.

Хезер не знала, что и думать, и чуть не плакала.

– Ненавижу! – прошипела она, когда они спускались по спирали эскалатора. – Ужасный человек. Двуличный. Фальшивый насквозь!

Джордж взял ее под руку и ничего не сказал.

– Но ты все? Точно все? Лекарства больше принимать не надо? И на эти дурацкие сеансы ходить?

– Видимо. Он подаст документы, и через шесть недель должно прийти подтверждение. Если буду себя хорошо вести. – Он улыбнулся немного устало. – Ты сегодня перенервничала, моя хорошая. Я-то нет. Со мной как раз все было в порядке. Но я проголодался. Куда пойдем на ужин? В «Каса Боливиана»?

– В Китайский квартал, – сказала она, но тут же осеклась: – Ха-ха.

Старый Китайский квартал вместе с остальным центром города снесли еще лет десять назад. Почему-то у нее совершенно вылетело из головы.

– Я имею в виду в «Руби Лу», – растерянно сказала она.

Джордж прижал ее локоть к себе чуть сильнее.

– Давай.

Доехать было легко: конечная станция канатной дороги располагалась как раз на другом берегу реки, у старого «Ллойд-центра» – когда-то, до Краха, крупнейшего торгового центра в мире. Сегодня огромные многоуровневые парковки ушли в прошлое, как динозавры, и многие магазины и лавки двухэтажного центра стояли пустые и заколоченные. Каток не заливали двадцать лет. Вода не пенилась в романтических фонтанах с причудливыми конструкциями из гнутого металла. Декоративные деревья вымахали ввысь, а их корни вспучили плитку на много ярдов вокруг цилиндрических вазонов. Голоса и шаги посетителей, идущих по длинным, полутемным, обветшавшим галереям, отдавались впереди и позади неестественно отчетливо и несколько плоско.

«Руби Лу» находился на втором этаже. Его стеклянный фасад почти целиком скрывали ветви конского каштана. Небо над головой было насыщенного нежно-зеленого цвета, который иногда увидишь весенним вечером, если тучи после дождя ненадолго разойдутся. Хезер взглянула в эти малахитовые небеса, такие спокойные, далекие и нездешние, и почувствовала, что нервное напряжение слезает с нее, как старая кожа. Но ощущение было недолгим. Как будто что-то переключилось и удивительным образом дало задний ход. Будто что-то в нее вцепилось и не отпускало. Она почти остановилась и перевела взгляд с зеленого неба на пустынные переходы, утопающие в глубоких тенях. Странное было место.

– Мне здесь как-то не по себе, – сказала она.

Джордж пожал плечами, но вид у него был напряженный и довольно мрачный.

Поднялся ветер, слишком теплый для апреля прежних лет, – влажный горячий ветер; он раскачивал огромные зеленопалые ветви каштана и взметал сор, скопившийся на безлюдных поворотах длинных галерей. Красная вывеска за шевелящимися ветками от ветра как будто потемнела и задрожала, изменила форму; изгибы ее неоновых трубок больше не означали «Руби Лу» – они вообще больше ничего не означали. Ничто больше ничего не значило. Ни в чем не было смысла. Пустой ветер дул в пустом пространстве. Хезер отвернулась от Джорджа и пошла к ближайшей стене; она плакала. Инстинкт ей говорил спрятаться от боли, забиться в угол и спрятаться.

– Что случилось, солнышко?.. Ничего, потерпи. Все будет хорошо.

Я схожу с ума, подумала она. Дело не в Джордже, с Джорджем все было в порядке – это со мной что-то не так.

– Все будет хорошо, – опять прошептал он, но по голосу она слышала, что сам он в это не верит. По его рукам она чувствовала, что сам он не верит.

– Что случилось? – навзрыд повторяла она. – Что случилось?!

– Не знаю.

Хотя Джордж по-прежнему прижимал ее к себе, пытаясь унять ее плач, его внимание как будто переключилось на что-то другое. Он смотрел вверх и немного вбок и словно хотел что-то рассмотреть или расслышать. Сердце билось у него в груди сильно и ровно.

– Хезер, послушай, мне надо вернуться.

– Куда? И что все-таки случилось? – спросила она натужным фальцетом.

– К Хейберу. Надо. Прямо сейчас. Подожди меня... в ресторане. Подожди меня, Хезер. За мной не ходи.

Он зашагал прочь. Она не могла не пойти за ним. Джордж шел быстро, не оборачиваясь, по длинным лестницам, вдоль аркад, мимо сухих фонтанов к станции фуникулера. У платформы поджидала гондола, Джордж запрыгнул внутрь. Взбежав по лестнице, запыхавшаяся, с болью в груди, она проскочила в уже закрывающиеся двери.

– Ты что, Джордж?!

– Прости. – Он тоже тяжело дышал. – Надо вернуться. Не хотел тебя втягивать.

– Во что?!

Как он ее сейчас бесил. Они сидели на противоположных сидениях, сопя друг на друга.

– Что за идиотизм ты устроил? Зачем поперся назад?

– Хейбер... – В горле у Джорджа пересохло. – Видит сон.

В сердце Хезер пополз глубокий бессмысленный ужас; она решила не обращать на него внимания.

– Какой сон? И что с того?

– Посмотри в окно.

Пока они бежали к фуникулеру и ехали в гондоле, она смотрела только на него. Сейчас они двигались над рекой, высоко над водой. Но воды не было. Река пересохла. В свете мостов было видно растрескавшееся, сочащееся вонючей жирной жижей дно, усеянное костями, утопнувшими когда-то инструментами и издыхающей рыбой. Громады разбитых кораблей лежали на боку близ высоких склизких доков.

Центральные здания Портленда, столицы мира, эти высокие новые красивые параллелепипеды из стекла и камня с тщательно отмеренными вкраплениями зелени, эти бастионы правительства: НИОКР, Связь, Промышленность, Экономическое планирование, Экологический контроль – таяли на глазах. Они дрожали и плавись, как выставленное на солнце желе. Углы уже осели, оставив огромные белесые потеки.

Фуникулер шел очень быстро, не делая остановок; видимо, что-то с кабелем, подумала Хезер, но совершенно отстраненно. Гондола неслась над растекающимся городом, но не слишком высоко, так что был слышен грохот и крики.

Когда линия пошла вверх, позади головы Джорджа в окне появилась гора Худ. Видимо, Джордж заметил у нее на лице или в глазах зловещие отсветы, потому что мгновенно обернулся и увидел вставший над горой гигантский перевернутый конус огня.

Гондолу бешено мотало в бездне между бесформенным небом и теряющим форму городом.

– Сегодня что-то все не заладилось, – громким дрожащим голосом сказала женщина в конце гондолы.

Извержение ужасало и завораживало. Его материальная, геологическая, неодолимая мощь излучала некую привычную определенность по сравнению с пустотой, к которой приближался фуникулер, прибывающий на конечную.

Предчувствие, нахлынувшее на Хезер, когда она смотрела в малахитовое небо, стало реальностью. Свершилось. Пришло пространство или, возможно, время пустоты. Чувствовалось присутствие отсутствия – какой-то неопишуемой сущности, лишенной всяких качеств, в которую все проваливалось и из которой ничего не выходило назад. Это было чудовищно, и это было ничто. Это был ложный путь.

И именно туда, когда остановилась гондола, пошел Джордж. На выходе он обернулся и крикнул:

– Жди меня, Хезер! Не ходи за мной!

Но хотя она пыталась сделать так, как он сказал, оно ее нашло. Оно стремительно разрассталось во все стороны. Она поняла, что все на свете исчезло, а она сама затерялась в пронизанной страхом тьме и, всеми покинутая, безгласная, звала мужа по имени, пока все ее существо не сжалось в комочек вокруг самой сердцевины и она не провалилась в бесконечную сухую бездну.

Напряжением воли, которая способна на удивительно многое, если правильно ее использовать в правильный момент, Джордж Орт нашел под ногами твердые мраморные ступени, ведущие в башню НИПОЧ, и пошел по ним вверх, в то время как глаза уверяли его, что шагает он по туману, по грязи, по разлагающимся трупам и полчищам мелких жаб. Было очень холодно, однако в воздухе пахло горячим металлом и горелыми волосами и плотью. Он пересек фойе. На мгновение золотые буквы, которыми вокруг купола был записан афоризм, запрыгали вокруг него: ИНТЕРЕС ЧЕЛОВЕК Ч Л Е Е Е. Буквы «Е» попытались поставить ему подножку. Он встал на пешеходную ленту, хотя она была ему не видна; ступил на спираль эскалатора и поехал вверх в пустоту, все время поддерживая его силой воли. Он даже не закрывал глаза.

На последнем этаже пол был изо льда, примерно в палец толщиной и очень прозрачного. Сквозь него виднелись звезды Южного полушария. Орт наступил на него, и звезды тут же зазвенели громко и фальшиво, как надтреснутые колокольчики. Но хуже была отвратительная вонь, от которой перехватывало дыхание. Он шел вперед, выставив перед собой руку. В конце концов она уткнулась в дверь приемной Хейбера; видеть он ее не мог, но чувствовал пальцами. Где-то завыл волк. Лава текла к городу.

Он пошел дальше и добрался до последней двери. Распахнул ее. По другую сторону не было ничего.

– Помогите мне, – сказал он вслух, ибо пустота уже тянула, влекла его.

В одиночку ему не хватило бы сил пробиться сквозь это ничто и выйти с другой стороны.

В голове смутно что-то зашевелилось; он вспомнил о Тьюаке Эннбе Эннбе, и о бюсте Шуберта, и о том, как Хезер сердито говорит: «Ты что, Джордж?!» Видимо, это все, с чем предстоит идти через ничто. Он пошел вперед. Понимая, что потеряет все, что у него есть.

Он вступил в центр кошмара.

Там была холодная, еле заметно вращающаяся темнота, сотканная из страха; под ее воздействием его тянуло в стороны, раздирало на части. Орт знал, где стоит «Усилитель». Он протянул свою смертную руку в направлении хода вещей. Обнаружил машину, нащупал нижнюю кнопку и один раз нажал.

Сделав это, он присел, зажмурился и сжался в комок: страх овладел его сознанием. Когда он открыл глаза и поднял голову, мир существовал заново. Выглядел он так себе, но, по крайней мере, был на месте.

Они находились не в башне НИПОЧ, а в каком-то кабинете попроще и победнее, в котором он раньше никогда не был. Хейбер массивной тушей лежал на диване с торчащей вверх бородой. Она опять стала рыжевато-коричневого цвета, а кожа была не серая, а обычная, бледноватая. Полуоткрытые глаза ничего не видели.

Орт отсоединил электроды, чьи провода, идущие от черепа Хейбера к «Усилителю», напоминали червей-нематод. Он посмотрел на машину с раскрытыми внутренностями; надо ее уничтожить, подумал он. Но он не знал, как именно, и совсем не желал пробовать. Уничтожение не по его части, да и машина более невинна, более безгрешна, чем даже любое животное. Никаких намерений, кроме наших собственных, у нее нет.

– Доктор Хейбер. – Он встряхнул широкие, тяжелые плечи. – Доктор Хейбер! Просыпайтесь!

Через некоторое время большое тело зашевелилось и вскоре село. Все в нем обвисло и ослабло. Мощная красивая голова безвольно висела на плечах. Нижняя губа полуоткрыла зубы. Глаза смотрели в одну точку, в темноту, в пустоту, в небытие в центре Уильяма Хейбера; они больше не были непрозрачные – они были пустые.

Орру стало физически страшно, и он попятился от этого человека.

Нужно позвать на помощь, подумал он, я один не справлюсь... Он вышел из кабинета, пересек незнакомую приемную, сбежал вниз по лестнице. Раньше он никогда не был в этом здании и понятия не имел, что это и где. Оказавшись на улице, он понял, что находится в Портленде, но не более того. Похожих улиц вблизи парка Вашингтона или на Западных холмах не было. Он по такой никогда не ходил.

Пустота хейберовского существа, действенный кошмар, излученный его спящим мозгом, порвали связи. Преемственность, которая раньше всегда наблюдалась между мирами и временными пластами орровских снов, была уничтожена. В мир проник хаос. Воспоминаний о жизни в действительности, где он теперь оказался, у Орра было мало, и они все были бессвязные. Почти все, что он знал, происходило из других воспоминаний, их других привидевшихся во сне времен.

Другие люди, проникающие в суть вещей не так глубоко, к такой перемене существования могли бы приспособиться легче, но, не зная, как ее объяснить, больше бы испугались. Они бы обнаружили, что вдруг мир кардинально и бессмысленно изменился без какой-либо рациональной причины. Сон доктора Хейбера повлечет за собой много страха и смерти.

И потерь. Потерь.

Он знал, что потерял ее, знал с тех самых пор, как с ее помощью вступил в пустоту страха, окружившую сновидца. Она пропала вместе с миром серых людей и огромным фальшивым зданием, куда он забежал, оставив ее одну в рушащемся и расползающемся кошмаре. Ее не стало.

Он не пытался позвать кого-то на помощь Хейберу. Хейберу уже было не помочь. Да и ему самому тоже. Он сделал все, что мог в жизни сделать. Он шел по рассеянным улицам. Судя по знакам, он оказался в северо-восточной части Портленда, которую он никогда толком не знал. Дома здесь были низкие, и иногда на перекрестках на фоне темнеющего апрельского неба показывалась гора. Орт заметил, что извержение остановилось; точнее, никогда не начиналось. Пепельно-фиолетовая гора Худ спала. Спала и видела сны.

Орт шагал без цели – по одной улице, затем по другой. Он так устал, что иногда ему хотелось прилечь отдохнуть прямо на тротуаре, но он шел дальше. Наконец он оказался недалеко от реки и деловых кварталов. Город, наполовину уничтоженный, наполовину преобразенный, свалка грандиозных замыслов и нагромождение отрывочных воспоминаний, являл собой бедламское столпотворение; огонь и безумие перекидывались от дома к дому. Но при этом люди продолжали заниматься своими привычными делами: двое мародеров грабили ювелирный магазин, а мимо них шла по улице женщина с орущим, раскрасневшимся младенцем на руках и направлялась явно домой.

Где бы он ни был, этот дом.

11

*Свет спросил у Отсутствия: «Ты есть или тебя нет?»
Отсутствие не ответило¹⁴.
Чжуан-цзы, глава XXII*

Когда тем же вечером Орт пытался найти в хаосе пригородов дорогу к Корбетт-авеню, его остановил какой-то альдебаранский пришелец и предложил пойти за ним. Орт послушно пошел. Через некоторое время он спросил пришельца, не зовут ли его Тьюак Эннбе Эннбе, но спросил без особой уверенности и, судя по всему, не особенно огорчился, когда пришелец весьма обстоятельно объяснил, что его, Орта, зовут Жор Жор, а пришельца – Энемемен Асфак.

Существо отвело его в свою квартиру недалеко от реки, расположенную над мастерской по ремонту велосипедов и рядом с Евангельской миссией вечной надежды, в которой сегодня народу было полно. Сейчас по всему миру вопрошали разных богов – более или менее вежливо – в надежде получить объяснение тому, что произошло между 6:25 и 7:08 по времени тихоокеанского побережья США. Когда они поднимались по темной лестнице на второй этаж, из-под половиц донеслись трогательно нестройные голоса, поющие гимн «Скала вечная». Придя в квартиру, пришелец предложил, чтобы Орт, поскольку он выглядит уставшим, лег на кровать.

– «Сон, распускающий клубок заботы»¹⁵, – сказала существо.

– «И видеть сны, быть может? Вот в чем трудность»¹⁶, – ответил Орт. Ему подумалось, что в манере общения пришельцев есть что-то занятное, но он слишком устал, чтобы об этом размышлять.

– А где будете спать вы? – спросил он, тяжело опускаясь на постель.

– Ни где. – Бесцветный голос пришельца разделил слово на две равно важные части.

Орт нагнулся развязать шнурки: не хотелось отплатить инопланетянину за доброту, испачкав ботинками его одеяло. От наклона голова закружилась.

– Устал, – сказал он. – Много сегодня сделал. Точнее, не много, а что-то. Единственную вещь, которую сделал за всю жизнь. Нажал на кнопку. Вся воля, вся накопленная сила моего существования ушла на то, чтобы нажать одну треклятую кнопку «Выкл.».

– Вы хорошо прожили, – сказала существо.

Оно стояло в углу, судя по всему, намереваясь там стоять до бесконечности.

Оно там не стоит, подумал Орт, по крайней мере, не стоит так, как я бы стоял, сидел, лежал, существовал. Оно там стоит, как я бы мог стоять во сне. Оно там находится в том же смысле, как люди где-то находятся во сне.

Орт лег. Через темное пространство комнаты до него явственно доходили излучаемые инопланетным созданием жалость и заботливое сострадание. Оно видело его – не глазами, правда, – как недолговечное, не защищенное броней странное существо из плоти, бесконечно уязвимое, дрейфующее в морях возможного, – существо, нуждающееся в помощи. Орт не возражал. Он действительно нуждался в помощи. Усталость овладела им, подхватила его, как течение в море, в которое он медленно погружался. «Эр перренне», – пробормотал он, отдаваясь на волю сна.

«Эр перренне», – беззвучно ответил Энемемен Асфак.

Орт заснул. Он видел сны. Трудностей ни в чем не было. Его сны, глубокие и безвредные, как волны в открытом море вдали от берегов, приходили и уходили, вздымались и опускались,

---

¹⁴ Перевод В. Малявина.

¹⁵ Цитата из пьесы «Макбет» У. Шекспира (акт II, сц. 2), перевод М. Лозинского.

¹⁶ Цитата из пьесы «Гамлет» У. Шекспира (акт III, сц. 1), перевод М. Лозинского.

ни к чему не прибываясь и ничего не меняя. Они танцевали свой танец среди всех прочих волн в море бытия. Сквозь его сон проплывали огромные зеленые морские черепахи, пронзающие глубины с основательной, неиссякаемой грацией существ в своей стихии.

В начале июня деревья оделись листвой и зацвели цветы. По всему городу старомодные портлендские розы, живучие, как сорняки, распустились крупными розовыми каплями на шипастых стеблях. Жизнь постепенно налаживалась. Укреплялась экономика. Люди стригли газоны.

Орр был в федеральном приюте для душевнобольных в Линнтоне, что к северу от Портленда. Его здания, возведенные в начале девяностых, стояли на высоком обрыве, под которым расстилались заливные луга Уилламетта и с которого открывался прекрасный вид на элегантные готические арки моста Сент-Джонс. В конце апреля и в мае здесь случился страшный наплыв пациентов, не выдержавших необъяснимых событий того вечера, который теперь называли Переломом, но с тех пор поток новых постояльцев поутих и приют вернулся к своей обычной жутковатой жизни с неизменно переполненными палатами и нехваткой персонала.

Высокий, вкрадчиво говорящий санитар проводил Орра на верхний этаж северного крыла, где находились одиночные палаты. Дверь в это крыло, как и двери всех помещений в нем, была массивная, с забранным решеткой глазком в пяти футах от пола и заперта на замок.

– Он не буйный, – объяснял санитар, открывая коридорную дверь, – никогда не начинал драк. Но уж очень плохо влияет на соседей. Мы пробовали его в одну палату, в другую – бесполезно. Соседи от него в ужасе. Я такого никогда не видел. Они все друг на друга влияют, то кто-нибудь панику поднимет, то ночью вся палата на ушах стоит, но такого никогда не было. Они его дико боялись. Ночами в двери скреблись, лишь бы их от него забрали. Хотя он просто лежал на кровати. Да уж, чего здесь только не насмотришься. А ему, наверное, все равно, где быть. Пришли.

Санитар открыл дверь палаты и вошел первым.

– К вам пришли, доктор Хейбер.

Хейбер похудел. Белая с голубым пижама на нем висела. Волосы и борода были подстрижены короче обычного, но выглядели чистыми и ухоженными. Он сидел на кровати и смотрел в пустоту.

– Доктор Хейбер, – сказал Орр, но голос его подвел: его скрутило от чувства жалости и страха. Он знал, на что смотрит Хейбер. Он сам это видел. Хейбер смотрел на мир после апреля 1998-го. Он смотрел на мир, не укладывающийся в сознание; он видел кошмарный сон.

В одном стихотворении Томаса Стернза Элиота птица говорит, что человечество не выносит избытка реальности¹⁷, но птица ошибается. Человек в течение восьмидесяти лет способен нести на себе весь вес Вселенной. Не выдерживает он нереальности.

Хейбер пропал. Он утратил чувство жизни.

Орр попытался еще что-то сказать, но не нашел слов. Он попятился из палаты, и санитар, вышедший сразу за ним, запер дверь.

– Не могу, – сказал Орр. – Пути нет.

– Нет, – повторил санитар.

И пока они шли по коридору, добавил своим тихим голосом:

– Доктор Уолтерс говорит, он был многообещающий ученый.

В центр Портленда Орр вернулся на речном трамвайчике. С транспортом по-прежнему царил неразбериха: по всему городу в хаотическом порядке громоздились фрагменты, остатки

---

¹⁷ Имеется в виду первая часть поэмы «Бёрнт-Нортон» из сборника Т. С. Элиота «Четыре квартета» (1943). В переводе С. Степанова: «– Спешу, спешу, – говорила птица, – ведь людям / Труднее всего, когда жизнь реальна». В переводе А. Сергеева: «Иди же, иди! – Человекам невмочь, / Когда жизнь реальна сверх меры». В переводе Я. Пробштейна: «Смелей же, смелей, – повторяла птица. – Человеку / Не выжить в слишком реальной жизни».

и зачатки примерно шести разных систем общественного транспорта. Около Колледжа Рида была станция метро, но самого метро не было; фуникулер в направлении парка Вашингтона доходил только до туннеля под Уилламеттом, который обрывался на середине реки. Между тем некий предприимчивый гражданин переоборудовал прогулочные кораблики, возившие туристов по Уилламетту и Колумбии, под речной транспорт, который теперь по расписанию ходил между Линнтоном, Ванкувером, Портлендом и Орегон-Сити. Ездить на них было приятно.

На поездку в психиатрическую лечебницу Опп потратил свой обеденный перерыв, прихватив еще немало времени. Его работодателю, Энемемену Асфаху, было безразлично, сколько времени работают сотрудники, лишь бы работа выполнялась. Когда ее делать, решал сам человек. Опп значительную часть своей выполнял в уме, когда по утрам, прежде чем встать, еще час лежал в кровати в полудреме.

Так что в «Кухонную раковину» он вернулся и сел за свой кулман в мастерской только в три часа. Асфак тем временем обслуживал посетителей в демонстрационном зале. У него на фирме работали три дизайнера, и были заключены договоры с массой сторонних подрядчиков, которые изготавливали всевозможные кухонные принадлежности: миски и тарелки, кастрюли и сковородки, приборы для готовки и прочую утварь – все, кроме бытовой техники. После Перелома в промышленности и системе сбыта началась чудовищная неразбериха, международное и национальные правительства на долгие недели впали в такой ступор, что в экономике сам собой установился свободный рынок и мелкие частные компании, сумевшие выжить или возникшие как раз в эти дни, оказались в выигрышном положении. В Орегоне часть этих компаний, предлагающих те или иные промтовары, принадлежала альдебаранцам, которые показывали себя хорошими управленцами и превосходными продавцами, хотя на все должности, требующие ручного труда, им приходилось нанимать землян. Правительство относилось к ним лояльно, потому что они охотно соблюдали все правила и ограничения, которые власти вновь вводили, по мере того как мировая экономика постепенно приходила в себя. Даже опять заговорили о таких вещах, как валовой национальный продукт, а президент Мердль пообещал, что вернуться к нормальной жизни удастся к Рождеству.

Асфак торговал не только оптом, но и в розницу, и «Кухонная раковина» привлекала покупателей качеством продукции и умеренными ценами. После Перелома домохозяйки, которые в тот апрельский вечер вдруг обнаружили, что готовят на каких-то неожиданных кухнях, начали эти кухни переоборудовать и наведывались в «Раковину» все чаще. Опп рассматривал образцы дерева для разделочных досок, как вдруг из торгового зала донеслось: «Покажите-ка этот венчик», – и, поскольку голос напомнил ему голос жены, он сам заглянул в зал. Асфак что-то показывал невысокой коричневой женщине лет тридцати с коротко стриженными жесткими черными волосами на скульптурно вылепленной голове.

– Хезер. – Он сделал шаг вперед.

Она обернулась. Посмотрела на него взглядом, показавшимся очень долгим.

– Опп? Джордж Опп, правильно? Когда мы с вами встречались?

– Во время... – замялся он. – Вы разве не юрист?

Рядом горой возвышался закованный в зеленоватую броню Энемемен Асфак с венчиком в руках.

– Нет. Секретарь в юридической конторе. Я работаю у Ратти и Гудхью в «Пендлтон-билдинг».

– Ну вот, значит, там. Я туда раз приходил. Ну как вам? Нравится? Мой дизайн. – Он взял из корзины другой венчик и продемонстрировал. – Видите – вес удачно распределен. И взбивает быстро. Обычно у всех спираль слишком жесткая или слишком тяжелая. Только во Франции хорошие делают.

– Симпатичный, – ответила она. – У меня есть старый электрический миксер, но я хотела такой – хотя бы на стену повесить. Вы здесь работаете? Но только недавно, да? Что-то припо-

минаю. Вы были в каком-то учреждении на Старк-стрит и ходили к врачу на добровольное лечение.

Он понятия не имел, что именно и сколько она помнит и как соотнести ее версию со своими собственными пересекающимися воспоминаниями.

Его жена, правда, была серокожая. Говорили, что люди с серой кожей еще остались, особенно на Среднем Западе и в Германии, но в основном все опять были белого, коричневого, черного, красного и желтого цветов и их всевозможных оттенков и комбинаций. Его жена была женщина серая и гораздо более покладистая, чем эта. У этой большая черная сумка с латунной застежкой (там, наверное, полпинты бренди) и напористый вид. Его жена была хоть и отважная в душе, но робкого поведения, тихая. Эта – не его жена: она злее, ярче, своевольнее.

– Да, верно, – ответил он. – До перелома. Мы с вами... Кстати, мы с вами тогда договорились вместе пообедать, мисс Лелаш. На Энкени-стрит, в кафе «У Дейва». Так и не выбрались.

– Я не мисс Лелаш, это моя девичья фамилия. Я миссис Эндрюс.

Она пристально на него посмотрела. Он стоял и пытался вынести реальность.

– Мой муж погиб на ближневосточной войне, – добавила она.

– Да, – сказал Опп.

– Это вы тут все спроектировали?

– Большинство инструментов и приспособлений – я. Еще кое-что из посуды. Нравится?

Он вытащил чайник с медным дном – массивный и в то же время элегантный, с гармоничными пропорциями, продиктованными потребностью, как у парусного корабля.

– Еще бы. – Она протянула руку.

Он передал ей чайник, и она с одобрением взвесила его в руках.

– Вещи мне нравятся, – сказала она.

Он кивнул.

– Вы прямо художник. Очень красиво.

– Мистер Опп – специалист по осязаемым предметам, – протянул на одной ноте владелец, говорящий левым локтем.

– Слушайте, я вспомнила, – вдруг выпалила Хезер. – Да-да, это было еще до Перелома, вот почему в голове такая путаница. Вам снились сны. Точнее, вам казалось, что ваши сны сбываются, так? Врач заставлял вас их видеть все чаще, а вы не хотели и пытались отвертеться от добровольного лечения и чтобы вас не запихнули на принудительное. Видите, все-таки помню. Вас что, перевели к другому врачу?

– Нет. Я их перерос, – засмеялся Опп.

Она тоже рассмеялась.

– А со снами что сделали?

– Да ничего... так и снились.

– Вы же вроде могли менять мир. Неужели ничего лучше не могли выдумать, чем это безобразие?

– Это не худший вариант.

Он сам бы тоже хотел поменьше безобразия, но его никто не спрашивал. И в этом мире, по крайней мере, была она. Он разыскивал ее как мог, а не найдя, попытался отвлечься работой; та принесла лишь слабое утешение, но все-таки была ему по душе, а он был человек терпеливый. Теперь же его бесслезный и беззвучный траур по утраченной жене должен прекратиться, ибо вот она перед ним – страстная, непокорная и ранимая незнакомка, которую вечно приходится завоевывать сызнова.

Он знал ее, знал свою незнакомку, знал, как ее разговорить и рассмешить. В конце концов сказал:

– Не хотите кофе? Тут рядом есть кафе. А у меня как раз обеденный перерыв.

– Ага, конечно, – фыркнула она: было три четверти пятого.

Она взглянула на пришельца.

– Я бы выпила кофе, но...

– Вернусь через десять минут, Энемемен Асфак, – сказал Опп, снимая с вешалки плащ.

– Берите вечер, – ответил инопланетянин. – Время есть. Есть возвращения. Идти – значит возвращаться.

– Большое спасибо, – сказал Опп и попрощался с начальником за руку.

Большой зеленый плавник по сравнению с человеческой рукой казался прохладным. Опп вышел с Хезер на улицу – в теплое дождливое предвечерье летнего дня. Пришелец, словно морское существо в аквариуме, смотрел им вслед сквозь стеклянную витрину, пока они не исчезли в тумане.

Глаз цапли

1

Лев сидел на самом солнцепеке, в центре круга деревьев, скрестив ноги и склонив голову над сложенными чашечкой руками.

Меж его теплых ладоней устроилось крохотное существо. Он его не удерживал; оно само решило пока посидеть там, а может, просто не возражало. Существо напоминало маленькую жабу с крылышками. Крылышки, серовато-коричневые с темными полосками, сейчас были сложены и высоко подняты над спинкой; все остальное тело было темным. Три золотистых глаза, словно три булабочные головки, украшали голову – по одному с каждой стороны и один посередине. Этот обращенный вверх центральный глаз неотрывно смотрел на Льва. Лев моргнул. Существо тут же переменило обличье. Какие-то перистые отростки пыльно-розового цвета, похожие на пальмовые листья, появились из-под сложенных крыльев. Теперь это был просто покрытый перьями шарик, который и рассмотреть-то как следует не удавалось – эти отростки или перья непрерывно дрожали, делая неясными очертания самого тела. Понемногу дрожание прекратилось. Жаба с крылышками по-прежнему спокойно сидела у Льва на ладонке, только теперь она была светло-голубого цвета. Она почесала свой левый, боковой глаз задней из трех левых лапок, и Лев улыбнулся. Жаба, крылья, глаза, ножки – все тут же исчезло. Совершенно плоское, похожее на моль существо распласталось у него на ладони, став почти невидимым. За исключением чуть заметных темноватых пятнышек, оно теперь имело в точности тот же цвет и структуру, что и кожа человека. Лев застыл, и постепенно голубая жаба с крылышками возникла вновь, но один золотистый глаз внимательно следил за ним. Она прошла по его ладони и взобралась на согнутые пальцы. Шесть крохотных теплых лапок чуть сжимали его кожу при подъеме и тут же отпускали; двигалась она очень изящно и точно. Потом крылатая жабка застыла, устроившись на кончиках его пальцев, и склонила голову набок, чтобы посмотреть на него своим правым глазом, в то время как два остальных глаза, левый и центральный, изучали небеса. Затем существо собралось, вытянулось наподобие стрелы, выпустило два прозрачных подкрылка длиной вдвое больше тела и взлетело – плавно, без малейшего усилия, – направляясь к залитому солнцем склону холма за кольцом деревьев.

– Лев!

– Да я тут чозанахом люблюсь. – Он встал и пошел навстречу Андре.

– Мартин считает, что мы уже сегодня можем добраться домой.

– Хорошо бы.

Лев подхватил свой заплечный мешок и присоединился к остальным семи членам экспедиции. Они двигались гуськом, молча, нарушая тишину лишь в том случае, если нужно было сообщить впереди идущему, где легче обойти то или иное препятствие, или же когда второй человек в цепочке, у которого был компас, говорил, что теперь пора свернуть вправо или влево. Они шли на юго-запад. Идти оказалось нетрудно, однако ни тропы, ни каких-либо отметок вокруг не было. Деревья здесь росли как бы кругами – от двадцати до шестидесяти деревьев образовывали почти правильное кольцо, внутри которого оставалось свободное пространство. В этой холмистой долине деревья-кольца росли так густо, часто смыкаясь друг с другом, что путешественникам постоянно приходилось прорубаться сквозь густой подлесок, которым заросла земля между темными волосатыми стволами; потом они пересекли относительно чистую, округлую, залитую солнцем поляну, покрытую болотной травой, и снова оказались в густой тени, среди переплетенных ветвей и шершавых стволов. На склонах холмов кольца деревьев были разбросаны более вольготно, и порой открывался довольно широкий

вид на невысокие холмы и долины, до самого горизонта покрытые круглыми расплывчатыми пятнами темно-красного цвета.

Когда перевалило за полдень, солнце скрылось в облачной дымке. На западе сгустились тучи. Посыпался мелкий тихий дождичек. Было тепло и совершенно безветренно. Обнаженные торсы путешественников блестели, словно натертые маслом. Капельки воды повисли на волосах. Они упорно шли вперед, забирая все больше к югу. Свет чуть померк, стал сероватым. В низинах, внутри деревьев-колец, было сыро и сумрачно.

Идущий впереди Мартин первым взобрался по длинному каменистому склону на вершину холма, обернулся и что-то крикнул. Один за другим они тоже взобрались на вершину и остановились с ним рядом. Здесь была самая высокая точка долины. Внизу виднелась широкая река; сверкая на солнце, она казалась бесцветной меж темными берегами.

Самый старший в группе, по имени Упорный, поднялся на вершину последним и стоял, глядя на реку с выражением глубокого удовлетворения.

– Здравствуй, – дружески шепнул он ей.

– А где у нас лодки? – спросил тот парень, у которого был компас.

– Вверх по течению вроде бы, – осторожно сказал Мартин.

– Вниз, скорее, – усомнился Лев. – По-моему, они вон там, на западе, напротив самой высокой горы.

Они с минуту поспорили и решили попробовать пойти вниз по течению. Но все-таки чуточку еще постояли на вершине в полном молчании; отсюда открывался широкий вид на ту долину, которой они в течение многих дней стремились достигнуть. За рекой, на юго-запад, по склонам холмов тянулись леса, образованные бесконечными пересекающимися и смыкающимися кольцами деревьев; по небу неслись непрерывно менявшие свои очертания облака. К востоку, вверх по течению реки, почти от ее берегов начинался довольно крутой подъем; на западе река вилась по серым равнинам среди низких пологих холмов. У самого горизонта, где река исчезала из виду, виднелось слабое свечение – то были отражавшиеся в морской воде солнечные лучи. На севере, за спинами путешественников, лежали заросшие лесом холмы, сейчас полускрытые дымкой дождя и надвигающимися сумерками; долгие дни и многие мили пройденного ими пути.

И во всем этом огромном и тихом пространстве – над холмами, над лесами, над рекой – ни одной ниточки дыма, ни единого намека на жилище человека или тропу.

Они свернули на запад, не спускаясь в долину, и примерно через километр юноша по имени Желанный, который теперь вел отряд, окликнул остальных и указал на две черные скорлупки в излучине реки на усыпанном галькой берегу; это были лодки, которые они втащили туда несколько недель назад.

Путешественники спустились на берег, оскальзываясь и обдираясь о камни на крутом склоне. Внизу неожиданно оказалось как-то темно и холодно, хотя дождь прекратился.

– Скоро совсем стемнеет. Лагерь разбивать будем? – неуверенно спросил Упорный.

Они посмотрели на серую массу речной воды, скользившую мимо, на серое небо над нею.

– Ничего, на воде будет светлее, – сказал Андре, вытаскивая весла из-под перевернутой лодки.

Целая семейка сумчатых летучих мышей устроилась между веслами. Подросший молодец испуганно метнулся над берегом, судорожно махая крыльями и оглашая воздух пронзительными воплями, от которых стыла кровь в жилах; зато их рассерженные родители вылезли не спеша и медленно полетели за ними следом.

Путешественники посмеялись, подхватили легкие лодочки на плечи и спустили их на воду. Потом уселись – по четыре человека в лодку. Взлетающие мокрые весла сверкали серебром в закатных лучах. На середине реки действительно оказалось светлее, небо словно поднялось выше, а берега, наоборот, стали как будто ниже и темнее.

О, когда придем,
Когда дойдем до Лиссабона,
Нас будут ждать
На рейде белые суда!..

Один из юношей в первой лодке затянул эту песню, два или три голоса из второй подхватили. А вокруг лежала тишина дикого края, точно в чаше держа ритмичную негромкую мелодию, окружая путешественников со всех сторон – снизу и сверху, спереди и сзади.

Постепенно берега стали еще ниже, расступились, окутанные тенью, и теперь лодки нес могучий серый поток в полмили шириной. С каждой минутой становилось все темнее. Потом где-то на юге вспыхнул первый огонек, далекий и ясный, прорвавшись сквозь окутавшую людей древнюю тьму.

В деревнях все спали. Путешественники поднимались по тропе меж рисовых полей, освещая себе путь покачивающимися при ходьбе фонарями. В воздухе висел запах дыма – торфяных брикетов для очагов. Путники тихо, как сеявшийся с неба мелкий дождь, прошли по улице, между спящими домиками, и вдруг Желанный, испустив дикий клич: «Эй, а ведь мы добрались!» – с размаху распахнул дверь своего дома и еще громче завопил: «Мама, проснись! Это я!»

Через пять минут полгорода высыпало на улицу. Вспыхнули огни, отворились двери, дети заплясали вокруг путешественников, одновременно заговорили сотни голосов – кто-то что-то кричал, кто-то спрашивал, кто-то радостно приветствовал отважных исследователей.

Лев сам пошел навстречу Южному Ветру. Она спешила к ним по улице, заспанная, улыбающаяся, набросив шаль на растрепавшиеся со сна волосы. Он протянул к ней руки, обнял ее, остановил.

Она подняла глаза, посмотрела ему в лицо и рассмеялась.

– Вы вернулись! Вернулись!

Потом, почуяв неладное, она примолкла, быстро огляделась – вокруг царила радостная суэта – и снова вопросительно посмотрела на Льва.

– Ох, – сказала она, – я так и знала. Я знала.

– Да. Когда мы еще шли на север. Дней десять назад. Мы спускались по руслу ручья, среди скал. Он схватился за камень, тот выскользнул у него из-под руки, а под камнем оказалось гнездо скорпионов. Сперва он почти ничего не почувствовал. Но он получил несколько десятков укусов, и чуть позже руки у него начали распухать...

Лев крепко держал девушку за плечи; она по-прежнему смотрела ему прямо в глаза.

– Он умер ночью.

– Ему было очень больно?

– Нет, – солгал Лев, скрывая набежавшие слезы. – Он там и остался. Возле водопада. Мы сложили над могилой пирамиду из белых камней. Так что он... он теперь там.

И вдруг рядом с ними среди всеобщей суеты и оживленных разговоров отчетливо прозвучал женский голос:

– А где же Тиммо?

Южный Ветер бессильно опустила плечи; она, казалось, сразу стала меньше ростом, вся съежилась – вот-вот исчезнет совсем...

– Пойдем со мной, – сказал Лев, нежно обняв ее за плечи, и они молча пошли к дому ее матери.

Лев оставил девушку там, с обеими матерями – с матерью Тиммо и с ее собственной. Выйдя из дома, он постоял в нерешительности, потом медленно двинулся обратно к толпе.

Ему навстречу вышел отец; Лев узнал знакомые выющиеся седые волосы и полные ожидания глаза, поблескивавшие в свете факелов. Саша всегда был хрупким и невысоким, но, когда они обнялись, Лев почувствовал, как похудел за это время отец, хотя твердость духа в этом легком теле ощущалась прежняя.

– Ты был у Южного Ветра?

– Да. Я не мог...

На минутку он по-детски прижался к отцу, и тот своей тонкой рукой погладил его по плечу. Свет факелов дрожал и расплывался у Льва перед глазами. Когда он отстранился, Саша чуть отступил назад, чтобы как следует рассмотреть сына; он ничего не говорил и только глядел на него очень внимательно своими темными глазами, пряча улыбку в колючих седых усах.

– С тобой все в порядке, отец?

Саша кивнул:

– Ты устал, сынок. Пойдем-ка домой. – И когда они уже шли по улице, он спросил: – А вы нашли землю обетованную?

– Да. Отличную долину! Там большая река, миль пять до моря, и вообще есть все, что человеку нужно. И там так красиво! Долина со всех сторон окружена горами, один горный хребет за другим, все выше и выше, вершины уходят за облака и белее облаков... Ты просто не представляешь, как нужно задрать голову, чтобы разглядеть самую высокую вершину... – Он вдруг умолк.

– Значит, путь туда лежит через горы? И через реки?

Лев мгновенно спустился с тех белых вершин, что виделись ему, на грешную землю и вопросительно уставился на отца.

– Ты считаешь, что добраться туда нелегко? Хозяевам трудно будет преследовать нас?

Чуть помедлив, Лев улыбнулся и ответил:

– Я думаю, да.

Уборка болотного риса была в самом разгаре, и многие крестьяне прийти просто не смогли, однако каждая деревня прислала в Шанти хотя бы одного человека – послушать, о чем расскажут разведчики и как это воспримут остальные. В полдень все еще шел дождь; огромная площадь перед Домом Собраний была буквально забита народом; люди прятались под зонтами, сделанными из широких, красных, шуршащих, как бумага, листьев тростниковой пальмы, и либо стояли, либо сидели на корточках, а то и прямо на земле, подстелив сплетенные из тех же листьев циновки, щелкали орехи и разговаривали, пока наконец в Доме Собраний не прозвонил маленький бронзовый колокольчик. Тогда все разом повернули головы и посмотрели на высокое крыльцо, где уже стояла Вера, готовая говорить.

Это была стройная женщина с серо-стальными седыми волосами, изящным узким носом и темными продолговатыми глазами. Голос ее звучал громко и ясно, и, пока она говорила, никто не проронил ни звука, только мягко шелестел дождь да порой в толпе раздавался тихий щебет какого-нибудь малыша, которого мгновенно утихомиривали.

Вера поздравила разведчиков с возвращением. Потом рассказала о смерти Тиммо и, очень тихо и кратко, о самом Тиммо – каким она видела его в день отправки экспедиции. Она говорила об их стодневном путешествии по дикому краю, о том, что они нанесли на карту огромную территорию к востоку и северу от Спящего залива, и о том, что они все-таки его отыскали, отличное место для нового поселения, и проложили туда путь.

– Довольно многие из жителей Шанти, – сказала Вера, – даже и думать не хотят о том, чтобы куда-то переселяться, тем более так далеко от родного дома. Все это требует обсуждения. К тому же здесь присутствуют и представители наших соседей из Столицы; возможно, они тоже захотят присоединиться к дискуссии. Каждый имеет право высказать свою точку зрения совершенно свободно. Итак, разрешите мне первыми предоставить слово Андре и Льву, кото-

рые выступят от имени разведчиков: пусть расскажут нам, что видели и что нашли в диких краях.

Андре, плотный застенчивый мужчина лет тридцати, описал их путешествие на север. Говорил он тихо и невнятно, однако люди слушали с напряженным вниманием, ибо перед ними постепенно возникала картина того мира, что расстилался далеко за пределами привычных полей. Кое-кто в задних рядах, однако, вытягивал шею, чтобы лучше разглядеть людей из Столицы, о присутствии которых Вера столь вежливо всех предупредила. Да, они действительно стояли возле самого крыльца – шестеро мужчин в коротких кожаных куртках и грубых высоких ботинках: телохранители и верные псы своих Хозяев; у каждого на бедре длинный нож в ножнах и плеть, аккуратно свернутая и заткнутая за ремень.

Андре пробормотал что-то в заключение и передал слово Льву, стройному и очень худому юноше с густыми черными блестящими волосами. Лев начал тоже нерешительно, подыскивая нужные слова, чтобы как можно лучше описать ту долину, которую они наконец нашли, и объяснить, почему она показалась им наиболее подходящей для нового поселения. Но постепенно голос его зазвучал живее, он увлекся, словно увидев перед собой то, о чем старался поведать своим слушателям – широкую долину и спокойную реку, которую они называли Безмятежной, и озеро в горах над нею, и болотистые земли, где растет дикий рис, и отличный строевой лес, и залитые солнечным светом склоны холмов, где могут раскинуться сады и огороды, и прекрасные участки для постройки домов на высоких сухих местах – не то что здесь, в грязи и сырости. Он рассказал об устье реки, о заливе, в который она впадает, где полно съедобных моллюсков и водорослей; и еще он много говорил о горах, что окружают долину, защищая ее от северных и восточных ветров, которые делают зиму в Шанти такой мучительной и промозглой.

– Их вершины вздымаются за облака, туда, где вечный покой и вечно сияет солнце, – говорил он. – Они обнимают долину, как мать младенца. Мы назвали их Горы Махатмы. Чтобы как следует убедиться, насколько они задерживают сильные холодные ветры, мы прожили там целых пятнадцать дней. Там ранняя осень – все равно что здесь разгар лета, только ночи чуть холоднее; зато дни солнечные и никаких дождей. Упорный считает, что в этой долине можно собирать три урожая риса в год. В лесах довольно много диких фруктов, а рыбная ловля в реке и заливе будет хорошим подспорьем поселенцам, особенно сначала – до первого урожая. А какие там ясные зори! Мы задержались не только потому, что хотели выяснить, какая будет погода. Просто трудно было сразу уйти из этих замечательных мест, хотя домой и хотелось.

Люди слушали как зачарованные и довольно долго еще молчали, когда Лев кончил говорить.

Потом кто-то спросил:

– А как далеко это? Сколько дней пути?

– Это выяснит головная группа; она же выполнит и основную работу по прокладыванию пути. Эта группа должна выйти на несколько дней раньше остальных и отметить наиболее легкий путь. Возвращаясь назад, мы сознательно избегали тех труднопроходимых районов, которые пересекли, когда шли на север. Самое сложное препятствие – наша река Спящая; переправляться через нее придется на лодках. Остальные речки можно перейти вброд, за исключением Безмятежной.

Посыпались еще вопросы; теперь люди вышли из состояния восторженного восхищения и, разбившись на группы, ожесточенно спорили под своими зонтами из красных листьев. Наконец снова попросила слова Вера, и все примолкли.

– Мне хотелось бы представить вам одного из наших соседей; он собирается кое-что нам сообщить, – объявила она и пропустила вперед мужчину, стоявшего у нее за спиной.

Его черный наряд был подпоясан широким ремнем с серебряной пряжкой, украшенной искусной чеканкой. Те шестеро, что до того стояли возле крыльца, тоже поднялись навстречу и

полукругом обступили человека в черном, как бы отделяя его от остальных людей, находившихся на крыльце.

– Приветствую вас, – сказал человек в черном. Голос его звучал сухо, негромко.

– Фалько, – перешептывались люди. – Это сам Хозяин Фалько.

– На меня возложена приятная обязанность передать поздравления от правительства Виктории этим храбрым исследователям и путешественникам. Их карты и отчеты станут ценнейшим вкладом в Государственный Архив нашей Столицы. Планы ограниченной миграции земледельцев и работников ручного труда в настоящее время внимательно изучаются Советом. В данном случае четкая организация и контроль совершенно необходимы, чтобы обеспечить безопасность и благополучие всего нашего общества в целом. Как то совершенно ясно доказала данная экспедиция, мы, люди, обитаем лишь в одном небольшом районе, в единственном райском уголке огромного и неизведанного мира. Мы, которые прожили здесь дольше всех, хранящие записи о первых годах жизни колонии, знаем, что необдуманные планы рассеивания людей по столь обширной территории могут угрожать нашему выживанию здесь, и мудро поступят те, кто будет соблюдать порядок и строгие правила взаимодействия. С удовольствием сообщаю вам также, что Совет приглашает храбрых разведчиков прибыть в Столицу, где намерен от имени всех ее жителей поздравить их и щедро вознаградить за старания.

Теперь воцарилась тишина совсем другого рода.

Первой заговорила Вера; она выглядела очень хрупкой рядом с высокими грубыми мужчинами в кожаных куртках, но голос был чист и звонок.

– Мы благодарны представителю Совета за любезное приглашение...

– Совет намерен пригласить членов экспедиции, после того как изучит их карты и отчеты, то есть через три дня, – вставил Фалько.

Снова возникла напряженная пауза.

– Мы еще раз благодарим советника Фалько, – вмешался Лев, – и отклоняем его приглашение.

Андре, старший из них, крепко сжал руку Льва и что-то горячо зашептал ему на ухо; люди на крыльце начали оживленно переговариваться, но огромная толпа перед Домом Собраний хранила молчание и оставалась недвижима.

– Нам необходимо сперва обсудить несколько очень важных вопросов, – пояснила Вера, обращаясь к Фалько, однако сказала она это достаточно громко, чтобы могли слышать все. – Только тогда мы будем готовы принять приглашение Совета.

– Все важные вопросы обсуждаются Советом, сеньора Адельсон. И решение уже принято. От вас ожидается лишь соблюдение законов и послушание. – Фалько поклонился – только Вере, – поднял руку, приветствуя толпу, и спустился с крыльца в окружении своих телохранителей; люди широко расступились, давая им пройти.

На крыльце тут же образовались две группы: члены экспедиции и другие, главным образом молодые, мужчины и женщины собрались вокруг Веры, а их оппоненты – вокруг светловолосого голубоглазого человека по имени Илия. Внизу, в толпе, происходило деление по тому же принципу, и вскоре собравшиеся стали похожи на лес из деревьев-колец: небольшие кольца состояли главным образом из молодежи, а кольца побольше – из людей старшего поколения. Все спорили страстно, однако совершенно беззлобно. Когда какая-то высокая старуха начала вдруг трясти своим красным зонтом перед носом у что-то горячо доказывавшей девушки и кричать: «Сбежать хотите! А нас на съедение Хозяевам бросить! Трепку бы вам задать хорошую!» – и действительно огрела девушку своим зонтиком, то люди вокруг разъярившейся старухи мгновенно как бы растаяли, разошлись и увели с собой девушку. Старуха осталась в полном одиночестве, покраснев, точно собственный зонтик, которым все еще лениво замахивалась неизвестно на кого. Впрочем, вскоре, нахмурившись и что-то бормоча себе под нос, она присоединилась к другому кружку.

Две группы на крыльце к этому моменту уже воссоединились. Илия говорил с тихой убежденностью:

– Прямое пренебрежение – это уже насилие, Лев, не хуже удара кулаком или ножом.

– Поскольку я отвергаю насилие, я отвергаю и служение тому, кто насилие совершает, – сказал молодой человек.

– Отвергая просьбу Совета, ты сам провоцируешь насилие.

– Аресты, избиения? Что ж, возможно. Но что нам, в конце концов, нужно, Илия? Свобода или же самая примитивная безопасность?

– Отвергнув приглашение Фалько – пусть даже во имя свободы или чего-то там еще, – ты провоцируешь репрессии. Ты играешь ему на руку.

– Мы и так уже у него в руках, разве нет? – вмешалась Вера. – И хотим мы все одного – вырваться на свободу.

– Да, все согласны: действительно, давно настала пора объясниться с Советом – поговорить с ними честно, разумно. Но если мы начнем с открытого неповиновения, с морального насилия, то ничего не добьемся, и они все равно станут действовать с позиции силы.

– Мы вовсе не собирались выказывать им неповиновение, – сказала Вера. – Мы просто намерены придерживаться собственных воззрений. Но если они начнут с применения силы, то ты же понимаешь, Илия: любая наша попытка о чем-то договориться будет выглядеть как сопротивление.

– Сопротивление в данном случае бесполезно, и мы непременно должны добиться нормальных переговоров! Если же к ним примешается насилие – в любой форме! – то истину будет доказать трудно и наши жизни, наши надежды на свободу будут растоптаны. Править будет сила, как это было на Земле!

– Она там правила не всеми, Илия. Только теми, кто соглашался ей подчиниться.

– Земля изгнала наших отцов, – сказал Лев. Лицо его светилось; голос звучал громко и требовательно, как басовая струна арфы, когда по ней ударят особенно сильно. – Мы изгои и дети изгоев. Разве не сказал Создатель, что изгой – это свободная душа, дитя Господа? Наша жизнь здесь, в Шанти, – не свободная жизнь. Там, на севере, в новом поселении мы будем свободны.

– А что такое свобода? – спросила стоявшая подле Илии красивая темноволосая женщина по имени Сокровище. – Не думаю, что вы придете к ней путем открытого неповиновения, сопротивления силе, упрямства. Свобода будет с вами, только если вы выберете тропу любви. Принять все – значит и получить все.

– Нам был дан целый мир, – сказал Андре, как всегда смущаясь. – Разве мы его приняли?

– Открытое неповиновение – это ловушка, насилие – это тоже ловушка; и от того, и от другого необходимо отказаться – мы именно так и поступаем, – сказал Лев. – Уходим свободными. Хозяева непременно попытаются остановить нас, используя как моральное, так и физическое давление; однако насилие – оружие слабых. Стоит нам поверить в себя, в нашу общую цель, в нашу общую силу, стоит нам сплотиться, и все их могущество растает, как тают тени в лучах восходящего солнца!

– Лев, – тихо сказала темноволосая женщина по имени Сокровище, – Лев, но это ведь и есть мир теней.

2

Налитые дождем тучи плыли длинными размытыми вереницами над Спящим заливом. Дождь все стучал и стучал по черепичной крыше Каса-Фалько. В дальнем конце дома, в кухонных помещениях, слышались далекие голоса не замершей еще жизни, переговаривались слуги. Но больше ни звука – только стук и шелест дождя.

Люс Марина Фалько Купер сидела под окном на уютном диване, подобрав колени к подбородку. Порой она смотрела сквозь толстое зеленоватое стекло на море, на дождь и на тучи. Порой опускала глаза на раскрытую книгу, что лежала возле нее, и прочитывала несколько строк. Потом вздыхала и снова смотрела в окно. Книга оказалась неинтересной.

И очень жаль! Она так надеялась! Она никогда прежде не читала книг.

Ее, разумеется, учили читать и писать, как дочь самого Хозяина Фалько. Помимо затверживания уроков наизусть, ей приходилось переписывать в тетрадь правила поведения, различные заповеди, она могла также написать письмо – приглашение в гости или, напротив, отказ от чьего-либо приглашения – и украсить письмецо изысканной рамочкой, красиво написать приветствие и расписаться. Однако в школе они пользовались грифельными досками и тетрадками, которые учительницы надписывали от руки. Книг же она никогда даже не касалась. Книги были слишком драгоценны, чтобы ими пользоваться в школе; их в мире и существовало-то всего несколько десятков. Они хранились в Архиве. Однако сегодня днем, войдя в гостиную, она увидела на низеньком столике небольшую коричневую коробку и подняла крышку, чтобы посмотреть, что там внутри. «Коробка» оказалась полна слов. Аккуратных крохотных словечек, в которых все буквы были одинакового размера, и что же за терпение нужно было иметь, чтобы так аккуратно выписать их все! Книга, настоящая книга с Земли! Должно быть, ее забыл там отец. Люс схватила книгу, отнесла к окну, уселась на диван и снова осторожно открыла «крышку», а потом очень медленно прочитала все, и крупные, и мелкие слова на самой первой странице.

ОКАЗАНИЕ ПЕРВОЙ ПОМОЩИ ПОСОБИЕ ПО ОКАЗАНИЮ ПЕРВОЙ ПОМОЩИ ВО ВРЕМЯ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ И БОЛЕЗНЕЙ

М. Э. Рой, д-р медицины

Женева-пресс

Женева, Швейцария

2027

Лицензия № 83A38014

Женева

Все это показалось ей сущей белибердой. Ну еще «первая помощь» – это понятно, но что за несчастные случаи и болезни? И целая куча заглавных букв, и точки после каждой из них? И что такое «Женева»? Или «пресс»? Или «Швейцария»?

Не менее загадочными были и красные буквы, написанные как бы поверх всего остального, наискосок: ДАР МЕЖДУНАРОДНОГО КРАСНОГО КРЕСТА ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ НА ПЛАНЕТЕ ВИКТОРИЯ.

Она перевернула бумажную страницу, восхищаясь ее качеством. Бумага была куда более гладкой, чем самая тонкая ткань; казалась ломкой, однако легко сгибалась, точно молодой лист тростника. И еще она была совершенно белой.

Люс с трудом, от слова к слову пробивалась сквозь текст и дошла до самого низа первой страницы, а потом начала переворачивать по несколько страниц сразу – все равно большая часть слов для нее ровным счетом ничего не значила. Появились ужасные картинки: она

даже вздрогнула, однако в ней вновь проснулся интерес. Люди поддерживали головы другим людям и дышали им в рот; потом последовали изображения костей как бы изнутри или вен внутри, например, руки; затем пошли цветные рисунки на восхитительной блестящей бумаге, похожей на стекло: люди с красными пятнышками на плечах, или с огромными красными прыщами на щеках, или с отвратительными нарывами по всему телу, а под картинками загадочные слова: аллергическая сыпь, корь, ветрянка, оспа. Люс внимательно рассмотрела все картинки, изредка пытаясь с налету вычитать что-нибудь на соседней странице. Она поняла, что это книга по медицине и что это, должно быть, доктор, а не отец забыл ее здесь на столике прошлой ночью. Доктор был хорошим человеком, только чересчур обидчивым и раздражительным; интересно, он рассердится, если узнает, что Люс рассматривала его книгу? Ведь своих тайн книга ей все равно не раскрыла. Доктор тоже никогда не отвечал на вопросы. И предпочитал хранить свои секреты при себе.

Люс снова вздохнула и посмотрела в окно, на растрепанные дождевые облака. Картинки она уже все видела, а слова были ей неинтересны.

Она встала, и в ту самую минуту, когда она клала книгу точно так, как та лежала прежде, в комнату вошел отец.

Движения его были энергичны, спина прямая, взгляд ясный и жесткий. Он улыбнулся, увидев Люс. Немного растерявшись, чувствуя свою вину, она присела перед ним в шутовском реверансе, юбками прикрывая и низенький столик, и книгу на нем.

– Господин мой! Тысяча приветствий!

– Ах ты, моя маленькая красавица! Микаэл! Горячей воды и полотенце – я как будто буквально в грязи вывалился. – Отец уселся в одно из резных деревянных кресел и вытянул перед собой ноги; спина его оставалась как всегда прямой.

– Где же это ты так перепачкался, папа?

– Среди этого сброда.

– В Шанти-тауне?

– Три вида живых существ прибыли с Земли на планету Виктория: люди, вши и шантийцы. Если бы я мог избавиться только от одного из этих видов, то выбрал бы последний. – Он снова улыбнулся, довольный собственной шуткой, потом посмотрел на дочь и сказал: – Один из них осмелился возражать мне. По-моему, ты его знаешь.

– Я его знаю?

– По школе. Детям этого сброда не следовало бы позволять посещать школы. Забыл его имя. У них не имена, чушь собачья – Липучка, Вонючка, Как-тебя-там... Ну такой тощий как палка мальчишка, с копной черных волос...

– Лев?

– Вот именно. Настоящий возмутитель спокойствия.

– А что он такого тебе сказал?

– Он сказал мне «нет».

Слуга примчался с тазом и кувшином горячей воды, за ним шла служанка с полотенцами. Фалько тщательно оттирал руки и лицо, отдувался, фыркал и все время продолжал говорить:

– Он и еще несколько человек только что вернулись из экспедиции на север дикого края. Уверяют, что нашли отличное место для нового города. И хотят, чтобы все жители Шанти переехали туда.

– И покинули Шанти-таун? Все сразу?

Фалько нарочито громко фыкнул и выставил вперед ногу в высоком ботинке, чтобы Микаэл его разул.

– Как будто они способны хоть одну зиму прожить без поддержки и заботы Столицы! Земля пятьдесят лет назад выслала их сюда, этих тупиц, не способных ничему научиться. Что ж, такими они и остались. Пора снова дать им хороший урок.

– Но не могут же они просто так взять и уйти в дикие края? – сказала Люс, которая слушала не только отца, но и собственные мысли. – Кто тогда будет возделывать наши поля?

Отец не обратил на ее вопрос внимания, но повторил его иначе, как бы превратив заключенные в нем женские эмоции в чисто мужскую трезвую констатацию факта.

– Разумеется, нельзя позволить им начать разбредаться подобным образом. Они выполняют общественно-необходимую работу.

– А почему сельским хозяйством занимаются именно жители Шанти?

– Потому что ни на что другое они не способны. Убери с дороги эту грязную воду, Микаэл.

– Вряд ли кто-нибудь из наших людей умеет возделывать землю, – заметила Люс.

Она размышляла. У нее были темные, круто изогнутые брови, как у отца, но когда она думала, брови вытягивались у нее над глазами в ровную линию. Это очень не нравилось Фалько. Мрачно насупленные брови совсем не шли такой хорошенькой двадцатилетней девушке. Они придавали ей чересчур суровый, какой-то неженский вид. Отец часто говорил ей об этом, но она так и не отучилась от этой дурной привычки.

– Дорогая моя, мы ведь жители Столицы, а не крестьяне!

– Но кто в таком случае занимался земледелием до того, как сюда прибыли жители Шанти? Колония существовала уже целых шестьдесят лет, когда они здесь появились.

– Ручным трудом, разумеется, занимались рабочие. Но даже наши рабочие никогда крестьянами не были. Мы все жители Столицы.

– И мы голодали, верно? Были ведь периоды голода? – Люс говорила мечтательно, словно вспоминая уроки по древней истории, однако брови ее по-прежнему были сдвинуты в одну темную линию над глазами. – Первые десять лет на Виктории, да и потом тоже... многие люди голодали. Они не умели выращивать болотный рис или копать сладкий корень, пока не прибыли шантийцы.

Теперь брови ее отца тоже сошлись в одну черную прямую. Он отпустил Микаэла, горничную, а потом устранил и сам предмет неприятного разговора с дочерью одним решительным взмахом руки.

– Это большая ошибка, – сухо промолвил он, – посылать крестьян и женщин в школу. Крестьяне становятся наглыми, а женщины начинают раздражать.

Два-три года назад от таких его слов Люс непременно расплакалась бы. Она бы тогда сразу сникла, выползла из гостиной и отправилась к себе, чтобы там проливать слезы, пока отец не придет и не скажет ей что-нибудь хорошее. Но теперь он не мог заставить ее расплакаться. Она не понимала, почему теперь это так. Очень странно! Разумеется, она по-прежнему очень сильно любила его и боялась; но теперь она всегда знала, что он скажет в следующий момент. Никогда ничего нового она от него не слышала. Да и вообще ничего нового никогда не происходило.

Она отвернулась и снова сквозь толстое неровное стекло посмотрела на Спящий залив, на изгиб дальнего берега, занавешенного дымкой непрекращающегося дождя. Она стояла прямая, полная сил и жизни в неярком свете сумрачного дня, в своей длинной красной домотканой юбке и блузке с оборочками. Она казалась себе равнодушной и одинокой посреди этой длинной, с высокими потолками комнаты. И чувствовала, что отец смотрит на нее. И знала, что он сейчас скажет.

– Пора тебе замуж, Люс Марина.

Она подождала, пока он произнесет следующую фразу.

– С тех пор, как умерла твоя мать... – Последовал тяжкий вздох.

Довольно, довольно, довольно!

Она повернулась к нему лицом.

– Я читала эту книгу, – сказала она.

– Книгу?

– Ее, должно быть, доктор Мартин позабыл. Что значит «исправительная колония»?

– С какой стати тебе понадобилось это читать?

Он был весьма удивлен. Ну что ж, уже интересно.

– Я думала, что это коробка с сушеными фруктами, – сказала она и рассмеялась. – Но что все-таки значит «исправительная колония»? Колония для преступников? Тюрьма?

– Тебе это знать совершенно необязательно.

– Наши предки ведь были сосланы сюда как заключенные, верно? Именно так говорили в школе ребята из Шанти-тауна. – Фалько начинал бледнеть, однако опасность только раззадорила Люс; мысли ее стремились вперед, и она говорила то, что давно уже было у нее на уме. – Они говорили, что все Первое Поколение состояло из преступников. Земное правительство использовало Викторину как тюрьму. А вот шантийцев сослали сюда за то, что они верили в мир или во что-то такое. Мы же оказались здесь, потому что все были ворами и убийцами. И большая часть Первого Поколения состояла из мужчин; их женщины не могли прилететь сюда, поскольку не все были за ними замужем, и именно поэтому здесь сперва женщин очень не хватало. Мне это всегда казалось довольно-таки глупым – ну почему было не прислать достаточно женщин для колонии? Зато теперь мне понятно, почему те космические корабли могли долететь только сюда. Вернуться на Землю они уже не могли. И почему жители Земли никогда сюда не прилетали. Нас просто вышибли вон и заперли за нами дверь. Это ведь правда, не так ли? Мы называем себя Колония Виктория. Но на самом деле мы – тюрьма.

Фалько уже встал. Потом медленно подошел к ней. Она стояла неподвижно, с высоко поднятой головой, крепко упершись ногами в пол.

– Нет, – легко, даже почти равнодушно сказала она. – Нет, не смей, папа.

И этот голос остановил его; подавив гнев, он застыл, глядя на нее. На какое-то мгновение он увидел ее по-настоящему. Она поняла по его глазам, что он увидел ее, теперешнюю, по-настоящему. И он испугался. Но лишь на мгновение, на одно мгновение.

Потом он резко отвернулся. Подошел к столику и взял книгу, которую забыл доктор Мартин.

– Что все это значит, Люс Марина? – спросил он наконец довольно спокойно.

– Я просто хотела знать.

– Это произошло сто лет назад. И с Землей мы расстались навсегда. И мы такие, какие есть.

Она кивнула. Когда он говорил своим обычным тоном, сухо и спокойно, она снова видела в нем ту силу, которой всегда восхищалась, перед которой преклонялась.

– Что меня особенно злит, – сказал он совершенно беззлобно, – так это то, что ты наслушалась рассказней этого сброда. Они вечно все переворачивают с ног на голову. А что они знают? Вот ты позволила им рассказывать, что Луис Фирмин Фалько, мой прадед, основатель нашего дома, был вором, тюремной пташкой, уголовником. Да что им об этом известно! А вот я действительно знаю историю нашей семьи и могу рассказать ее тебе – чтобы и ты поняла, каковы были они, наши предки. Это были настоящие мужчины. Слишком сильные для Земли. Правительство выслало их с Земли на другую планету, потому что боялось их, самых лучших, самых смелых, самых сильных из мужчин. Да, их просто боялись – тысячи тысяч жалких людишек на Земле боялись их, так что выслали с Земли на ракетах, неспособных вернуться... Людишки желали распоряжаться Землей по своему усмотрению. Понимаешь? Ну и что же, когда дело было сделано, когда все настоящие мужчины с Земли улетели, там остались одни слабаки и слюнтяи, которым оказался страшен даже такой сброд, как теперешние шантийцы. Тогда и тех тоже выслали с Земли – сюда, к нам, видимо, чтобы мы их привели в божеский вид. Что мы и сделали. Понимаешь теперь? Вот как оно было на самом деле.

Люс кивнула. Она приняла его очевидную попытку как-то оправдаться и успокоить ее, хотя и не понимала, почему он впервые говорил с ней так заискивающе, что-то доказывал, будто она ему ровня. Но какова бы ни была причина такого поведения отца, а его объяснения звучали хорошо; Люс привыкла выслушивать все, что звучит хорошо, и уж потом разбираться в истинном смысле сказанного. Нет, правда, пока она не познакомилась в школе со Львом, ей и в голову не приходило, что кто-то может предпочесть честное высказывание лжи, которая звучит лучше. Люди всегда говорили то, что соответствовало их целям, если были серьезны; а если не были серьезны, то говорили вообще всякую ерунду. И уж во всяком случае, разговаривая с девушками, они вряд ли вообще когда-либо были серьезны. Грязную правду необходимо было от девушек прятать, чтобы их чистые нежные души не загубели и не испачкались. И если уж честно, то свой вопрос насчет исправительной колонии она задала главным образом для того, чтобы отвлечь отца от темы ее замужества; и трюк удался.

Однако же главная проблема с подобными уловками в том, что сама же становишься их жертвой, думала чуть позже Люс, сидя одна в своей комнате. Она затеяла спор с отцом и победила. И он, конечно же, ни за что ей этого не простит.

Все знакомые девушки ее возраста и все ее одноклассницы повыходили замуж уже два или три года назад. Ей удавалось до сих пор избегать замужества только потому, что Фалько сам, возможно бессознательно, не хотел, чтобы дочь его покинула. Он привык к тому, что она всегда дома. Они были похожи, очень похожи; им нравилось общество друг друга; может быть, больше, чем кого бы то ни было другого. Но в этот вечер он смотрел так, словно вдруг вместо нее увидел кого-то другого, совсем ему непривычного. Если он станет замечать в ней черты, отличные от его собственных, если она начнет выигрывать в спорах с ним, если она перестанет быть его «любимой крошкой», то он вполне может задуматься о ее новых свойствах... и о том, какая от нее теперь ему польза...

А какая от нее действительно польза, что она, собственно, может? Ну, продолжить род Фалько, естественно. А что из этого следует? Или Эрман Маркес, или Эрман Макмилан. И ничегошеньки она с этим поделаться не сможет. Она непременно станет чьей-то женой. Она непременно станет чьей-то невесткой. Она непременно будет закручивать волосы в строгий пучок, и бранить слуг, и равнодушно слушать, как мужчины после ужина пьянствуют в гостиной, и у нее будут дети. По одному каждый год. Маленькие Маркесы Фалько. Маленькие Макмиланы Фалько. Эва, подруга ее детских лет, вышла замуж в шестнадцать; она уже родила троих и ожидала четвертого. Муж Эвы, сын советника, Альдо Ди Джулио Герц, бил ее; и она этим гордилась. Она демонстрировала свои синяки и шептала: «Ах, у Альдито такой темперамент! Он прямо-таки диким становится, словно мальчишка в припадке ярости».

Люс скорчила рожу, плюнула прямо на красиво выложенный плитками пол своей комнаты и оставила плевок на самом видном месте. Потом уставилась на маленький сероватый пузырь и подумала, что ей до смерти хотелось бы утопить в этом плевке Эрмана Маркеса, а потом и Эрмана Макмилана. Она чувствовала себя грязной. Комната казалась ей тесной и тоже грязной: настоящая тюремная камера. И она не выдержала, сбежала от этих мыслей и от этой комнаты. Стрелой бросилась в гостиную, подобрала юбки и по приставной лесенке взобралась на чердак, под самую крышу, куда никто больше никогда не заглядывал. Там она уселась прямо на пыльный пол – крыша, гудевшая от дождевых струй, была слишком низкой, чтобы на чердаке можно было стоять, – и дала волю своим мыслям.

Мысли ее тут же устремились прочь от этого дома, от только что пережитых мгновений – назад, в те времена, когда ей было просторнее жить.

На игровом поле за школьным зданием весенним днем двое мальчиков играли мячом в салки, оба из Шанти-тауна, Лев и его дружок Тиммо. Она стояла на крыльце и наблюдала за ними, удивляясь тому, что видела, – быстрые, ловкие движения рук, прямые спины, гибкие, стройные тела, мелькание мяча в солнечных лучах. Они словно исполняли беззвучно какое-

то музыкальное произведение, нет, то была музыка движений. Свет солнца вдруг скрыли грозовые облака с золотистыми краями, наплзшие с запада, от Спящего залива; земля сейчас казалась светлее, чем небеса. Поросшая травой полоса за спортплощадкой тоже была золотистого цвета, трава на ней прямо-таки горела огнем. Горела и сама земля. Лев стоял в ожидании дальнего броска, запрокинув голову и приготовившись схватить мяч; она так и застыла, наблюдая за ним, пораженная красотой движений.

Группа столичных мальчишек вышла из-за школы на площадку, намереваясь поиграть в футбол. Они тут же завопили, чтобы им уступили место, и Лев, вытянувшись во весь рост в красивом прыжке с поднятыми руками, поймал высоко брошенный Тиммо мяч, засмеялся и бросил тем мальчишкам.

Когда они вдвоем проходили мимо крыльца, она сбежала вниз по ступеням:

– Эй, Лев!

Запад у него за спиной горел ослепительным заревом, его фигурка на фоне заката казалась черной.

– Почему ты им отдал мяч просто так?

Она не могла видеть его лицо, стоя против света. Тиммо, высокий красивый мальчик, чуть отступил и ей в лицо не смотрел.

– Почему ты позволяешь им так с собой обращаться?

Лев все-таки ответил.

– Я ничего им не позволяю, – сказал он. И, подойдя к нему ближе, она увидела, что смотрит он прямо ей в глаза.

– Они сказали: «Давай сюда мяч!» – и ты сразу его отдал...

– Они хотели играть по-настоящему; а мы просто дурака валяли. Теперь была их очередь.

– Но они же не попросили мяч у тебя, они тебе приказали! Неужели у тебя совсем гордости нет?

Глаза у Льва были темные, лицо тоже было смуглым, чуточку грубоватым и каким-то незавершенным; он улыбнулся ей – нежно и немного удивленно.

– Гордость? Конечно есть. Если бы у меня ее не было, я бы ни за что не отдал им мяч, пока вволю не наигрался бы.

– Почему у тебя всегда на все готов ответ?

– Потому что в жизни всегда полно вопросов.

Он рассмеялся, но продолжал смотреть на нее так, словно и она сама была для него вопросом, причем неожиданным и не имеющим ответа. И он был прав: она и сама не могла понять, зачем подначивает его и пытается оскорбить.

Тиммо стоял поодаль, явно смущенный. Кое-кто из столичных мальчишек на площадке уже поглядывал в их сторону: ну как же, двое жалких типов из Шанти разговаривают с сеньоритой!

Не сказав ни слова, все трое пошли прочь, вниз по улице, туда, где их нельзя было увидеть со спортплощадки.

– Если бы кто-то из здешних заговорил с кем-то из них так, как они орали тебе, – сказала Люс, – непременно была бы драка. А ты почему не дерешься?

– Из-за футбола?

– Из-за чего угодно!

– Мы деремся.

– Когда? Как? Вы просто уходите прочь, и все.

– Мы каждый день ходим в Столицу, в школу, – сказал Лев.

Теперь он на нее не смотрел, они шли по улице рядом, и лицо его выглядело как всегда – самое обыкновенное мальчишеское лицо, упрямое, немного мрачноватое. Сперва она не поняла, что он имеет в виду, а когда поняла, то просто не знала, что сказать.

– Кулаки и ножи – это еще ерунда, – сказал он и, возможно, сам услышал, как напыщенно и хвастливо у него это получилось, потому что со смехом повернулся к Люс и пожал плечами. – Да и слова в таких случаях не очень помогают!

Они вышли из тени какого-то дома на ровный золотистый свет. Солнце лежало расплавленной кляксой между темным морем и темными тучами, крыши Столицы горели неземным огнем. Трое подростков остановились, глядя на это великолепие света и тьмы на западном краю неба. Морской ветерок, пахнувший солью, простором и древесным дымком, коснулся их лиц холодным дыханием.

– Разве ты не видишь? – сказал Лев. – Ты ведь можешь увидеть – можешь понять, как это должно быть и что есть на самом деле?

И она увидела – его глазами увидела красоту и величие той Столицы, какой она должна была быть.

Но волшебное мгновение промелькнуло. И хотя ореол величия и красоты все еще пылал меж морем и грозовой тучей, а Столица по-прежнему стояла позлащенная и зачарованная на том вечном берегу, однако на улице за их спинами уже слышались чьи-то голоса, кто-то их окликнул. Оказалось, что это девушки из Шанти-тауна, которые задержались в школе, помогая воспитательницам убирать классы. Они ласково поздоровались с Люс, но, как и Тиммо, вели себя несколько настороженно. Чтобы попасть домой, в центр Столицы, ей нужно было сворачивать налево; их путь лежал направо, через холмы и дальше по дороге в Шанти.

Когда она шла по крутой улочке вниз, то на минутку оглянулась, чтобы посмотреть, как они, поднимаясь, удаляются от нее к противоположному концу. Девушки были одеты в брючные рабочие костюмы, яркие, но не чересчур. Столичные девушки всегда фыркали при виде жительниц Шанти, носивших брюки; однако сами старались шить свои юбки из тканей, изготавливаемых в Шанти, если удавалось достать их: тамошние ткани были куда тоньше и лучше окрашены, чем столичная продукция. У юношей и брюки, и куртки с длинными рукавами и воротником-стойкой были кремовато-белыми, из настоящего шелка-сырца. Голова Льва с пышной мягкой шапкой черных волос очень выделялась на этом светлом фоне. Он шел позади остальных рядом с Южным Ветром, красивой девушкой с тихим голосом. По тому, как была повернута его голова, Люс могла догадаться, что он слушает этот тихий голос и улыбается.

– Гадство! – вскричала вдруг Люс и рысью припустила по улице; длинная юбка билась по щиколоткам.

О воспитании Люс слишком хорошо позаботились, чтобы она знала ругательства. Она знала слово «черт!», потому что отец произносил его даже в присутствии женщин, если бывал раздражен, однако сама никогда этого слова не употребляла – оно было собственностью отца. Но Эва уже давно, несколько лет назад, сообщила ей, что «гадство» – тоже очень плохое слово, так что Люс пользовалась им, когда бывала одна.

И тут вдруг, материализовавшись из ничего, подобно чозанаху, горбатая, с глазами-бусинками и чуть ли тоже не покрытая перьями, перед ней возникла ее дуэнья, тетушка Лорес, которая, как Люс надеялась, не выдержала и пошла домой одна еще с полчаса назад.

– Люс Марина! Люс Марина! Где ты была? Я ждала, ждала... уж и в Каса-Фалько сбежала, потом обратно в школу... Ну где же ты пропадала? И почему ты бродишь тут совсем одна? Да не торопись ты так, Люс Марина, у меня уже дух вон.

Но Люс и не подумала идти помедленней, несмотря на стоны несчастной дуэньи. Она упорно мчалась к дому, стараясь скрыть подступившие слезы, слезы гнева и отчаяния. Ну почему ей нельзя пройти по улице в одиночестве?! Почему она никогда ничего не может сделать сама?! Почему здесь всем заправляют мужчины?! Конечно, они устроили так, как нравится им. И старшие женщины на их стороне. И девушкам из хороших семей запрещено ходить одним по улицам Столицы; еще бы, ведь их может оскорбить, например, какой-нибудь пьяный рабочий. А что, если бы это случилось в действительности? Бедняга тогда попал бы в тюрьму, и

ему непременно отрезали бы уши. Ничего себе, хорошенькая перспектива! В подобном случае и репутация самой девушки была бы уничтожена. Ибо ее репутация есть то, что думают о ней мужчины. А мужчины могли думать о ней все, что угодно, делать все, что угодно, управлять всем, чем угодно, создавать все, что угодно, например, создавать законы и нарушать их, но всегда наказывать других, осмелившихся эти законы нарушить. И во всем этом не было места женщинам. Столица была создана не для женщин. Нигде, нигде здесь у них не было ни своего места, ни права – лишь в собственной комнате, в полном одиночестве.

Да, любой житель Шанти-тауна куда свободнее, чем она, Люс. Даже Лев, который не захотел драться из-за футбольного мяча, зато бросил вызов ночи, когда та выросла над краем мира; и Лев над законами Столицы смеялся. Даже Южный Ветер, всегда тихая и мягкая, даже она могла гулять, где хочет, и пойти домой с любым человеком, который ей приятен, рука об руку через поля, где дует вечерний ветерок, словно убегая от приближающегося дождя...

Дождь выбивал барабанную дробь по черепице, когда она укрылась на чердаке впервые, три года назад, в тот день едва добравшись домой. А тетушка Лорес тащила за ней всю дорогу, пыхтя и причитая.

Дождь барабанил по черепице, когда она укрылась на чердаке и сегодня.

Три года пролетело с того вечера, залитого золотистым светом. Пролетело совершенно незаметно. Хотя теперь событий в ее жизни еще меньше, чем тогда. Три года назад она еще ходила в школу; она верила, что когда ее окончит, то благодаря какому-нибудь волшебству станет свободной.

Тюрьма. Вся Виктория – это тюрьма, темница. И нет из нее выхода. Некуда пойти.

Только Лев сумел уйти, вырваться, нашел какое-то новое место далеко на севере, в диком краю, где можно жить свободно... И, вернувшись оттуда, он смело встал перед Хозяином Фалько и прямо сказал ему: «Нет!»

Но Лев-то всегда был свободен! Именно поэтому, когда она с ним рассталась, окончив школу, в ее жизни больше ни разу не возникало ощущения свободы – ни разу с тех пор, как она стояла с ним на холме, глядя на Столицу, залитую золотистым светом солнца в преддверии грозы, и вместе с ним видела, чувствовала, что такое свобода. Но то был один лишь миг. Порыв ветра, взгляд друг другу в глаза...

Уже больше года она даже и не видела его. Он ушел отсюда, вернулся в Шанти-таун, отправился в далекий поход, к тому новому месту в диком краю; он ушел отсюда свободным, забыл ее. Да и с какой стати ему ее помнить? С какой стати ей вспоминать о нем? Ей и без него есть о чем подумать. Она взрослая женщина. И вынуждена смотреть в лицо собственной судьбе. Даже если судьба сулит ей на всю жизнь лишь закрытые двери, а за этими закрытыми дверями – ничего!

3

Два людских поселения на Виктории отстояли на шесть километров. И больше на планете, насколько знали жители Шанти-тауна и Столицы, поселений не было.

Те, кто по работе был связан с рыболовством и вялением рыбы, часто ходили из Шанти в Столицу и обратно, однако большая часть жителей Столицы никогда не посещала Шанти, как и те, кто жил в Шанти и в деревнях, окружавших его, почти никогда не ходили в Столицу.

Пятеро шантийцев – четверо мужчин и одна женщина – шли по дороге, ведущей в Столицу, и остановились на холмах у самой ее границы; они смотрели вокруг с живым любопытством и даже с восхищением, ибо сейчас им была видна вся Столица, раскинувшаяся на холмистом берегу Спящего залива. Они остановились как раз возле Памятника – керамической оболочки одного из тех кораблей, которые принесли на Викторию первых поселенцев, – однако не стали слишком внимательно рассматривать монумент; он, конечно, впечатлял своими размерами, однако был похож на скелет и вызывал скорее жалость, хотя и стоял на вершине холма и храбро задирал свой нос к звездам; служил он главным образом в качестве ориентира для рыбацких лодок, вышедших в море. Нет, этот памятник, эта принесшая их ракета была мертва; а Столица – жива.

– Вы только гляньте, – сказал Хари, старший в группе. – Хоть целый час сидите здесь, все равно всех домов не сосчитаете! Их там сотни и сотни!

– В точности как в городах на Земле, – отметил с особой гордостью более часто бывавший здесь его спутник.

– Моя мать родилась в Москве, в России, – сказал третий мужчина. – Она говорила, что наша Столица там, на Земле, считалась бы всего-навсего небольшим городком.

Но это показалось совершенно неправдоподобным его товарищам, чья жизнь проходила меж залитых водою полей и беспорядочно разбросанных деревенских домов, в постоянной зависимости от собственного тяжелого труда и тесного сотрудничества с соседом, и вне этого их мирка лежали необъятные, равнодушные дикие края чужой планеты.

– Ну вряд ли, – мягко и с легким недоверием возразил ему один из них. – Наверное, она хотела сказать: большим городом?

Так они и стояли в тени пустой оболочки космического корабля, глядя на яркие, чуть ржавого оттенка крыши домов, крытых черепицей или красными листьями тростниковой пальмы, на поднимающийся вверх дым от каминных труб, на геометрически правильные линии улиц, и совсем не хотелось им смотреть на широкий простор пляжей, на прекрасный залив и океан – на пустые долины, пустые холмы, пустые небеса, пустые воды, что окружали Столицу своим величественным безлюдьем.

Стоило им спуститься с холмов и пройти мимо здания школы на центральные улицы, как они полностью позабыли о присутствии дикой природы. Со всех сторон их окружали творения рук человеческих. Дома с маленькими окнами выстроились по обе стороны улицы, окруженные высокими стенами. Улицы были довольно узкие и почти по колено залиты грязью. Кое-где через особенно глубокие лужи были перекинuty хлипкие дощатые мостки, ставшие от бесконечных дождей ужасно скользкими. Прохожих на улицах почти не было, но порой открытая дверь давала возможность заглянуть в кишачные людьми дома, полные женщин, развешенного белья, детей, кухонного чада и голосов. Затем – снова теснота улиц и зловещая тишина.

– Удивительно! Замечательно! – вздыхал Хари.

Они прошли мимо фабрики, где плавил железную руду, добываемую в государственных шахтах, а затем изготавливали различные детали, кухонную утварь, дверные засовы и тому подобное. Ворота были распахнуты настежь, и шантийцы замерли перед ними, не в силах отвести глаза от раскаленной тьмы, освещаемой лишь искрами огня и звенящей от грохота

молотов и молотков, однако какой-то рабочий заметил их и крикнул, чтоб проходили. И они послушно поплелись дальше к улице Спящего Залива, и, добравшись до нее, такой длинной, широкой и прямой, Хари снова воскликнул: «Замечательно!» Мужчины шли следом за Верой, которая хорошо ориентировалась в Столице, к Капитолию. Завидев Капитолий, Хари совсем лишился дара речи и только глядел на него во все глаза.

Это было самое большое здание на планете – раза в четыре выше любого дома – и построенное из камня. Его высокий портик поддерживали четыре колонны, и каждая была вырезана из цельного ствола гигантского дерева-кольца, украшена резьбой и отмыта добела. Тяжелые капители тоже были украшены обильной резьбой и позолочены. Посетители чувствовали себя козявками, проходя меж этих колонн, в эти широкие великолепные ворота неимоверной вышины. Вестибюль был довольно узкий, но с очень высокими потолками, оштукатуренными и побеленными стенами, которые еще в давние времена украсили фресками от пола до потолка. При виде всего этого великолепия шантийцы снова остановились и молча уставились на фрески, ибо на них была изображена Земля.

В Шанти еще оставались люди, которые помнили Землю и с удовольствием о ней рассказывали, однако их воспоминания пятидесятилетней давности были в основном детскими, потому что покинули они Землю детьми. Сейчас были живы всего несколько человек, ко времени высылки успевших стать взрослыми. Некоторые из них потратили не один год, прилежно записывая историю Народа Мира, речи и высказывания его вождей и героев, составляя описания Земли и делая экскурсии в ее далекое и ужасное прошлое. Другие старались вообще не говорить о Земле; самое большее – пели своим детям или внукам, родившимся в изгнании, старинные песни с незнакомыми словами и именами людей или рассказывали им странные сказки о детях и ведьме, о трех медведях, о каком-то царе, что ездил верхом на тигре. Дети слушали, округлив от любопытства глаза. «А что такое медведь? А этот царь тоже был полосатый?»

Что же касается Столицы, то первое поколение ее жителей, сосланное на планету Виктория за полвека до появления там представителей Народа Мира, прибыло главным образом из крупных городов Земли – Буэнос-Айреса, Рио, Бразилиа и прочих культурных и промышленных центров Бразиль-Америки; некоторые из этих людей были на Земле поистине могущественными людьми, обладали и властью, и богатством, и знакомство водили с куда более странными вещами, чем какие-то ведьмы и медведи. Так что неведомый художник изобразил на фресках Капитолия такие сцены, которые казались совершеннейшим чудом тем жителям Шанти, что сейчас смотрели на них: башни со множеством окон, улицы, заполненные машинами на колесах, небеса, полные крылатых машин; женщин в мерцающих, увешанных драгоценностями одеждах, с ярко-красными, как кровь, губами; мужчин, высоких доблестных героев, совершающих немыслимые вещи – сидящих верхом на огромных четвероногих чудовищах или за какими-то большими ящиками из полированного дерева, призывающих куда-то огромные толпы людей, шагающих среди мертвых тел и луж крови во главе построенных рядами других мужчин, одетых совершенно одинаково, под небесами, затянутыми дымом и озаренными вспышками огней... Гости из Шанти должны были либо простоять там, рассматривая фрески, по меньшей мере неделю, либо сразу и побыстрее пройти дальше, ибо опаздывать на заседание Совета не полагалось. Но они все-таки еще раз остановились все вместе у последней фрески, которая сильно отличалась от остальных. Вместо бесконечных лиц, огня, крови и всяческих машин на ней была изображена тьма. Внизу, в левом ее углу, светился маленький голубовато-зеленый диск, а высоко, в правом углу, – другой; между ними и вокруг них – лишь пустота и чернота. И, лишь внимательно присмотревшись, можно было разглядеть, что чернота эта посверкивает бесчисленными крошечными звездочками; а потом вы замечали и прекрасно нарисованный серебристый космический корабль, не длиннее кусочка состриженного ногтя, как бы подвешенный в пустоте между этими мирами.

Сразу же за последней фреской находилась дверь, возле которой стояли два стражника, весьма впечатляющей наружности и одетые совершенно одинаково – в широкие штаны с ремнями, короткие кожаные куртки и высокие ботинки. У них были при себе не только плетки, но и ружья: длинные мушкеты с украшенным ручной резьбой ложем и тяжелым стволом. Большая часть жителей Шанти, разумеется, слышала о ружьях, но никогда их не видела, так что гости уставились на них с любопытством.

– Стоп! – рявкнул один охранник.

– Что? – переспросил Хари.

Жители Шанти давно уже усвоили основной язык Столицы, поскольку и сами были представителями самых различных рас и народов и им тоже требовался некий единый язык общения как между собой, так и с жителями Столицы; однако некоторые старики так и не успели выучиться кое-каким ставшим привычными для столичных жителей словечкам. Хари, например, никогда не слышал слова «стоп».

– Стойте здесь, – сказал охранник.

– Хорошо, – согласился Хари. – Мы должны подождать здесь, – пояснил он остальным.

Из-за закрытых дверей Зала Заседаний доносились голоса выступавших. Вскоре гости из Шанти снова разбрелись по вестибюлю, рассматривая фрески и ожидая, когда их пригласят в зал; охранники тут же велели им собраться и ждать у дверей всем вместе. Наконец двери распахнулись, и делегацию из Шанти под охраной ввели в зал, где шло заседание правительства планеты Виктория; это было обширное помещение, залитое сероватым светом, проникавшим из окон, сделанных очень высоко, почти под потолком. На дальнем конце зала, на возвышении, полукругом стояло десять кресел; на стене за ними висело красное полотнище с голубым диском посередине и десятью желтыми звездами вокруг него. В зале на скамьях сидели еще десятка три человек. Из тех десяти кресел, что стояли на сцене, занято было только три.

Курчавый человек, что сидел за маленьким столиком рядом со сценой, встал и объявил, что делегация из Шанти-тауна испросила разрешения обратиться к Верховному Пленуму Конгресса Виктории.

– Разрешение предоставлено, – сказал один из людей на сцене.

– Пройдите вперед... нет, не здесь, сбоку... – зашептал курчавый и суетился до тех пор, пока не устроил делегацию там, где считал нужным, возле сцены. – Кто из вас будет выступать?

– Она, – сказал Хари, кивнув в сторону Веры.

– Сообщите ваше имя так, как оно записано в Национальном Регистре. Вы должны называть конгрессменов «джентльмены», а советников – «ваше превосходительство», – зашептал курчавый чиновник, хмурясь от волнения; Хари наблюдал за ним с добродушным любопытством, словно тот был чем-то вроде сумчатой летучей мыши. – Ну давайте же, начинайте! – снова засуетился чиновник, потя.

Вера сделала шаг вперед:

– Я Вера Адельсон. Мы пришли, чтобы обсудить с вами наши планы по отправке группы людей на север, чтобы они создали там новое поселение. В течение нескольких последних дней у нас не хватало времени – в связи с уборкой урожая – как следует обсудить этот вопрос, поэтому и возникло некоторое недопонимание наших идей. Теперь все улажено. Ян принес копию карты, которую хотел получить советник Фалько, и мы рады предоставить ее для ваших архивов. Участники экспедиции просили предупредить, что карта недостаточно аккуратно выполнена и точна, однако она дает вполне ясное общее представление о тех краях, что расположены к северу и востоку от Спящего залива; на ней также помечены некоторые приемлемые тропы и броды. Мы от всего сердца надеемся, что она окажется полезной для всего нашего сообщества.

Один из шантийцев протянул чиновнику большой скатанный в трубку лист бумаги, и тот как-то боязливо взял его, предварительно взглядом испросив разрешения у советников.

Вера в белом брючном костюме из шелка-сырца стояла совершенно спокойно и казалась белой статуей в сероватом свете зала; голос ее звучал ровно.

– Сто одиннадцать лет тому назад правительство Бразиль-Америки впервые выслало на эту планету несколько тысяч человек. Пятьдесят шесть лет назад правительство Кан-Америки тоже выслало сюда две тысячи человек. Эти две группы не смешались друг с другом, однако всегда успешно сотрудничали; и теперь Столица и Шанти, по-прежнему значительно отличаясь друг от друга, стали в весьма большой степени взаимозависимы... Первые несколько десятилетий для каждой из высланных групп были очень тяжелыми; многие люди умерли. Однако смертей становилось все меньше, по мере того как мы учились жить здесь. Регистр в течение многих лет, к сожалению, не заполнялся, однако мы оцениваем население Столицы примерно в восемь тысяч жителей, а население Шанти, согласно нашей последней переписи, составило четыре тысячи триста двадцать человек.

На скамьях в зале изумленно заерзали.

– Двенадцать тысяч человек, собравшихся в относительно небольшом районе возле Спящего залива, – это, по нашим расчетам, максимум того, что данные земли способны прокормить без сверхинтенсивного их использования и постоянной угрозы голода. А потому мы полагаем, что настало время расширить территорию проживания людей и основать по крайней мере еще одно новое поселение. В конце концов, места здесь более чем достаточно.

При этих словах Веры Фалько, восседавший наверху, в кресле советника, чуть заметно улыбнулся.

– Поскольку Город и Столица не смешивались, а образовали две совершенно отдельные и независимые группы населения, то нам представляется неразумным предпринимать первую попытку создать новый город объединенными усилиями. Пионеры ведь вынуждены будут жить вместе, вместе работать, полностью зависеть друг от друга, и, разумеется, возникнут смешанные браки. В подобных условиях социальное напряжение, которое появится при попытках сохранить две различные касты, станет, безусловно, непереносимым. Впрочем, так или иначе, пока что выразили желание участвовать в экспедиции и строительстве поселения только жители Шанти... На север намерены отправиться около двухсот пятидесяти семей, то есть примерно тысяча человек. Разумеется, они уйдут не все сразу, но в два-три приема. По мере того как они будут уходить, их места на фермах будут заполняться молодежью, которая остается здесь; кроме того, поскольку Столица тоже явно становится перенаселенной, возможно, некоторые столичные семьи тоже захотят переехать в наши края. Мы будем им только рады. Должна отметить, что даже если пятая часть наших жителей сразу отправится на север, то никакого уменьшения производства продуктов питания не произойдет; к тому же тогда придется кормить на тысячу ртов меньше... Таков вкратце наш план. Мы твердо уверены, что путем целенаправленного совместного обсуждения, высказывания критических замечаний и стремления достичь истины можно прийти к полному согласию, тем более что данный вопрос касается нас всех.

Некоторое время в зале царила тишина.

Какой-то мужчина встал со скамьи, собираясь что-то сказать, однако тут же поспешно сел, увидев, что намерен выступить советник Фалько.

– Благодарю вас, сеньора Адельсон, – сказал Фалько. – О решении Совета вам сообщат позже. Сеньор Браун, каков следующий пункт нашей повестки дня?

Курчавый чиновник яростно махал одной рукой, пытаясь привлечь внимание шантийцев, а другой рукой в это время пытался что-то откопать среди бумаг на своем столике. Оба охранника быстро подошли и встали рядом с Верой и ее спутниками.

– Пошли! – приказал один из охранников.

– Извините, – вежливо возразила ему Вера, – я еще не закончила. Советник Фалько, между нами, боюсь, снова возникло некоторое недопонимание. Мы ведь пришли сообщить

вам, что для себя уже приняли решение, и решение весьма взвешенное. Так что теперь дело за вами, ибо ни мы, ни вы не можем предпринимать подобные действия в одиночку, поскольку решение этого вопроса касается всех нас, вместе взятых.

– Это, видимо, вы не совсем понимаете ситуацию, – сказал Фалько, глядя куда-то поверх Вериной головы. – Вы свое предложение уже внесли. Решение вопроса о новом поселении – это дело правительства Виктории.

Вера улыбнулась:

– Я понимаю, вы не привыкли, чтобы на ваших собраниях выступали женщины; возможно, будет лучше, если от нашего имени далее станет говорить Ян Серов. – Она отступила назад, и крупный светлокожий мужчина занял ее место.

– Видите ли, – проговорил он, как бы продолжая незаконченную Верой фразу, – сперва мы вместе должны решить, что нам нужно и как этого добиться, а уж потом приступить к конкретным действиям.

– Данный вопрос закрыт, – объявил лысый советник Хелдер, сосед Фалько слева. – Если вы будете продолжать мешать работе Пленума, вас придется вывести из зала силой.

– Мы не мешаем работе, мы как раз пытаемся работать с вами вместе! – удивился Ян. Он не знал, куда девать руки, неловко висевшие вдоль тела; кулаки были наполовину сжаты, словно тосковали по ручке мотыги. – Мы непременно должны обговорить этот вопрос окончательно.

Очень тихо Фалько приказал:

– Стража!

Когда охранники с угрожающим видом вновь приблизились, Ян озадаченно посмотрел на Веру, но тут вдруг заговорил Хари:

– Ох, пожалуйста, советник, успокойтесь! Мы всего и хотим-то немного поговорить по-человечески, разве вы не видите?

– Ваше превосходительство! Пусть этих людей выведут отсюда! – крикнул какой-то мужчина со скамьи в зале; остальные тоже стали выкрикивать что-то, словно только ради того, чтобы таким образом быть услышанными теми, кто сидел на сцене.

Жители Шанти стояли спокойно, хотя Ян Серов и юный Кинг довольно обеспокоенно поглядывали на злобные орущие физиономии сидящих в зале. Фалько о чем-то посоветовался с Хелдером, потом знаком приказал что-то одному из охранников, и тот бегом бросился к двери. Фалько поднял руку, призывая соблюдать тишину и порядок.

– Вы должны понять, – сказал он почти мягко, – что не являетесь членами правительства, а напротив – ему подчиняетесь. Что-то «решить», принять какой-то «план» против воли правительства – безусловно, акт неповиновения закону. Чтобы это стало окончательно ясно вам и вашему народу, вы будете задержаны и останетесь здесь до тех пор, пока мы не убедимся, что восстановлен нормальный порядок.

– Что значит «задержаны»? – шепотом спросил Хари у Веры, которая ответила: «Посажены в тюрьму», и Хари понимающе кивнул. Он родился в тюрьме, в Кан-Америке; тюрьмы он не помнил, однако очень своим прошлым гордился.

Теперь в зал вошли уже целых восемь охранников и, толкаясь, начали оттеснять шантийцев к двери.

– В затылок друг другу! А ну поторапливайтесь! Да не вздумайте бежать! – командовал офицер.

Ни один из пяти делегатов не проявил ни малейшего желания сбежать, оказать сопротивление или запротестовать. Юный Кинг, подталкиваемый нетерпеливым охранником, сказал только: «Ох, простите», как если бы в суете нечаянно наступил кому-то на ногу.

Охранники провели их к выходу через вестибюль, мимо фресок, под могучие колонны портика и на улицу. Там они остановились.

– Куда их? – спросил один из охранников.

– В тюрьму.

– И ее тоже?

Все они дружно уставились на Веру, чистенькую, хрупкую, в белом шелковом костюме. Она тоже смотрела на них со спокойной заинтересованностью.

– Босс велел в тюрьму, – сказал, нахмурившись, офицер.

– Езусмария, господин, мы же не можем сунуть ее в одну из этих камер! – воскликнул маленький остроглазый охранник со шрамом через все лицо.

– Так босс велел.

– Но посмотрите, господин, это же дама!

– Ну так отведи ее в Каса-Фалько, и пусть босс сам решает, когда вернется, – предложил другой охранник, похожий на близнеца того, со шрамом.

– Даю вам слово, что никуда не убегу из того места, куда вы решите меня поместить, – сказала Вера, – но я предпочла бы остаться со своими товарищами.

– Пожалуйста, сеньора, хоть вы заткнитесь! – замотал головой офицер. – Ну хорошо. Вы, двое, отведите ее в Каса-Фалько.

– Остальные тоже дадут вам честное слово, если... – начала было Вера, но офицер повернулся к ней спиной и заорал:

– Ну все, хватит! Ступайте! В затылок друг другу!

– Сюда, сеньора, – сказал человечек со шрамом.

На углу Вера остановилась и подняла руку, прощаясь со своими четырьмя спутниками, видневшимися уже на дальнем конце улицы.

– Мир! Мир! – оживленно закричал ей в ответ Хари.

Охранник со шрамом что-то пробормотал и яростно сплюнул в сторону. Оба сопровождавших ее человека имели такую внешность, что Вера непременно испугалась бы, встретить она их одна где-нибудь на улицах Столицы, однако сейчас они шли рядом с нею, и их желание защитить ее было совершенно очевидным даже по их походке. Она догадалась: они воображают себя ее спасателями.

– А эта ваша тюрьма действительно так отвратительна? – спросила она.

– Пьянь, драки, вонь, – кратко ответил человек со шрамом, а его близнец подтвердил это энергичным мрачным кивком. – Там не место для настоящей леди, сеньора.

– А для мужчин там место? – поинтересовалась она, но ни тот ни другой не ответили.

До Каса-Фалько от Капитолия нужно было пройти всего три улицы. Вера увидела просторный приземистый белый дом с красной черепичной крышей. Пышненькая горничная, открывшая двери, страшно разволновалась при виде двух солдат и незнакомой сеньоры; вежливо присев перед ними, она тут же улетучилась, бросив их на крыльце и бормоча под нос: «Ох, езусмария! Езусмария!» Ждать пришлось довольно долго, так что Вера успела поговорить с обоими охранниками и выяснить, что они действительно близнецы, зовут их Эмилиано и Анибал, им нравится работа в охране, потому что платят хорошо, да и сам себе командир в свободное время, однако Анибал – тот, что со шрамом, – очень не любил, когда приходилось долго стоять: от стояния у него болели ступни и распухали суставы. Наконец к ним вышла какая-то девушка, очень стройная и румяная, в пышной длинной юбке.

– Я сеньорита Фалько, – сказала она, быстро взглянув на охранников, однако обращаясь именно к Вере. Вдруг лицо ее вспыхнуло. – Ой, сеньора Адельсон, я вас не сразу узнала! Простите! Входите, пожалуйста.

– Все это действительно очень странно, дорогая, только, видишь ли, я тут не гостя, я арестована, а эти джентльмены были очень ко мне добры. Они решили, что тюрьма – не слишком подходящее место для женщины, так что привели меня сюда. По-моему, им тоже следует войти в дом, если войду я, поскольку они обязаны меня сторожить.

Брови Люс Марины уже сдвинулись в абсолютно ровную прямую линию. Какое-то время она стояла молча.

– Они могут подождать здесь, в прихожей, – сказала она. – Садитесь на эти вот сундуки, – предложила она Анибалу и Эмилиано. – А сеньора Адельсон побудет со мной.

Близнецы смущенно двинулись следом за Верой.

– Пожалуйста, проходите, – сказала Люс, вежливо пропуская Веру вперед, и та вошла в гостиную Каса-Фалько, обставленную деревянными креслами и пуфиками с мягкими подушками и инкрустированными столиками; увидела красивые мозаичные полы, толстые зеленоватые стекла в окнах и огромные мертвые каминные. Так вот какая у нее тюрьма. – Пожалуйста, садитесь, – сказала ее юная тюремщица, прошла к двери, ведущей куда-то внутрь дома, и крикнула слугам, чтобы затопили камин, зажгли лампы и принесли кофе.

Вера не стала садиться. Когда Люс снова подошла к ней, она посмотрела на девушку с нежностью:

– Дорогая моя, ты так добра и так любезна! Но я ведь действительно арестована – по приказу твоего отца.

– Это мой дом, – сказала Люс. Голос ее звучал так же сухо, как у Фалько. – В этом доме к гостям относятся радушно.

Вера коротко вздохнула и покорно села. Пока они шли по улицам, ее седые волосы растрепал ветер; она пригладила их, положила свои тонкие загорелые руки на колени, сплела пальцы.

– Почему он вас арестовал? – Этот вопрос девушка явно подавить не сумела. – Что вы такого сделали?

– Дело в том, что мы специально пришли из Шанти, чтобы обсудить с членами Совета планы создания нового поселения.

– А разве вы не понимали, что они непременно вас арестуют?

– Мы обсуждали в том числе и эту возможность.

– Но о чем же все-таки был разговор?

– О новом поселении – в общем, о свободе, мне кажется. Но нет, моя дорогая, я действительно не должна говорить об этом с тобой. Я обещала быть примерной узницей, а узники не должны проповедовать свои криминальные идеи.

– А почему нет? – заявила пренебрежительно Люс. – Разве идеи заразны? Как грипп?

Вера засмеялась:

– Да, разумеется... Я уверена, что где-то встречалась с тобой, вот только не помню где.

Та же по-прежнему взволнованная горничная поспешно вошла в гостиную с подносом, поставила его на столик и тут же, задыхаясь от волнения, выбежала снова. Люс налила в красные керамические чашечки черный горячий напиток – его называли кофе, но делали из поджаренных корней местного растения.

– Я год назад приходила в Шанти-таун на фестиваль, – сказала она. Властный суховатый тон исчез, теперь голос ее звучал застенчиво. – Мне хотелось посмотреть танцы. А еще вы два раза выступали у нас в школе.

– Ну разумеется! Ты, Лев и все остальные... Вы ведь вместе учились в школе! Значит, ты знала и Тиммо? А ты знаешь, что он погиб во время этого путешествия на север?

– Нет, я не знала. В диком краю... – проговорила девушка и запнулась. – А Лев... Лев тоже сейчас в тюрьме?

– Мы пришли сюда без него. Ты же знаешь, что во время войны нельзя ставить всех своих солдат в одно и то же место. – Вера оживилась, отхлебнула кофе и поморщилась: вкус его был ей неприятен.

– Во время войны?

– Ну разумеется, войны. Только без настоящего боя. Может быть, стоит это назвать «неповиновением», как выразился твой отец. Может быть, как надеюсь я, это просто недоразумение.

Люс по-прежнему ничего не понимала.

– Ты знаешь, что такое война?

– О да. Когда сотни людей убивают друг друга. История Земли, которую мы проходили в школе, прямо-таки напичкана всякими войнами. Но я думала... ваш народ воевать не станет?

– Нет, – согласно кивнула Вера. – Мы не воюем. Во всяком случае, не пользуемся ножами и ружьями. Однако когда мы что-то твердо решаем, то становимся очень упрямыми. А когда это упрямство сталкивается с упрямством других людей, то может возникнуть нечто похожее на войну – борьба идей, та единственная разновидность войны, в которой кто-то действительно способен победить. Поняла?

Совершенно очевидно было, что Люс не поняла почти ничего.

– Ладно, – утешительно сказала ей Вера, – не расстраивайся. Ты все увидишь и поймешь сама.

4

Дерево-кольцо планеты Виктория вело двойную жизнь. Начинало оно ее в виде единственного быстрорастущего побега с зубчатыми красными листьями. Достигнув зрелости, оно начинало обильно цвести крупными медового оттенка цветами. Чозанахи и прочая летучая мелюзга, привлеченная сладостным ароматом, пили сладкий нектар, а заодно и оплодотворяли цветы, забираясь в их горьковато пахнущую сердцевину. Оплодотворенный цветок сворачивался и превращался в круглый, с твердой оболочкой плод. На дереве их могли быть сотни, однако они высыхали и опадали один за другим, и в конце концов на одной из самых верхних ветвей оставался только один огромный черный шар в твердой оболочке и с отвратительным запахом, который все рос и рос, пока само породившее его дерево не поникало печально под этим невыносимым бременем. Затем, в один прекрасный день, когда осеннее солнце еще проглядывало сквозь несущиеся по небу тяжелые, напоенные дождем облака, плод являл миру свои необычайные возможности: окончательно созрев и прогретый солнцем, он взрывался, причем с таким шумом, который можно было услышать за несколько миль. Целое облако пыли и мелких кусочков оболочки плода взлетало в воздух и медленно рассеивалось по близким холмам. Теперь, казалось, окончательно выполнив свою задачу, дерево-кольцо погибнет.

Однако же вокруг центрального ствола начинали энергично вращаться во влажную, богатую перегноем почву несколько сотен созревших зернышек, вырвавшихся со взрывом из крепкой оболочки. Через год молодые ростки уже вовсю соревновались друг с другом за место для корней, и более слабые погибали. И вот лет через десять – и потом еще в течение века, а то и двух – на этом месте поднимались от двадцати до шестидесяти деревьев с медного цвета листьями, создавая правильную окружность, центром которой служил давно исчезнувший главный ствол, их породивший. Каждое из деревьев имело свою собственную корневую систему и крону, однако корневые системы их пересекались, а кроны соприкасались. Это было единое дерево-кольцо. Раз в восемь или десять лет деревья в кольце цвели и приносили маленькие съедобные плоды, семечки которых падали на землю вместе с экскрементами поедавших плоды чозаныхов, сумчатых летучих мышей, фарфалий, древесных шишечников и прочих любителей фруктов. Попав в подходящую почву, такое семечко прорастало и давало одиночный побег; побег вырастал, превращался в дерево и вскармливал единственный плод. Таким образом, весь цикл повторялся снова – от единственного дерева-прародителя к дереву-кольцу и так без конца.

Там, где почва оказывалась особенно благоприятной, деревья росли густо, пересекаясь кольцами, но в любом случае никаких крупных растений в середине кольца не было, только трава, мох и папоротники. Самые старые и мощные кольца настолько истощали землю внутри круга, что она могла даже осесть, и тогда там образовывалась впадина, которая постепенно заполнялась грунтовыми и дождевыми водами, и вскоре круг высоких, старых, с темно-красными листьями деревьев уже отражался в тихой воде пруда. В центре дерева-кольца всегда было тихо. А старинные кольца, те, в которых посередине был пруд, вообще казались самыми тихими и самыми странными местами на планете.

Дом Собраний Шанти-тауна стоял за пределами самого города, в ложине, как раз возле такого кольца деревьев: сорок шесть стволов вздымались ввысь, как колонны с бронзовыми капителями, отражаясь в тихой воде круглого пруда, которую то морщил дождь, то темнили тучи, а то вдруг она начинала сверкать под солнцем, пробившимся в редкие разрывы между тучами и сквозь темно-красную листву. Корни деревьев у берегов пруда со временем обнажились, и на них было хорошо посидеть и помечтать в одиночестве. Одна-единственная пара цапель жила на этом пруду у Дома Собраний. Цапля с планеты Виктория цапель вовсе не была; это была даже не птица. Чтобы описать тот мир, в котором они оказались, изгнанники имели

в распоряжении термины лишь своего старого мира. Существа, что жили возле таких прудов – всегда по одной-единственной паре на каждом, – были длинноногими, светло-серыми рыболовами: так что они стали цаплями. Первое поколение *еще* знало, что это никакие не цапли и вообще не птицы, не рептилии и не млекопитающие. Последующие поколения *уже* не знали, кем цапли не являются, зато по-своему понимали, кто они *есть*. Они были цаплями, и все.

Похоже, цапли эти жили так же долго, как и деревья-кольца. Никто никогда не видел детеныша цапли или ее яйца. Порой они танцевали, но если за танцем и следовало спаривание, то делалось это в глубокой тайне, в ночной тиши дикого края, там, где никто ничего увидеть не мог. Молчаливые, чопорные, элегантные, они устраивали гнезда из красных опавших листьев меж корней деревьев, ловили рыбу и прочих водяных обитателей на мелководье и смотрели – всегда с другого берега пруда – на людей огромными круглыми глазами, такими же бесцветными и прозрачными, как вода. Они не обнаруживали ни малейшего страха в присутствии человека, но никогда не подпускали к себе близко.

Поселенцы еще не встречали на Виктории ни одного крупного сухопутного животного. Самым крупным из травоядных был шишечник – толстое, медлительное, немного похожее на кролика животное, покрытое тонкой водонепроницаемой чешуей; самым крупным хищником была личинка стрекозы примерно в полметра длиной, красноглазая и с зубами, как у акулы. Будучи пойманными, такие личинки бились и царапались в безумном отчаянии до тех пор, пока не погибали; шишечники в неволе отказывались есть, тихо ложились на землю и умирали. В море были, правда, крупные животные; например, «киты» каждую весну заплывали в Спящий залив, и их ловили на мясо. В открытом море встречались и более крупные животные, просто гиганты, похожие на извивающиеся в воде острова. «Киты» эти точно не были китами, но вот кем были или не были те монстры, никто не знал. Они никогда не подплывали близко к рыбачьим лодкам. И животные из полей и лесов тоже никогда близко к людям не подходили. Нет, они не убегали. Просто держались на расстоянии. Некоторое время они следили за чужаками своими блестящими глазами, а потом просто уходили, не обращая на них внимания.

Только чозанахи и яркокрылые фарфальи соглашались порой приблизиться к человеку. Посаженная в клетку, фарфалья складывала крылышки и вскоре умирала; но, если регулярно выставлять для нее блюдечко с медом, фарфалья могла поселиться у вас на крыше, сделать там маленькое, похожее на чайную чашку гнездышко, где, будучи наполовину водным, а наполовину сухопутным животным, она спала. Чозанахи, очевидно, полагались исключительно на свое замечательное умение каждые несколько минут менять облик. Порою, впрочем, они выказывали явное желание полетать вокруг человека или даже сесть на него. Их способность менять не только цвет, но и форму тела основывалась, вероятно, на обмане зрения, а то и на гипнозе, и Лев часто думал: не потому ли чозанахам так нравятся люди, что на них можно поупражняться в различных трюках? Впрочем, если вы сажали чозанаха в клетку, он мгновенно превращался в бесформенный коричнево-грязный комок и через два-три часа погибал.

Ни одно из существ, населявших планету Виктория, не желало жить с человеком вместе. Они не подходили к людям близко. Они избегали их; всегда старались ускользнуть и скрыться в затянутых серой дымкой дождя, сладко пахнущих лесах, или в морской глубине, или – в смерти. У них не было ничего общего с людьми. Человек был здесь чужаком. Он не принадлежал их миру.

– У меня был кот, – любила рассказывать маленькому Льву бабушка. – Толстый и серый. С мягкой шерсткой, похожей на волокно здешнего древесного шелкопряда. На лапках у него были черные полоски. А глазищи зеленые. Он любил вскочить ко мне на плечо и уткнуться носом за ухо, чтобы я получше его слышала, и мурлыкал без конца... вот так! – И бабушка издавала глубокий мягкий дрожащий звук, который приводил в полный восторг слушавшего ее малыша.

– Бабуля, а что он говорил, когда бывал голоден? – И Лев затаивал дыхание, ожидая.

– Мррмяу! Мррмяу!

Бабушка смеялась, и внук тоже смеялся.

Здесь имелся только один вид иных существ – такие же, как он. Другие голоса, лица, руки, объятия – таких же, как он, людей. Других таких же чужаков в этом мире.

За дверями дома, за небольшими возделанными полями лежали дикие края, бесконечный мир холмов, красной листвы и тумана, где никогда не звучал ничей голос. Заговорить там, вне зависимости от того, что и как ты скажешь, означало объявить: «Я здесь чужой».

– Когда-нибудь, – сказал мальчик, – я зайду далеко и узнаю весь этот мир.

Такая возможность совсем недавно пришла ему в голову, и он был полон мыслями об этом. Он рассказывал, как будет делать карты и все такое, но бабуля не слушала его. И вид у нее был печальный. Он знал, что в таких случаях нужно делать. Нужно тихонечко подобраться и потереться носом у нее за ухом, приговаривая: «Мрр, мрр...»

– Да никак это мой котик Минька? Ну здравствуй, Минька! Ой, это, оказывается, и не Минька! Это, оказывается, Левушка! Вот так так!

Тогда он забирался к ней на колени, и ее большие старые коричневые руки обнимали его. На каждом запястье у нее был красивый браслет из мыльного камня. Ее сын Александр, Саша, отец Льва, вырезал их для нее. «Наручники, – сказал он, когда дарил браслеты ей на день рождения. – Наручники Виктории, мама». И все взрослые тогда смеялись, но у бабушки, хотя и она тоже смеялась, вид был грустный.

– Бабуля, а Минька – это было настоящее имя Миньки?

– Ну конечно, глупый.

– А почему?

– Потому что я его назвала Минькой.

– Но ведь у животных имен нет.

– Нет. Здесь нет.

– А почему?

– Потому что мы их имен не знаем, – ответила бабушка, глядя куда-то за поля.

– Бабуля?

– Что? – Ее голос глухо доносился из мягкой груди, на которой он лежал щекой и ухом.

– А почему ты не привезла Миньку сюда?

– Мы ничего не могли взять с собой на космический корабль. Ничего своего. Там не было места. А Минька все равно уже умер к тому времени, как мы сюда долетели. Я была девочкой, когда он был котенком, и я все еще оставалась девочкой, когда он успел состариться и умереть. Кошки ведь долго не живут, всего несколько лет.

– Но люди-то живут долго.

– О да. Очень долго.

Лев смирно сидел у нее на коленях, воображая себя котом с теплой серой шерсткой, мягкой, как хлопковый пух. «Мрр», – тихонько сказал он, но старая женщина, сидя с ним на порожке, смотрела куда-то поверх его головы – на тот мир, куда была сослана.

И вот сейчас, сидя на широком твердом корне дерева-кольца, на берегу пруда, у Дома Собраний, он думал о бабушке, о том коте, о серебряных водах озера Безмятежного, о горах, окружающих озеро... Ему так хотелось на них взобраться, ему виделось, как, выйдя из-под тумана и дождя, он окажется на ледяной, сверкающей от солнца вершине. Мысли так и роились у него в голове. Он сидел спокойно и неподвижно, он для этого и пришел сюда – чтобы побыть в одиночестве и покое; однако ум его беспокойно метался из прошлого в будущее и снова в прошлое. Лишь на мгновение обрел он душевный покой. Благодаря тем цаплям, которые молча вошли в воду с противоположного берега пруда. Подняв свой узкий длинный клюв, цапля посмотрела на Льва. Он тоже посмотрел на нее и будто утонул в этом круглом прозрачном глазу, таком же бездонном, как безоблачное небо; и само это мгновение тоже показалось ему

округлым, прозрачным, исполненным молчания – самое центральное из всех мгновений его жизни, но вечное для этого молчаливого животного.

Цапля отвернулась и наклонила голову, выискивая под водой темное пятно: рыбу.

Лев встал, стараясь двигаться так же бесшумно и ловко, как эта цапля, и вышел за круг деревьев, пройдя между двумя массивными красными стволами, словно в дверь, ведущую в совершенно иной мир. Долина была залита солнечным светом, небо было ветреным и живым; солнце позолотило выкрашенную красным деревянную крышу Дома Собраний, который стоял на южном склоне холма. Там собралось уже довольно много людей, они стояли на ступенях крыльца, на самом крыльце, слышались их голоса, и Лев прибавил шагу. Ему хотелось бежать, кричать. Сейчас не время сидеть в тишине и покое. Сегодня первое утро их битвы, начало их победы.

– Привет! – крикнул ему Андре. – Давай скорей! А то все уже ждут, когда это наш босс Лев наконец заявится!

Лев рассмеялся и побежал; в два прыжка преодолел шесть высоких ступеней крыльца.

– Ну хорошо, хорошо, я опоздал, – сказал он, – но как вы сами-то соблюдаете дисциплину? Где, к примеру, ваши ботинки? А ты, Сэм, что? Полагаешь, вид у тебя приличный?

Сэм, темнокожий плотный человек, на котором, кроме легких белых штанов, больше ничего не было, спокойно стоял на голове возле перил.

Вел собрание Илия. Внутрь они не пошли, а уселись снаружи, окружив крыльцо, потому что солнышко грело очень приятно. Илия был настроен весьма серьезно, как и всегда, впрочем, но прибытие Льва всех несколько развеселило, так что дискуссия получилась оживленной, но недолгой. Настроение собравшихся было ясно практически с первой минуты. Илия предлагал отправить в Столицу на переговоры еще одну группу, но больше никто этого не хотел; зато все хотели созвать общее собрание жителей Шанти и надеялись успеть это сделать еще до захода солнца. Молодежь намерена была позаботиться о том, чтобы были извещены и приглашены жители всех, даже самых отдаленных деревень и ферм. Когда Лев уже собирался уходить, Сэм, который с самым безмятежным видом так и простоял на голове все это время, одним изящным легким движением встал на ноги и, улыбаясь, сказал Льву:

– О Арджуна, это будет великая битва!

Лев, голова которого была занята десятками различных вещей, только улыбнулся ему и рысцой помчался прочь.

Кампания, которую проводили сейчас жители Шанти, была для них совершенно новым делом и тем не менее в чем-то знакомым. Все они – еще со школы и на своих собраниях – давно усвоили основные принципы и тактику мирной борьбы; они знали биографии великих героев-философов Ганди и Кинга, их учения, а также историю возникновения Народа Мира. В ссылке Народ Мира продолжал исповедовать те же идеи и пока что оставался им верен. Шантийцам удалось сохранить собственную независимость ценой того, что они взяли на себя все заботы о снабжении обоих городов Виктории сельскохозяйственными продуктами, щедро и честно делясь ими с соседями. В обмен Столица обеспечивала Шанти кое-какими механизмами и запасными частями, рыбой, которую ловила столичная рыболовецкая флотилия, некоторыми другими продуктами, которые значительно легче было производить на фабриках более старой и благоустроенной колонии. Такой порядок устраивал обе стороны.

Но со временем условия сделки становились все более несправедливыми. Жители Шанти выращивали хлопок и шелковичные деревья и отвозили сырье на столичные ткацкие фабрики. Однако фабрики работали страшно медленно; если жителям города требовалась одежда, то они предпочитали сами спрядать нитки и соткать ткань. Свежая и вяленая рыба, которую они должны были получать в обмен на свои поставки, не поступала. Уловы бедные, объясняли им в Совете. Не поступали и необходимые запчасти для сельскохозяйственных машин. Да, заявили им, Столица производит в том числе и запчасти для ваших машин и уже обеспечила вас ими;

если же селяне столь небрежны в обращении с техникой, то пусть сами ее и чинят. Так оно и продолжалось, и жители Шанти постоянно сглаживали острые углы, чтобы не доводить отношения до критической точки. Они шли на любые компромиссы, приспосабливались, чинили, налаживали. Их дети и внуки, теперь уже ставшие взрослыми, никогда в жизни не видели, как возникает социальный конфликт, как ведется сопротивление, хотя именно мирное сопротивление-то и было связующей силой Народа Мира.

Однако же теоретически они знали, как сохранить дух сопротивления. Они впитали эти знания с молоком матери и использовали их во время тех незначительных конфликтов, что возникали в самом Шанти-тауне. Они наблюдали, как старшие мирно возвращаются домой то после самых ожесточенных споров, то после решения сложнейшей проблемы практически без единого возражения. Они учились улавливать здоровое начало подобных обсуждений, а не самые громкие голоса высказывавшихся. Они учились рассуждать спокойно и каждый раз по-разному, как по-разному относиться и к необходимости вести себя покорно в том или ином конкретном случае. Они усвоили, что всякий акт насилия есть проявление слабости, что сила духа прежде всего в том, чтобы как можно тверже держаться истины.

По крайней мере, они верили в справедливость этих идей и считали, что уроки свои знают назубок, что никто и ничто не заставит их сбиться, засомневаться, что ни один из них, ни при каких провокациях, не станет прибегать к насилию. Они были в этом уверены и этим были сильны.

– На этот раз нам придется нелегко, – говорила им Вера перед отправкой делегации в Столицу. – Вы ведь понимаете это?

Они кивали, улыбались, подбадривали ее. Ну разумеется, будет нелегко. Ради легких побед и стараться не стоит.

Переходя с фермы на ферму на юго-западной окраине Шанти, Лев приглашал людей на большое собрание и отвечал на их вопросы о Вере и остальных заложниках. Кое-кто из крестьян боялся, что столичные жители могут в следующий раз применить силу, и Лев тогда говорил:

– Да, они могут это сделать, могут сделать и кое-что похуже, чем взять нескольких заложников. Нам не стоит надеяться, что они так вот просто согласятся с нашими доводами, тем более когда мы выразили свое несогласие с Советом. Теперь нам предстоит серьезная борьба.

– Но они вооружены... у них ножи... и еще у них есть... знаешь, где секут кнудом, – прошептала испуганно одна из женщин. – Они там своих воров наказывают и... – Она не договорила; все остальные стыдливо прятали глаза и выглядели весьма смущенными.

– Они попались в ловушку того самого насилия, которое применили к ним, заставив оказаться здесь, – сказал Лев. – А мы в эту ловушку не попадемся. Если будем твердо держаться своих убеждений, если будем едины, если будем все вместе. Тогда они увидят нашу силу; увидят, что мы сильнее их. Вот тогда они и начнут к нам прислушиваться. И сами поймут, что такое настоящая свобода.

Его оживленное лицо и звонкий голос внушали такое доверие, он говорил настолько простые, ясные и правдивые вещи, что крестьяне тоже начали смелее смотреть вперед и грядущая конфронтация со Столицей представлялась им уже не такой ужасной. Два брата, получившие свои имена еще во время Великого Похода, Лион и Памплон, особенно воодушевились; Памплон, отличавшийся особенным простодушием, все утро следовал за Львом по пятам с фермы на ферму, чтобы еще разок послушать его рассказы о планах сопротивления Столице.

После полудня Лев работал вместе с отцом и тремя соседскими семьями на рисовом поле; последний урожай уже созрел, и его нужно было убрать во что бы то ни стало. Потом отец отправился ужинать к приятелям, а Лев – к Южному Ветру. Она давно уже вернулась от матери в свой маленький домик на западной окраине города, который они с Тиммо построили после свадьбы. Домик стоял уединенно среди полей, однако до ближайшей группы домов

от него было не так далеко. Лев, Андре или Италия, жена Мартина, а то и все трое вместе, частенько заходили туда поужинать, принося с собой что-нибудь из еды. Лев и Южный Ветер поели вместе, сидя на крылечке и любуясь теплым золотым осенним вечером, а потом вместе пошли к Дому Собраний, где уже сошлись две-три сотни шантийцев, и с каждой минутой люди все подходили и подходили.

Каждый знал, зачем он здесь: чтобы подтвердить другим свою общность с ними и решить, что им следует делать дальше. Настроение у собравшихся было праздничным и несколько возбужденным. Люди по очереди поднимались на крыльцо и выступали, но мысль звучала примерно одна и та же: «Мы сдаваться не собираемся и не позволим расправиться с заложниками!» Когда наконец заговорил Лев, его приветствовали радостными криками: это был внук великого Шульца, возглавившего Великий Поход, исследователь дикого края и, наконец, просто всеобщий любимец. Однако радостные крики вдруг смолкли; в толпе, теперь насчитывавшей более тысячи людей, возникло замешательство. Спустилась тьма, а электрические лампы на ДOME Собраний, питавшиеся от городского генератора, светили так слабо, что с крыльца не было видно, что происходит на фланге. Приземистый, массивный черный предмет, казалось, самостоятельно продвигался сквозь толпу, но, когда он приблизился, стало ясно, что это отряд охранников из Столицы, построенных очень тесно и движущихся, как монолит. Из монолита время от времени вылетало рычание: «Собрания... приказ... угроза» – иных слов было не разобрать, они тонули в гомоне толпы, ибо потрясенные шантийцы начали тут же задавать друг другу вопросы. Лев, стоявший прямо под фонарем, призвал собравшихся к порядку, люди притихли, и стал слышен громкий голос, монотонно повторявший:

– Массовые мероприятия запрещены. Все должны немедленно разойтись. Собрания политического характера запрещены по приказу Верховного Совета под угрозой тюремного заключения и последующего сурового наказания. Немедленно разойдитесь! Ступайте по домам!

– Никуда мы не пойдем! – слышались выкрики в толпе. – С какой стати? Какое они имеют право?

– Немедленно разойтись по домам!

– А ну тихо! – рявкнул Андре таким басом, какого от него никто не ожидал. Тут же воцарилась тишина, и он, как всегда невнятно, буркнул Льву: – Ну теперь давай, говори.

– Представители Столицы имеют полное право высказаться на нашем собрании, – сказал Лев громко и ясно. – И быть выслушанными. И, только выслушав их, мы можем с чем-то не согласиться, однако всегда должны помнить о своем решении никому не угрожать ни словом, ни делом. Мы не станем проявлять ни гнева, ни злобы по отношению к людям, которые пришли сюда. Им мы тоже предлагаем лишь дружбу и любовь к истине!

Он посмотрел на охранников, и офицер по-прежнему монотонно поспешил повторить приказание разойтись. Ответом на его слова была полная тишина. Тишина тяжело повисла над собравшимися. Никто более не сказал ни слова. Никто не пошевелился.

– Ну хватит, довольно! – нарочито громко рявкнул офицер. – Пошевеливайтесь! Все по домам! Живее!

Лев и Андре переглянулись, скрестили руки на груди и... уселись. Упорный, стоявший с ними рядом, тоже сел; сели и Южный Ветер, Илия, Сэм, Сокровище и остальные. Люди внизу тоже начали садиться. В желтоватых полосах света мелькали темные тени; черные фигуры людей как бы складывались пополам с легким шорохом; порой кое-где слышался шепоток или детский смех. Буквально через полминуты все шантийцы уже сидели. Никто из них не остался стоять – стояли только охранники, двадцать тесно прижавшихся друг к другу человек.

– Я вас предупреждал! – выкрикнул офицер, и голос его звучал одновременно обвиняюще и растерянно. Он явно не знал, как ему быть с этими людьми, молча сидевшими на земле и смотревшими на него с миролюбивым любопытством – точно дети на кукольном спектакле,

где сам он выступает в роли марионетки. – Сейчас же встать и разойтись! Иначе я приступаю к арестам!

Никто не сказал ни слова в ответ.

– Ну хорошо. Арестовать три... двадцать человек, что сидят в первых рядах! Встать! Эй, вы, встать, кому говорят!

Те, к кому он обращался непосредственно, а также те, кого тронули за плечо охранники, встали и стояли спокойно.

– А можно моя жена тоже пойдет со мной? – шепотом спросил охранника какой-то мужчина – словно боясь нарушить великое, глубокое спокойствие толпы.

– И чтобы больше никаких митингов! Приказ Совета!

Офицер выругался и повел свой отряд прочь. Охранники гнали перед собой примерно двадцать пять жителей Шанти. Тьма тут же поглотила людей, ибо была непроницаема для слабого света электрических фонариков.

За спинами ушедших толпа продолжала хранить молчание.

Потом над ней взлетел чей-то негромкий голос. К нему присоединились другие голоса. Сперва пение было едва слышным, потом зазвучало все громче. То была старая песня времен Великого Похода:

О, когда придем,
Когда Свободной Земли достигнем,
Построим город мы...
О, когда придем...

Все дальше во тьму уводили охранники арестованных шантийцев, но пение не смолкало; оно звучало громко, слаженно, в общий хор влились уже сотни и сотни голосов, и песня, как колокол, звенела над окутанными ночным мраком тихими землями, что лежали между Шанти-тауном и Столицей Виктории.

Двадцать четыре человека из числа арестованных или по собственной воле отправившихся вместе с ними возвратились в Шанти на следующий день к вечеру. Они ночевали на каком-то складе – наверное, в столичной тюрьме не хватило места для такого количества людей, тем более что шестнадцать из них были женщины и дети. Утром состоялось разбирательство, рассказывали они, а потом им приказали идти домой.

– Но нам велено уплатить штраф, – важно заявил старый Памплон.

Брат Памплон, Лион, был отличным садовником, но сам Памплон, человек медлительный и болезненный, никогда особых способностей ни в чем не проявлял. Так что сегодня был день его славы. Он побывал в тюрьме, совсем как Ганди, как Шульц, как герои на Земле. И он тоже стал героем. От этого он весь прямо-таки светился.

– Штраф? – не веря, переспросил его Андре. – Денежный? Они же знают, что их монеты у нас не в ходу...

– Штраф, – терпеливо пояснил ему Памплон, словно недотепа, – означает: мы должны отработать двадцать дней на новой ферме.

– На какой еще новой ферме?

– Не знаю, они организуют какую-то новую ферму.

– Наши боссы никак решили сами заняться земледелием?

Все засмеялись.

– Да, неплохо бы! Они ведь, небось, тоже кушать хотят, – подхватила какая-то женщина.

– А что, если вы не пойдете на эту новую ферму?

– Не знаю, – смутился Памплона. – Никто ни о чем не спрашивал. Нам вроде бы спрашивать не полагалось. Это ведь было настоящее судебное разбирательство. С судьей. И говорил только этот судья.

– А кто был судьей?

– Макмилан.

– Молодой Макмилан?

– Нет, старый. Советник. Хотя и молодой тоже там был. Ух и здоров он! Прямо как дерево! И все время улыбается. Хороший парень.

Примчался Лев; он только что узнал о возвращении арестованных. Он обнял тех, кто шагнул ему навстречу, и спросил:

– Значит, вы вернулись... Все?

– Да-да, все вернулись, и все в порядке. Теперь можешь спокойно доесть свой ужин!

– А те? Хари и Вера?..

– Нет, те не пришли. Да они их и не видели.

– Хорошо хоть эти-то все вернулись! Они вам ничего не сделали?

Героям дня тут же объяснили, что Лев объявил голодовку до тех пор, пока они не вернутся.

– Да с нами все в порядке! – закричали бывшие пленники. – Пойди скорее поешь чего-нибудь! Что это ты за глупости выдумал!

– Они действительно хорошо с вами обращались? – упорно спрашивал Лев.

– Как с дорогими гостями! – снова высунулся старый Памплона. – Все мы братья, верно? И они нас утром еще и отличным завтраком накормили!

– Ну да, дали наш же собственный рис, который мы сами для них выращиваем! Отличные хозяева, ничего не скажешь! Заперли гостей в каком-то сарае – темнотища, хоть глаз выколи, и холодно, как в погребке. Теперь у меня все кости ломит и ужас как вымыться хочется! У этих охранников вши так и кишат, у одного прямо по шее ползла, я сама видела, здоровенная такая, прямо с ноготь, фу! Скорее бы смыть все это с себя! – Это сказала Кира, миловидная женщина, которая шепелявила, потому что два передних зуба у нее были выбиты; она, правда, утверждала, что по зубам не скушает: они ей якобы только говорить мешали. – Кто меня сегодня переночевать пустит? Не хочется мне домой тащиться, в Восточную Деревню, – уж больно тело ломит, да еще, небось, добрая дюжина вшей по мне ползает!

Пятеро или шестеро сразу предложили ей горячую воду, постель и еду. Да и ко всем бывшим заложникам отнеслись с особым вниманием.

Лев и Андре молча шли по боковой улочке к дому Льва. Вдруг у Льва вырвалось:

– Слава богу!

– Да уж, действительно. Но они вернулись! Значит, сработало. Вот бы еще Вера, Ян и все остальные тоже вернулись...

– С ними тоже все будет в порядке. Но эти-то... ведь никто из них не был готов к аресту, они о нем даже не думали! Я очень боялся, что их изобьют и они испугаются или рассердятся. Это было бы на нашей совести, ведь мы первыми начали сидячий протест. Их из-за нас арестовали. Но они выдержали. Не испугались, не устроили драку. Они были упорны! – Голос Льва дрогнул. – Это я виноват.

– Мы все виноваты, – сказал Андре. – Хотя никто их не посылал: они пошли сами. Они сами так решили. Ты, Лев, просто очень устал, и тебе непременно поскорее нужно поесть. Саша, – крикнул Андре с порога, – заставь своего сына наконец поесть! Заложников накормили в Столице, а теперь ты накорми его.

Саша сидел у очага и полировал песком ручку мотыги. Он быстро глянул на них, и его усы и колючие брови над глубоко посаженными глазами встопорщились.

– Кто может заставить моего сына сделать то, чего он не хочет? – удивился он. – Захочет поесть, так и сам прекрасно кастрюлю с супом найдет.

5

Сеньор советник Фалько давал званый обед, во время которого он думал только о том, что лучше бы он этого не делал.

Ему хотелось устроить настоящий прием в старинном стиле – в стиле Старого Мира, с пятью переменаами блюд, с изящными нарядами и разговорами, с музыкой. Точно в назначенный час явились старшие мужчины – каждый в сопровождении супруги и одной или двух незамужних дочек. Кое-кто из женатых молодых людей, вроде младшего Хелдера, тоже прибыл вовремя. Женщины в длинных вечерних туалетах, украшенные драгоценностями, собрались группкой возле камина на одном конце зала и принялись болтать; мужчины тоже устроились у камина, но на противоположном конце зала; они тоже надели свои лучшие черные костюмы и чинно беседовали. Казалось, все идет как надо, в точности как в те времена, когда дед советника Фалько дон Рамон давал торжественные обеды – в точности такие, как там, на Земле, частенько говаривал дон Рамон с глубоким удовлетворением и убежденностью. Ведь его отец, дон Луис, не только родился на Земле, но и был в Рио-де-Жанейро великим из великих.

Однако кое-кто из гостей вовремя на обед не явился. Время шло, а гости по-прежнему запаздывали. Дочь вызвала советника Фалько на кухню: на лицах поваров было написано полное уныние, ибо великолепный обед мог пропасть. Тогда по команде хозяина в зале мгновенно установили и накрыли длинный стол, гости расселись, и была подана первая перемена. Ее успели съесть, остатки были унесены, сменили тарелки и подали вторую перемену, когда в дом вошли молодой Макмилан, молодой Маркес и молодой Вайлер. Они вошли, ничуть не смущаясь и даже не извинившись, но, что было еще хуже, привели с собой целую банду приятелей, отнюдь не из числа приглашенных. Их было человек семь или восемь – здоровенные буйволы с плетками за поясом, в широкополых шляпах, которые по своему невежеству даже не удосужились снять, прежде чем войти в дом, в грязных ботинках и с бесконечными громкими грязными разговорами. Пришлось как-то устраивать их за столом, тесня прочих гостей. Эти молодые люди явно здорово выпили перед приходом сюда и тут же принялись вовсю лакать лучший эль Фалько. Они без конца щипали горничных, не обращая ни малейшего внимания на дам. Они орали что-то друг другу через весь стол и сморкались в салфетки, украшенные изысканной вышивкой. Когда настал самый торжественный миг и подали главное мясное блюдо, жареных шишечников – Фалько нанял десять трапперов на целую неделю, чтобы устроить столь роскошное угощение, – опоздавшие с такой жадностью набросились на мясо, наложив себе огромные порции, что после них на блюдах мало что осталось, так что на дальнем конце стола вообще никому не хватило. То же самое произошло и когда подали десерт, фруктовое желе в формочках, приготовленное с помощью крахмала, добываемого из корней здешнего растения, и нектара. Кое-кто из молодых людей выковыривал желе из формочек пальцами.

Фалько подал знак дочери, сидевшей в конце стола, и та увела дам во внутренний садик. В отсутствие женщин молодые грубияны почувствовали еще большую свободу – сидели развалясь, плевали на пол, рыгали, сквернословили, и многие уже были пьяны в стельку. Изящные бокалы для бренди – которым славились кладовые Каса-Фалько – опустошались с такой скоростью, точно в них наливали воду, и молодые наглецы орали на ошалевших, растерянных слуг, требуя налить еще. Кое-кому из молодых людей, пришедших ранее, да и мужчин старшего возраста поведение грубиянов явно пришлось по вкусу, а может, они решили, что именно так и следует вести себя на званом обеде, и последовали их примеру. Старый Хелдер, например, так налился, что едва успел отойти от стола, как его вырвало прямо в углу, однако он тут же вернулся и снова принялся пить.

Фалько и некоторые из его ближайших друзей – старший Маркес, Бурнье, доктор – отошли к камину, пытаясь поговорить, однако оглушающий шум, царивший вокруг обеденного

стола, доносился и сюда. Кто-то пустился в пляс, кто-то яростно ссорился; музыканты, нанятые для того, чтобы играть после обеда, смешались с гостями и тоже пили вовсю. Молодой Маркес усадил горничную с белым от страха лицом к себе на колени, и она только тихонько шептала: «Ох, езусмария! Езусмария!»

– Да уж, веселый у тебя получился приемчик, Луис, – сказал старый Бурнье после очередного кошмарного взрыва веселья, сопровождаемого пением и пронзительными криками.

Все это время Фалько хранил спокойствие; лицо его ничуть не изменилось, когда он ответил:

– Вот одно из доказательств нашего вырождения.

– Мальчишки просто не привыкли к подобным вещам. Только в Каса-Фалько и знают, как устроить прием в старинном стиле – такой, как на Земле.

– Они просто выродки, – возразил Фалько.

Его дальний родственник Купер, мужчина лет шестидесяти, согласно кивнул:

– Увы, мы совершенно утратили земной стиль жизни.

– Ничего подобного! – раздался голос у них за спиной.

Все разом обернулись. Это был Эрман Макмилан, один из опоздавших; он жадно пил, ел и орал не меньше остальных, однако особых признаков опьянения сейчас у него заметно, пожалуй, не было, за исключением чересчур яркого румянца на привлекательном юном лице.

– Мне кажется, господа, что мы, как раз наоборот, вновь открываем для себя земной стиль, – продолжал он. – В конце концов, кем были наши предки, прилетевшие сюда из Старого Мира? Уж во всяком случае, не слабаками и не рохлями, верно? Это были сильные, смелые, мужественные люди, которые знали толк в жизни. Теперь и мы этому учимся. Чьи-то планы, законы, правила, манеры – какое все это имеет отношение к нам? Разве мы рабы или женщины? Чего нам бояться? Мы настоящие мужчины, свободные люди, хозяева целого мира! И не пора ли нам унаследовать то, что наше по праву? – Он улыбнулся, почтительно и одновременно нагло, абсолютно уверенный в своей правоте.

На Фалько его слова произвели неожиданно сильное впечатление. Кто знает, а вдруг этот совершенно неудавшийся прием еще сможет принести какую-то пользу? Молодой Макмилан, всегда прежде казавшийся ему только лишь красивым мускулистым животным, одним из множества возможных претендентов на руку Люс Марины, только что продемонстрировал не только волю и решительность, но и разум – три составляющих характера настоящего мужчины.

– Я согласен с вами, дон Эрман, – сказал он. – Однако только потому, что вы и я все еще в состоянии разговаривать друг с другом. В отличие от большей части наших друзей здесь. Мужчина непременно должен уметь не только пить, но и думать. Поскольку лишь вы один, видимо, оказались способны и на то и на другое, скажите: как вы относитесь к моей идее создать здесь латифундии?

– Это такие большие фермы?

– Да. Большие фермы: огромные поля, для достижения наибольшей эффективности засаженные одной-единственной культурой. Согласно моему замыслу необходимо выбрать управляющих латифундиями из наших лучших молодых мужчин; выделить каждому большой участок земли под поместье и достаточное количество крестьян, чтобы обрабатывали поля. И пусть он управляет этим хозяйством, как ему заблагорассудится. Создав подобные латифундии, можно будет получить значительно большее количество продуктов питания. А не занятую в настоящее время часть населения Шанти-тауна можно заставить работать на новых полях и держать под контролем, чтобы заодно предотвратить и всякие там разговоры о независимости и новых колониях. И уже следующее поколение Хозяев Столицы будет включать значительное число настоящих крупных землевладельцев. Мы достаточно долго держались тесным кружком и копили силы. Настала пора, как вы справедливо сказали, воспользоваться предоставленной нам свободой и сделаться истинными хозяевами нашего нового богатого мира.

Эрман Макмилан слушал и улыбался. На его красивых губах вообще почти постоянно играла улыбка.

– Неплохая идея, – сказал он. – Очень даже неплохая, сеньор советник.

Фалько проглотил его покровительственный тон, решив, что Эрман Макмилан – именно тот человек, которым следует воспользоваться.

– Что ж, обдумайте эту идею, – сказал он. – Причем обдумайте в применении к себе самому. – Он понимал, что молодой Макмилан именно этим в данный момент и занят. – Как бы вам это понравилось: получить в полное собственное владение такое поместье, дон Эрман? Маленькое... как это... есть такое старинное слово...

– Королевство, – подсказал старый Бурнье.

– Да. Стать правителем собственного маленького королевства? Может быть, вам это придется по душе? – Голос Фалько звучал льстиво, и Эрман Макмилан горделиво вскинул голову. Этот самовлюбленный юнец никогда не устанет слушать лесть в свой адрес, подумалось Фалько.

– Да вроде бы неплохо, – сказал Макмилан, задумчиво качая головой.

– Чтобы осуществить этот план, нам потребуется ваша энергия и ваши умственные усилия, молодые люди. Открывать новый вид землепользования – это всегда дело непростое, требующее времени. Принудительный труд – вот единственный способ быстро расчистить большие территории. Но если волнения в Шанти будут продолжаться, мы сумеем арестовать достаточное количество бунтовщиков, которых и приговорим к принудительным работам. Впрочем, поскольку они все больше любят языками болтать, их, возможно, придется подтолкнуть на некие противоправные действия. Может быть, даже обломать кнуты о чьи-то спины, чтобы заставить остальных применить силу, то есть, возможно, придется подвести их к восстанию – вы меня понимаете? Ну и как вам нравится такая перспектива?

– О, это с удовольствием, сеньор! Жизнь здесь так скучна. Нам просто необходимы активные действия.

Действия, подумал Фалько. Да, пожалуй, и мне они тоже совершенно необходимы. Мне бы, например, весьма хотелось выбить зубы тебе, наглый юнец, чтобы впредь не смел разговаривать со мной таким снисходительным тоном. Впрочем, ты мне еще пригодишься, и уж я тебя использую. И я буду смеяться последним.

– Именно это я и надеялся услышать! Послушайте, дон Эрман, вы ведь пользуетесь большим авторитетом у молодежи – у вас природный дар лидера. Так нет ли у вас какой-нибудь подходящей идеи на этот счет? Наши охранники вполне надежны и преданны, однако они простолюдины, глупцы, их легко смутить всякими штучками, которые ловко придумывают в Шанти-тауне. Чтобы уверенно повести их за собой, нам действительно необходим некий элитный отряд молодых аристократов, храбрых, умных, готовых выполнить разумные приказы своего командира и любящих сражение, подобно нашим мужественным предкам с Земли. Как вы думаете, можно ли собрать и должным образом подготовить такой отряд? Как, по-вашему, подступиться к такой задаче?

– Вам нужен только лидер, – не колеблясь, сказал Эрман Макмилан. – Я мог бы должным образом натренировать свою команду за одну-две недели.

После этого вечера молодой Макмилан стал частым гостем в Каса-Фалько. По крайней мере раз в день он приходил, чтобы о чем-то переговорить с советником. Когда бы Люс ни заходила в переднюю часть дома, она заставала там Макмилана. Казалось, он вечно торчит у них, и девушка старалась проводить все больше времени в своей комнате, на чердаке или во внутреннем дворике. Она и раньше-то всегда избегала Эрмана Макмилана, но не потому, что он ей не нравился – вряд ли кому-то могло не нравиться нечто столь красивое, – просто ей казалось унижительным, что буквально каждый, стоило Люс и Эрману перекинуться парой

слов, думал или говорил: «Ах, ну конечно, они ведь скоро поженятся!» Хотел он того или нет, но эту идею Макмилан принес с собой, и теперь она тоже вынуждена была думать об этом; но, отвергая подобные мысли, она и раньше всегда смущалась, встречаясь с ним. Теперь она видела его постоянно в собственном доме, однако испытывала те же чувства, хотя и привыкла к нему, как к старому знакомцу. Впрочем, она пришла к выводу: жаль, конечно, но тем не менее вполне возможно, оказывается, не любить даже такого красивого молодого человека.

Эрман вошел в дальнюю гостиную, даже не постучавшись, и остановился в дверях – стройный, гибкий, мускулистый, в мундире, туго перепоясанном ремнем. Он осмотрел комнату, которая выходила в довольно просторный внутренний дворик. Двери в сад были открыты, и шорох мелкого теплого дождя, падавшего на дорожки и кусты, наполнял гостиную покоем.

– Так, значит, вот где вы прячетесь, – сказал он.

Люс мгновенно вскочила. Она была в темной домотканой юбке и белой блузке, которая в полумраке гостиной казалась ярким пятном света. За спиной девушки сидела какая-то женщина за веретеном и пряла.

– Всегда здесь от меня прячетесь, да? – снова спросил Эрман.

Дальше в комнату он не пошел, видимо ожидая приглашения, а к тому же сознавая театральность своей позы в дверном проеме.

– Добрый день, дон Эрман. Вы ищете моего отца?

– Я только что с ним говорил.

Люс кивнула. Ей очень хотелось знать, о чем это Эрман и ее отец столько говорят в последнее время, но, разумеется, спрашивать ни о чем не стала. Молодой человек все-таки прошел в гостиную и остановился напротив Люс, глядя на нее с добродушной улыбкой. Потом взял ее руку, поднес к губам и поцеловал. Люс с гримасой раздражения отдернула руку.

– Что за дурацкая традиция! – сказала она, отворачиваясь.

– Все традиции, в общем-то, глупы. Но ведь старики жить без них не могут, верно? Они считают, что без традиций мир просто рухнет. Целование рук, поклоны, сеньор, сеньора – все должно быть, как в их Старом Мире, в истории, в книгах, в бумажках... Чушь! Но – ничего не поделаешь.

Люс невольно рассмеялась. Хорошо этому Эрману просто взять и отмахнуться, как от полной ерунды, от всех тех вещей, которые тяжким бременем ложатся на душу и приносят столько беспокойства.

– Работа с Черной Гвардией продвигается просто отлично, – сказал Макмилан. – Вы должны как-нибудь прийти и посмотреть наши тренировки. Приходите завтра утром, хорошо?

– Какая еще «Черная Гвардия»? – пренебрежительно спросила Люс, села и снова взялась за работу – изящную вышивку для четвертого ребенка Эвы.

И вот ведь что самое противное в этом Эрмане: стоит разок ему улыбнуться, или поговорить с ним по-человечески, или хотя бы отнестись к нему с легкой симпатией, как он начинает наступать, завоевывать позиции, и тут же приходится давать ему по носу.

– Это моя маленькая армия, – ответил он. – А что это будет?

Он уселся с нею рядом на плетеный диванчик. Места там для его большого тела было явно недостаточно, и Люс с трудом выдернула юбку из-под его ляжки.

– Чепчик, – ответила она, еле сдерживая нараставшее раздражение. – Для будущего малыша Эвиты.

– Ах да, конечно! Эта девушка оказалась прямо-таки замечательной производительницей! У Альдо уже довольно большая семейка, надо сказать! Мы женатых мужчин в Гвардию не принимаем. У нас собралась отличная компания. Нет, вы непременно должны прийти посмотреть.

Люс сделала микроскопический узелок на нитке и ничего не ответила.

– Я тут уезжал осматривать свои владения... Потому и не приходил вчера.

– А я и не заметила, – сказала Люс.

– Выбирал, так сказать, земельную собственность. Присмотрел одну долину – вниз по Мельничной реке. Отличные там места, особенно когда их расчистят. Дом я построю на холме – уже и место для него выбрал. Дом будет большой, похожий на этот, только крупнее, двух-этажный, с верандами и балконами. Ну и разумеется, рядом всякие там амбары, кузня и так далее. А внизу, в долине, возле реки разместятся хижины крестьян, чтобы мне сверху их было видно. На болотистых местах будет отлично расти богарный рис, а на склонах холмов – фруктовые и шелковичные деревья. Леса я кое-где вырублю, а кое-где оставлю, чтобы охотиться там на шишечников. Это будет очень красивое поместье, настоящее маленькое королевство. Поедем со мной в следующий раз, а? Я пришлю экипаж из Каса-Макмилан. Эти места слишком далеко, чтобы девушке идти туда пешком, а вам следует непременно повидать их.

– Зачем?

– Вам там понравится, – уверенно заявил Эрман. – И разве вам не хочется владеть таким поместьем? Владеть целым краем, что раскинулся перед тобой? Владеть большим домом, множеством слуг? Владеть собственным королевством?

– Женщины не бывают королями, – сказала Люс и склонила голову над вышиванием.

Было уже действительно слишком темно для вышивания, однако работа давала ей повод совсем не смотреть на Макмилана. Он, однако, продолжал смотреть на нее, прямо-таки глаз не сводил; лицо его было напряженным, глаза какие-то пустые и почему-то темнее обычного. И улыбаться перестал.

– Ха-ха! – слишком короткий и жалкий смешок для такого великана. – Королями не бывают, зато умеют и без того получать желаемое. Верно же, моя маленькая Люс?

Она продолжала вышивать и ему не ответила.

Эрман приблизил к ней лицо и прошептал:

– Выпроводи эту старуху.

– Что вы сказали? – переспросила Люс спокойно и довольно громко.

– Выпроводи ее, – повторил Эрман и мотнул головой в сторону Веры.

Люс аккуратно воткнула иглу в подушечку, свернула свое вышивание и встала.

– Извините меня, дон Эрман. Мне сейчас необходимо переговорить с поваром, – сказала она и вышла.

Вторая женщина как ни в чем не бывало продолжала прясть. Эрман, закусив губу, посидел еще минутку, потом улыбнулся, встал и медленно, вразвалку пошел прочь, сунув большие пальцы за ремень.

Через четверть часа в дверь гостиной заглянула Люс и, увидев, что Эрмана Макмилана там больше нет, решительно вошла и заявила:

– Ну и дубина! – И сплюнула на пол.

– Он очень красивый молодой человек, – заметила Вера, вытягивая последний пучок шелкового волокна и свивая его в тонкую ровную нить. Затем уложила готовый клубок на колени.

– Очень! – сердито сказала Люс, взяла аккуратно сложенный детский чепчик, над которым трудилась все это время, посмотрела на него, скомкала и швырнула через всю комнату. – Вот же гадство! – выругалась она.

– Тебя, видимо, рассердило то, как он с тобой разговаривал? – полувопросительно предположила Вера.

– Меня злит то, как он разговаривает, то, как он выглядит, то, как он сидит, то, что он вообще существует на свете... Тьфу! «Моя маленькая армия, мой большой дом, мои слуги, мои крестьяне, моя маленькая Люс...» Если бы я была мужчиной, я бы этого Эрмана так башкой об стенку приложила – все бы его роскошные зубы повылетали!

Вера рассмеялась. Она смеялась нечасто, только в тех случаях, когда бывала чем-то озадачена.

– Да нет, ты бы этого делать не стала!

– Стала бы! Да я его убить готова!

– Ох нет! Нет. Конечно же нет. К тому же если бы ты была мужчиной, то знала бы, что ничуть не слабее, чем он, а может, и сильнее, и доказывать это тебе не было бы никакой необходимости. Беда в том, что, будучи женщиной, да еще здесь, где тебе вечно твердят, что ты существо слабое, ты и сама начинаешь в это верить. Смешно слушать его речи о том, что Южная долина – это слишком далеко для молодой девушки и пешком она туда не дойдет! Да там и пути-то километров десять-двенадцать!

– Я так далеко никогда не ходила. Даже и на пять километров от дома не уходила.

– Ну да, это я и имела в виду. Тебя уверяют, что ты слаба и беспомощна. И если ты сама в это поверишь, то не только лишишься разума, но и захочешь причинять людям зло.

– Да, правда, – сказала Люс, быстро поворачиваясь к Вере. – Я хочу причинять людям зло! Хочу и, возможно, стану причинять им зло.

Вера сидела неподвижно, не сводя с нее глаз.

– Разумеется. – Вера помрачнела. – Особенно если выйдешь замуж за человека вроде этого Макмилана и станешь жить его жизнью. Ты ведь на самом деле вовсе не злая, однако, возможно, станешь причинять людям зло.

Люс уставилась на нее.

– Это отвратительно! – сказала она наконец. – Отвратительно! Говорить так. Словно у меня нет никакого выбора. Словно я непременно должна буду всем делать гадости. Словно не имеет значения, чего я на самом деле хочу.

– Ну конечно же это имеет значение!

– Нет, не имеет. В том-то все и дело.

– Нет, имеет. И дело именно в этом. Ты всегда выбираешь сама. Ты сама решаешь, делать тебе выбор или нет.

Люс на минутку застыла, глядя на Веру во все глаза. От возбуждения щеки ее пылали, но брови уже не составляли одну сплошную черную линию над глазами; они взлетели вверх, точно в глубоком изумлении или испуге.

Потом она нерешительно двинулась прочь и вышла через открытую дверь в зеленый внутренний дворик.

Нежным было прикосновение редких капель дождя к ее разгоряченным щекам.

Капли, падая в круглый бассейн из серого камня, посреди которого был небольшой фонтан, рисовали на воде изящные пересекающиеся окружности, порождая непрекращающееся движение-дрожание расплывающихся кругов.

Стены дома и закрытые ставнями окна молчаливо со всех сторон смотрели в сад. Этот внутренний дворик был словно еще одной зеленой комнатой дома, закрытой, защищенной со всех сторон. Но только без крыши. И в этой комнате шел дождь.

Руки Люс стали мокрыми и холодными. Ее пробрала дрожь. Она повернулась и снова вошла в полутемную гостиную, где сидела Вера.

Остановилась перед ней в полосе падающего из открытой двери света и спросила тихо и хрипловато:

– Что за человек мой отец?

Вера ответила не сразу:

– А справедливо ли, что ты спрашиваешь это именно у меня? И что отвечаю именно я?.. Ну хорошо, предположим, справедливо. Но что я могу сказать тебе? Он, безусловно, сильная личность. Король. Настоящий король.

– Для меня это просто слово. Я даже не знаю толком, что оно означает.

– У нас есть старинная легенда... о королевском сыне, который ездил верхом на тигре... Ну, я хочу сказать, что твой отец силен духом, что он велик сердцем и душой. Но когда человек заперт внутри стен, которые сам постоянно, всю свою жизнь укрепляет и надстраивает, возможно, никакой душевной силы не хватит. Он не может выйти наружу.

Люс прошла на другой конец комнаты и подняла из-под стула детский чепчик, который от злости зашвырнула туда, потом выпрямилась и осталась стоять спиной к Вере, разглаживая крошечный кусочек вышитого полотна.

– И я тоже не могу, – проговорила она.

– О нет, нет, – энергично замотала головой Вера. – Ты вовсе не внутри возведенных им стен! И не он защищает тебя – это ты его защищаешь. Когда дует здешний ветер, он дует не на него, а на крышу и стены Столицы, построенной его предками как крепость, как защита от неведомого. А ты – частица этой крепости, этих стен, этого дома – часть его дома, часть Каса-Фалько. Такая же, как и его титул: сеньор, советник, хозяин, босс. Как и все его слуги, как его охрана, как все те, кому он может приказывать. Все это – частицы его дома, те самые стены, что укрывают его от ветра. Понимаешь, о чем я? Наверное, я говорю непонятно, а может, и глупо. Просто не знаю, как это выразить. Но самое важное, как по мне, вот что: твой отец – человек, которому судьбой предназначено было стать великим, но он совершил грубую ошибку: он ни разу не вышел из своей крепости наружу, под дождь. – Вера принялась сматывать только что спряденную нить в клубок, внимательно следя за ней в сумеречном свете гостиной. – И, боясь причинить боль и горе себе, он поступает неправильно с теми, кого любит больше всего. Но затем понимает это и все-таки сам же себе причиняет боль.

– Так он сам себе причиняет боль? – возмутилась Люс. – Не другим?

– О, это мы начинаем понимать в наших родителях позже всего. В самую последнюю очередь. И когда мы это поймем, они перестают быть нашими родителями и становятся просто людьми, такими же, как мы сами...

Люс снова уселась на плетеный диванчик, надела детский чепчик на коленку и стала осторожно двумя пальцами разглаживать его. Она довольно долго молчала, потом сказала:

– Хорошо, что вы оказались здесь, Вера.

Вера улыбнулась, продолжая сматывать нить.

– Давайте я вам помогу. – Люс опустила на колени и стала направлять нить с веретена так, чтобы Вера могла сматывать ее как можно ровнее. Потом вдруг у нее вырвалось: – Какие глупости я говорю! Вы, конечно же, хотите вернуться к своей семье, здесь для вас тюрьма.

– Очень приятная тюрьма! А семьи у меня нет. Но конечно же, я хочу вернуться. Я люблю приходить и уходить, когда захочу.

– Вы никогда не были замужем?

– Да вот все как-то времени не хватало... – безмятежно улыбаясь, ответила Вера.

– Времени не хватало? А нам его больше и тратить не на что!

– Неужели?

– Не выйдешь замуж – останешься старой девой. Так и будешь шить чепчики для чужих детишек. Да приказывать повару сварить рыбный суп. И будешь выслушивать чужие насмешки...

– А ты что, боишься чужих насмешек?

– Да. Очень. – Люс примолкла, распутывая зацепившуюся за выбоину на веретене нить. – Мне наплевать, когда смеются глупцы, – сказала она уже гораздо спокойнее. – Но неприятно, когда тебя все презирают. А в таком случае презрение будет заслуженным. По-моему, требуется немало мужества, чтобы стать настоящей женщиной; не меньше, чем для того, чтобы стать настоящим мужчиной. Мужество требуется и для настоящего брака, и для рождения детей, и для того, чтобы их вырастить.

Вера внимательно посмотрела на нее:

– Да. Это верно. Великое мужество. Однако же спрошу снова: неужели таков твой единственный выбор? Замужество и материнство или ничего?

– А разве что-то еще есть в этой жизни для женщины? Что-то действительно стоящее?

Вера чуть повернулась и посмотрела через открытую дверь в серый от дождя сад. И вздохнула – судорожно, глубоко, словно не сумев сдержаться.

– Я очень хотела ребенка, – сказала она. – Но, видишь ли, были и другие вещи... действительно стоящие. – Она слабо улыбнулась. – О да, это действительно серьезный выбор. Но не единственно возможный. Один из вариантов – стать хорошей матерью. Но, кроме него существует и еще множество различных вариантов. Человек может за свою жизнь успеть сделать не одно дело, а гораздо больше. Если проявит волю, если повезет... Мне не очень-то повезло, а может быть, я сама неправильно решила и сделала неверный выбор. Видишь ли, я не люблю компромиссов. Я отдала свое сердце мужчине, который... свое сердце отдал другой женщине. Это Саша... Александр Шульц, отец Льва. Но конечно, все это было давным-давно, до того, как вы родились. Итак, он женился, а я продолжала работать в той области, которая меня интересовала, причем интересовала всегда. Вот только мужчины, который бы меня заинтересовал так же, как Саша, что-то больше не встретилось. Но даже если бы я и вышла замуж, то неужели должна была бы просидеть в задней комнатке – с детьми или без детей – всю свою жизнь? Понимаешь, если мы так и будем сидеть в дальней комнатке и все остальное в мире оставлять на усмотрение мужчин, тогда они, разумеется, станут делать все, что угодно, и полностью заберут власть в свои руки. А с какой стати? Они ведь составляют только половину человеческой расы. Это несправедливо – оставлять им все интересные дела, которые нужно еще переделать. Несправедливо по отношению как к ним, так и к нам. А потом, – улыбка Веры стала шире, – хотя я очень люблю мужчин, но порой... они бывают удивительно глупыми! Они ведь до ушей напичканы разными теориями... Пойдут по одной прямой и не желают остановиться. Нет, это просто опасно – предоставлять мужчинам вершить все на свете. Кстати, вот одна из причин того, почему мне очень хочется вернуться домой. Хотя бы на время. Нужно узнать, какие там планы строят Илия со своими бесконечными теориями и мой дорогой Лев со своими высокими идеалами. Я давно опасаясь, что они могут начать торопиться, выберут слишком прямой путь и в итоге заведут нас всех в ловушку. По-моему, ты должна понимать: самое опасное в мужчинах, самая их большая слабость – это тщеславие. Женщине всегда присущи центристские силы, она сама является центром в семье. А вот у мужчины нет ощущения центра, он подвержен центробежным влияниям. Ну и достигает того, к чему стремится, – там, вовне, жадно все хватая, складывая вокруг себя в кучи и утверждая: ах, какой я молодец, какой умный, какой храбрый! Это все я сделал, и я еще докажу, что я – это я! И, пытаясь доказать это, мужчина может испортить множество вещей. Вот это-то я и хотела сказать, когда ты спросила меня об отце. Если бы твой отец оставался только Луисом Фалько, этого было бы вполне достаточно. Но нет, он должен быть хозяином, боссом, советником, отцом народа и так далее. Какая жалость! И Лев тоже... Он ведь тоже страшно тщеславен; может быть, в этом они с твоим отцом даже похожи. Великое сердце, но совсем не представляющее, где золотая середина. О, как бы мне хотелось сейчас поговорить с ним – хотя бы минут десять – и убедиться... – Вера давно уже забыла о шелковой нити; она печально качала головой и смотрела на лежавший у нее на коленях клубок невидящими глазами.

– Ну так идите, – тихонько проговорила Люс.

Вера озадаченно посмотрела на нее.

– Возвращайтесь в Шанти. Прямо сегодня вечером. Я вас выпущу. А завтра скажу отцу, что отпустила вас. Я тоже могу кое-что сделать – не только сидеть здесь как последняя дура, вышивая, ругаться про себя и слушать этого осла Макмилана!

Гибкая, крепкая, решительная, Люс вскочила на ноги и теперь возвышалась над Верой, которая продолжала сидеть спокойно и словно бы уменьшилась в размерах.

– Я дала слово, Люс Марина.

– Какое это имеет значение?

– Если я сама не буду говорить правду, то нечего мне ее и искать, – тяжело уронила Вера.

Обе с застывшими лицами уставились друг на друга.

– У меня нет детей, – сказала Вера. – А у тебя, Люс, нет матери. Если я могу помочь тебе, девочка, то сделаю все, что в моих силах. Но только не таким способом. Я свое слово привыкла держать.

– А я никаких слов никому не даю, – заявила Люс.

Однако покорно наклонилась, отцепила запутавшуюся нить, и Вера смотала ее в клубок.

6

В дверь стучали кнутовищем. Слышались громкие мужские голоса; где-то возле Речной Фермы кто-то жалобно кричал или плакал. Жители деревни сбились в кучку, окутанные холодным, пахнущим гарью туманом; еще не рассвело, дома и лица были едва различимы в еще не растаявшей тьме. В хижинах плакали дети, испуганные тем, что их родителями овладело смущение и страх. Люди судорожно пытались зажечь лампу, отыскать одежду, успокоить детей. Охранники из Столицы, возбужденные своей властью вооруженных среди безоружных, одетых среди раздетых, настежь распахивали двери домов, врываются в их темное теплое нутро, выкрикивали приказания крестьянам, перекликались друг с другом, грубо отталкивали мужчин от женщин, разгоняя их в разные стороны. Возможно, командовавший охранниками офицер совершенно утратил над ними контроль, поскольку они, рассыпавшись меж домов в темноте, действовали как придется. Толпа на единственной улице деревни все росла, и лишь покорность и послушание жителей не давали возбуждению и дикости превратиться в настоящий праздник насилия. Шантийцы, конечно, тоже не молчали – они громко протестовали, возмущенно спорили, задавали вопросы, но это был исключительно словесный протест. Поскольку большинство считали, что их арестовали – а в Доме Собраний все единодушно решили не сопротивляться арестам, – то люди подчинялись приказам охранников быстро и с готовностью, если, конечно, могли понять эти бестолковые приказания: взрослые мужчины выходили на улицу, женщины и дети оставались в домах; так что ошавевший офицер с изумлением обнаружил, что пленники сами собираются возле него в кружок. Когда набралось около двадцати, офицер велел четырем охранникам, один из которых был вооружен мушкетом, вывести первую группу. До этого они уже отправили две такие группы из другой деревни; и как раз сколачивали четвертую в Южной Деревне, когда появился Лев. Жена Лиона Роза прибежала в Шанти и, задыхаясь, совершенно измученная, забарабанила в дверь Шульцев с криком: «Охранники уводят мужчин! Они уводят всех наших мужчин!» Лев тут же бросился в деревню, предоставив Саше поднимать остальных жителей города. Когда он влетел на деревенскую улицу, запыхавшись после трехкилометровой пробежки, туман уже слегка начинал рассеиваться; фигуры крестьян и охранников на Южной дороге выглядели странно большими и неуклюжими в утренних сумерках. Лев напрямик, через поле, бросился к голове колонны и остановился перед тем, кто ее вел. Колонна была чрезвычайно неровной, кто-то шел бодро, кто-то отставал, и в целом это напоминало довольно беспорядочную толпу.

– Что здесь происходит?

– Собираем трудовой отряд. Вставай в строй вместе со всеми.

Лев знал этого охранника, высокого парня по имени Анхель; они примерно год проучились вместе в школе. Южный Ветер и другие девочки из Шанти тогда боялись Анхеля, потому что он вечно старался зажать их в углу и потискать.

– Вставай в строй, – повторил Анхель и, взмахнув мушкетом, приставил дуло к груди Льва. Он дышал почти так же тяжело, как и Лев; взгляд был совершенно безумный. Он как-то странно, с придыханием, рассмеялся, глядя, как мушкет, прижатый к груди Льва, ходит вверх-вниз. – Ты, парень, когда-нибудь слышал, как такая штука стреляет? Громко-громко, как плод дерева-кольца... – Он сильнее ткнул дулом ему в грудь, потом вдруг дернул ствол вверх и выстрелил в небеса.

Ошарашенный, оглушенный, Лев отшатнулся и изумленно уставился на него. Лицо Анхеля покрылось мертвенной бледностью; он с тупым видом постоял немного, потрясенный грохотом и сильной отдачей грубо сработанного ружья.

Деревенские жители в задних рядах, решив, что Лев убит, ринулись вперед; охранники, вопя и ругаясь, попытались их остановить; в воздух со скрипом и свистом взметнулись плетки, блестя в тумане отделанными металлом ручками.

– Со мной все в порядке! – крикнул Лев. Собственный голос отдавался у него в голове, казался слабым и каким-то далеким. – Со мной все в порядке! – повторил он как можно громче. Потом услышал, что Анхель тоже что-то кричит, увидел, как одного из крестьян хлестнули плеткой по лицу...

– Немедленно всем снова встать в строй!

Лев присоединился к крестьянам, которые сперва сбились в кучу, а потом, подчиняясь охранникам, выстроились по двое – по трое и двинулись дальше на юг.

– Почему мы идем на юг? Эта дорога ведет не в Столицу, так почему же мы идем по ней, а? – прерывающимся шепотом спросил один из соседей Льва, юноша лет восемнадцати.

– Они собирают трудовую армию, – пояснил Лев. – Для каких-то особых работ. Скольких они взяли? – Он все время тряс головой, стараясь избавиться от шума в ушах и дурноты.

– Всех мужчин в нашей долине. Почему мы должны туда идти?

– Чтобы привести назад тех, кого взяли первыми. Если мы воссоединимся с ними, то действовать сможем все вместе. Все будет хорошо, вот увидишь. Никто не ранен?

– Не знаю.

– Все будет хорошо. Крепись, – прошептал Лев, сам не отдавая себе отчета, и начал потихоньку пробираться в задние ряды, пока не очутился рядом с тем человеком, которого ударили плетью.

Тот шел, прикрыв рукой глаза; другой крестьянин поддерживал его за плечи, помогая идти; они были последними в колонне, едва видимой в стлавшемся по земле тумане; следом за ними шел охранник.

– Ты видеть можешь?

– Не знаю, – сказал раненый, прижимая руку к лицу.

Его седые волосы стояли дыбом, взлохмаченные и перепачканные кровью; он был в ночной рубаше и штанах, босой; его широкие обнаженные ступни выглядели странно детскими и беззащитными, когда шаркал и спотыкался о каждый камень и комок грязи.

– Убери-ка ты руку, Памплона, – встревоженно сказал ему сосед. – Мы хоть посмотрим, что у тебя там.

Охранник, шедший сзади, прикрикнул на них – то ли угрожал, то ли приказывал идти быстрее.

Памплона опустил руку. Оба его глаза были закрыты; один был невредим, второй залит кровью, струившейся из раны, пересекавшей глаз от края брови до переносицы.

– Больно очень, – пожаловался он. – Что это такое было? Я почему-то ничего не вижу. Наверное, что-то мне в глаз попало. Лион? Это ты? Я хочу домой.

Из деревень и с ферм, находившихся к югу и западу от Шанти, забрали больше сотни мужчин, чтобы начать работы в новых поместьях Южной долины. Отряд Льва достиг цели ближе к полудню, когда туман уже поднялся и плыл извивающимися полосами над Мельничной рекой. На Южной дороге кое-где были выставлены посты из охранников, которые должны были помешать возмутителям спокойствия присоединиться к отрядам, отправленным на принудительные работы. Прибывшим роздали орудия труда – мотыги, кирки, мачете – и, распределив на группы по четыре-пять человек, тут же заставили приступить к работе. Каждая из таких групп находилась под надзором охранника, вооруженного плеткой или мушкетом. Ни для работников, ни для тридцати человек охраны не было построено даже шалашей. Когда наступила ночь, они с трудом разожгли костры из мокрых сучьев и улеглись спать прямо на пропитанную водой землю. Еду им, правда, дали, но хлеб настолько размок, что превратился

в глинистую кашу. Охранники, собравшись кучкой, что-то злобно ворчали. Жители деревень тоже не умолкали. Сперва ответственный за проведение всей операции офицер, капитан Эдем, пытался запретить разговоры, опасаясь, что шантийцы замышляют недоброе; затем, обнаружив, что одна группа спорит со второй, члены которой стояли за ночной побег, он оставил их в покое. У него не было ни малейшей возможности помешать шантийцам исчезнуть в ночи по одному – по двое; разумеется, он всюду расставил посты, охранники были вооружены мушкетами, однако во тьме ничего не видели, и в такой дождь не было никакой возможности развести костры поярче. И они не успели создать «огороженную территорию» для рабочих, как им было приказано. Крестьяне хорошо справились с тяжелой работой по расчистке участка, однако проявили поразительную тупость, когда от них потребовали построить хоть какую-нибудь ограду из срубленных ветвей, а охранники ни за что не согласились бы отложить оружие, чтобы выполнить подобную задачу.

Капитан Эдем велел своим людям сторожить в оба глаза; сам он в ту ночь вообще не ложился.

Утром все, и охранники, и крестьяне, как будто были на месте, хотя двигались еле-еле в промозглой туманной сырости, и потребовалось несколько часов, чтобы костры наконец разгорелись и был приготовлен жалкий завтрак. Затем снова были розданы орудия труда – мотыги с длинными ручками, мачете из дрянной стали, кирки и тому подобное. Их получили сто двадцать человек, а остальные тридцать взяли в руки свои плетки и мушкеты. Неужели крестьяне не понимают, что могут сделать, и притом без особого труда? Капитан Эдем был потрясен. Под его изумленным взглядом они цепочкой проследовали мимо кучи инструментов, в точности как и вчера, взяв что кому требовалось, и снова принялись расчищать склон прибрежного холма от кустарника и подлеска. Трудились они не жалея сил; они хорошо умели делать эту работу, не обращали особого внимания на окрики и команды охранников и сами разделились на группы, выполняя это тяжелейшее задание. Большинство охранников выглядели злыми, продрогшими и совершенно ненужными здесь; настроены они были мрачно, с тех пор как испытали неполное удовлетворение, поднимая крестьян среди ночи, отсеивая мужчин, но не получая никакого отпора.

Лишь ближе к полудню показалось наконец солнце, однако уже к середине дня облака вновь сгустились и стал накрапывать дождь. Капитан Эдем велел устроить перерыв на обед – еще одна пайка совершенно размокшего хлеба, – и, когда к нему подошел Лев, как раз наставлял двух охранников, которых намеревался отослать в Столицу за свежим запасом продовольствия и парусиной для палаток и матрасов.

– Одному из наших людей срочно нужен врач, а двое слишком стары для подобной работы. – Он указал на Памплону, который сидел, беседуя с Лионом, и на двух совершенно седых старцев; голова Памплон была перевязана куском материи, оторванной от рубашки. – Этих троих необходимо отправить назад, в деревню.

Лев вел себя не как подчиненный с начальником, но очень вежливо и спокойно. Капитан смотрел на него оценивающе, однако без предубеждения. Анхель уже указал ему вчера на этого маленького курчавого парнишку, одного из вожаков Шанти-тауна; было совершенно очевидно, что крестьяне тоже в первую очередь смотрят на Льва – какие бы приказы им ни отдавали, как бы им ни угрожали, – ожидая, что именно скажет он. Получили ли они от него какие-то указания и как это могло произойти, капитан Эдем не знал, поскольку не заметил, чтобы Лев сам отдавал какие бы то ни было приказы; но если этот мальчишка все же является их лидером, то и капитану Эдему лучше иметь дело именно с ним. Более всего во всей этой ситуации капитана Эдема раздражало полное отсутствие какой бы то ни было структуры. Он отвечал здесь за все и тем не менее как бы не имел права распоряжаться свыше тех пределов, которые как работники-шантийцы, так и его собственные подчиненные установили для него. Охранники в лучшем случае выполняли его приказы, а теперь к тому же были глубоко разо-

чарованы и считали, что их неправильно используют; ну а с шантийцами вообще ничего не разберешь. Поразмыслив так и сяк, Эдем пришел к выводу, что полагаться может только на свой мушкет; с другой стороны, еще девять человек из его отряда были вооружены такими же мушкетами.

Так что лучше было не выбирать – тридцать против ста двадцати или один против ста сорока девяти; самое разумное в данной ситуации, очевидно, – проявить должную твердость, но без особого нажима; и ни в коем случае не лезть напролом.

– Это всего лишь рубец от плетки, – тихо ответил он молодому человеку. – Разрешаю ему пару дней не работать и полежать. А старики вполне могут присматривать за готовящейся пищей; пусть высушат этот хлеб и поддерживают в кострах огонь. Уйти нельзя никому, пока вся работа не будет выполнена.

– Рана достаточно глубокая. Он потеряет глаз, если не позаботиться вовремя. И у него сильные боли. Его совершенно необходимо отправить домой.

Капитан размышлял.

– Ну хорошо, – сказал он наконец. – Если он не может работать, пусть идет домой. Но один.

– Это слишком далеко, чтобы он смог добраться в одиночку, без помощи.

– В таком случае он останется здесь.

– Нет, нужно его отнести на носилках. Для этого потребуются четверо.

Капитан Эдем только пожал плечами и отвернулся.

– Сеньор, мы решили не работать до тех пор, пока о Памплоне соответствующим образом не позаботятся.

Капитан снова повернулся к юноше лицом, однако нетерпения не проявил, лишь внимательно посмотрел на него:

– Вы решили?..

– Как только Памплону и этих стариков отправят домой, мы тут же снова приступим к работе.

– У меня приказ Совета, – сказал капитан, – а вы обязаны подчиняться моим приказам. Ты должен как следует объяснить это своим людям.

– Послушайте, – сказал Лев без особой теплоты, но и без малейшего раздражения, – мы пока решили продолжать эту работу, потому что она действительно необходима: наше сообщество нуждается в новых земледельческих территориях, а здесь очень хорошее место для деревни. Но ничьим приказам мы не подчиняемся. Мы подчинились вашему насилию, желая избежать увечья и смертей с обеих сторон. Но в данный момент жизнь этого человека, Памплону, под угрозой, и если вы ничего не сделаете, чтобы спасти его, тогда это придется сделать нам. То же самое и по поводу двоих стариков; они не могут оставаться в дождь под открытым небом. У Старого Солнца артрит. Так что пока всех троих не отошлют домой, мы к работе приступить не сможем.

Круглое смуглое лицо капитана Эдема побледнело. Его босс, молодой Макмилан, велел ему: «Возьми пару сотен крестьян и заставь их расчищать участок на западном берегу Мельничной реки, ниже брода». И это был настоящий приказ, а дело предстояло нелегкое, однако вполне достойное настоящего мужчины и заслуживающее определенного вознаграждения. Но похоже, ответственность за порученное дело лежала на нем одном. Охранники едва подчинились ему, а жителей Шанти-тауна вообще понять было невозможно. Сперва они были напуганы и невероятно покорны, теперь же пытались приказывать ему самому. Если они действительно не боятся его вооруженных людей, то какого черта теряют время на пустые разговоры? Если бы он сам был одним из них, то послал бы все это подальше и постарался раздобыть мачете! Их же вчетверо больше, и охранники успеют убить максимум человек десять, прежде чем их поднимут на вилы и отберут все мушкеты. Эдем воспринимал поведение шантийцев

как совершенно бессмысленное и даже постыдное, недостойное мужчин. Да откуда тут, в этом диком краю, взяться самоуважению? Серая, дымящаяся от дождя и тумана река, заросшая спутанными травами болотистая долина, жидкая каша, которую полагается считать хлебом, ледяная спина, к которой прилип промокший насквозь мундир, надутые злобные физиономии охранников, спокойный голос этого странного мальчишки, который указывает ему, капитану Эдему, что нужно делать, – нет, это уж чересчур. Он передернул плечом, и мушкет оказался у него в руках.

– Послушай-ка, – сказал он. – Ты и все остальные немедленно приступите к работе. Немедленно. Иначе я прикажу тебя связать и отправить в Столицу, в тюрьму. Выбирай.

Он говорил негромко, но все остальные, и охранники, и крестьяне, тут же обратили на них внимание. Многие шантийцы встали, отошли от костров и собрались в кучки – все в черной болотной грязи, мокрые волосы прилипли ко лбам. Прошло несколько мгновений, наверное всего несколько секунд, не больше полминуты, но и этот срок показался ему очень долгим; в воцарившейся тишине слышался лишь стук дождя по сырой земле вокруг, по ветвям срубленных кустов на крутом берегу реки и по листьям хлопковых деревьев у самой воды – дробное, негромкое постукивание капель.

Глаза капитана Эдема, пытаясь охватить все разом – охранников, крестьян, груды рабочего инструмента, – встретились со взглядом Льва и замерли.

– Мы решили твердо, сеньор, – сказал юноша почти шепотом. – Что же теперь?

– Скажи им, чтоб начинали работу.

– Хорошо! – Лев обернулся. – Рольф, Ади, не могли бы вы быстренько сделать носилки? А потом вы двое и двое жителей Столицы понесете Памплону назад в Шанти. Томас и Солнце тоже пойдут с вами. Ну а все остальные пусть приступают к работе, хорошо? – И он следом за крестьянами направился к куче мотыг и мачете.

Шантийцы разобрали инструмент и неспешно двинулись вновь по склону холма, врубаясь в гущу травы и кустов, корчюя особенно упорные растения.

Капитан Эдем, ощущая под ложечкой холодок, повернулся к своим людям. Те двое, которым он прежде велел отправиться в Столицу, стояли ближе всего.

– Сперва вы будете сопровождать этих больных в деревню. А к вечеру вернетесь сюда и приведете с собой столько же здоровых. Понятно? – Он заметил Анхеля с мушкетом в руках; Анхель смотрел прямо на него. – Вы пойдете с ними, лейтенант, – сухо велел он.

Оба охранника с тупым видом отдали честь; Анхель продолжал смотреть на него открыто нагло, насмешливо.

В тот вечер у костра, где готовилась пища, к капитану снова подошли Лев и трое других крестьян.

– Сеньор, – сказал старший из них, – мы решили, что будем работать здесь ровно одну неделю; это будет нашим вкладом в общее дело. Но и столичные жители тоже должны работать с нами вместе. Сами понимаете, куда это годится, когда двадцать или тридцать здоровых мужчин стоят рядом без дела, пока мы вкалываем.

– Отведите этих людей туда, где им полагается быть, Мартин! – обратился капитан к охраннику, стоявшему на посту.

Тот выдвинулся вперед, выразительно взявшись за ручку плетки; крестьяне переглянулись, пожали плечами и вернулись к своему костру. Самое главное, подумал капитан Эдем, не разговаривать с ними и не позволять им разговаривать с тобой. Спустилась ночь, черная, с проливным дождем. В Столице дождь никогда не лил с такой силой, да и вообще там были крыши. В темноте шум дождя был поистине ужасен, он, казалось, слышался отовсюду; на многие мили вокруг, по всему этому дикому краю лил проливной дождь. Костры плевались и гасли, утопая в этих потоках. Охранники, жалкими кучками сгрудившись под деревьями и уронив свои мушкеты прямо в хлюпающую грязь, ругались и дрожали от холода. А когда наступил

рассвет, шантййцев рядом не оказалось; они растворились в ночи и в этом дожде. Не хватало также четырнадцати охранников.

С белым лицом, охрипший, побежденный, поверженный, ошеломленный, капитан Эдем собрал остатки своего продрогшего и до костей промокшего войска и отправился обратно в Столицу. Да, капитанского чина он, конечно, лишится; возможно, его даже высекут кнутом или подвергнут пытке в наказание за эту неудачу, но сейчас ему это было безразлично. Пусть они сделают с ним что угодно, только не отправляют в ссылку. Ну должны же они понять, что это не его вина! Никто, никто не смог бы справиться с подобным заданием! Ссылка была очень редким наказанием, только для самых отпетых преступников – предателей, убийц. Отправляли в ссылку следующим образом: сажали человека в лодку и отвозили далеко на побережье, высаживали там в диком краю, где не было ни души, и оставляли. Если бы сосланный осмелился когда-либо вернуться в Столицу, его подвергли бы пыткам, а потом расстреляли. Но никто ни разу из ссылки не вернулся. Они умирали в одиночестве, гибли в ужасной равнодушной пустоте и тишине. Капитан Эдем задохнулся, но продолжал шагать; глаза его неустанно смотрели вперед в надежде издали увидеть первые крыши домов Столицы.

В темноте и под проливным дождем шантййцы решили держаться Южной дороги – они бы тут же заблудились, если бы попытались группами разбрестись по окрестным холмам, чтобы сбить со следа преследователей. И дороги-то придерживаться оказалось достаточно трудно – собственно, это была даже не дорога, а широкая тропа, протоптанная рыбаками и накатанная телегами, груженными лесом. Идти приходилось очень медленно, буквально нащупывая путь, пока дождь не стал чуть слабее и не забрезжил рассвет. Большая часть шантййцев ушла из лагеря вскоре после полуночи, но к рассвету даже они преодолели чуть менее половины пути до дома. Несмотря на опасность погони, люди предпочитали оставаться на дороге, чтобы идти быстрее. Лев ушел с самой последней группой и сейчас тоже специально держался в хвосте, чтобы в случае чего громким криком предупредить остальных, и тогда те успели бы спрятаться в густом кустарнике. Особой нужды в этом, собственно, не было: не только Лев – все держали ушки на макушке и постоянно оглядывались; но для него это служило предлогом побыть в одиночестве. Ему не хотелось сейчас быть среди людей, с кем-то разговаривать. Хотелось одному встретить рассвет, когда восточный край неба засверкает над холмами влажным серебром. Лев хотел пройти этот путь наедине со своей победой.

Да, они победили. Его идеи оказались верны. Шантййцы взяли верх в этой битве, не применяя насилия. Ни одной смерти; одно ранение. «Рабы» освободились, никому не угрожая, не поднимая восстания, не размахивая мачете. А их «хозяева» бросились к своим Хозяевам – докладывать о провале, и, возможно, теперь у них будет время поудивляться этой неудаче и начать думать и видеть правду... И ведь вполне приличные люди – например, этот капитан, да и другие тоже... Когда они наконец хотя бы задумаются над тем, что такое истинная свобода, то и сами в итоге придут к ней. И тогда Столица присоединится к Шанти. А когда охранники перестанут служить им, и боссы непременно тоже откажутся от своей жалкой игры в правительство, от своих претензий на власть над другими людьми. Они тоже непременно придут к пониманию свободы – медленнее, чем рабочий люд, но тоже обязательно придут: для того чтобы стать действительно свободными, они должны сложить оружие, перестать от кого-то обороняться, выйти из-за своих крепостных стен, стать равными среди равных, стать братьями других людей. И тогда солнце свободы взойдет над миром Людей – жителей планеты Виктория – вспыхнет, как сейчас, ясным серебристым светом из-под тяжелой массы облаков. В лучах восходящего солнца каждая тень черной отчетливой полосой ложилась поперек узкой дороги и каждая лужица, оставленная вчерашним ливнем, сверкала, точно веселая улыбка ребенка.

И ведь именно я, думал Лев с восторгом, именно я говорил от их имени, именно ко мне они обратили свои взоры, и я не дал им испытать разочарование. Мы оказались стойкими! О

господи, когда он выстрелил из своего ружья в воздух, я ведь решил сперва, что он меня убил, а потом – что оглох! Но вчера при разговоре с этим капитаном мне даже в голову ни разу не пришло: «А что, если он выстрелит?» – потому что я знал: он никогда не сможет поднять ружье и выстрелить в меня, и он понимал это, и ружье для него было совершенно бесполезным... Если тебе что-то непременно нужно, то это всегда возможно. Можно выстоять. Мне выстоять удалось, нам всем удалось. О господи, как я их всех люблю, всех, всех! Я и не знал, понятия не имел, что можно быть таким счастливым!

Он спешил в светлеющем воздухе утра к своему дому, а пролившийся ночью дождь под его босыми ногами взлетал ледяными брызгами, словно короткий холодный смешок.

7

– Нам нужно больше заложников, особенно хорошо бы захватить вожakov, их лидеров. Надо разозлить их, вызвать на бой, но только не испугать, иначе они будут бояться действовать, понимаешь? Их сила именно в пассивности и в разговорах, разговорах, разговорах. Мы хотим, чтобы они нанесли ответный удар, если их лидеры окажутся у нас в руках, и тогда попытка открытого неповиновения с их стороны потерпит полный крах, а сами они будут деморализованы настолько, что можно будет делать с ними что угодно. Ты должен попытаться непременно захватить этого мальчишку – как там его? – Шульца. И еще этого Илию. И вообще всех, кто особенно любит митинговать. А ты уверен, что твои люди остановятся, если ты скажешь им «Стоп!»?

Люс не расслышала ответа Эрмана Макмилана. Ей почудилось вместо слов какое-то монотонное злобное ворчание – ему явно не нравилось, что его поучают, да еще спрашивают, понял ли он.

– Итак, постарайся взять этого Льва Шульца. Его дед считается у них одним из великих вождей. Мы можем пригрозить смертной казнью. И даже действительно казнить, если возникнет необходимость. Но лучше бы она не возникла. Если их слишком сильно напугать, они снова ухватятся за свои теории, причем намертво – ничего другого-то у них и нет. А нам нужно – но это потребует от нас терпения и сдержанности, – чтобы они предали собственные идеалы, утратили веру в своих лидеров, в их аргументы, в их мирные теории.

Люс притаилась у стены дома, под окном отцовского кабинета. Окно было настежь открыто; стояло полное безветрие, воздух был пропитан дождем. Несколько минут назад Эрман Макмилан с топотом ворвался в их дом. Он принес тревожные новости, и вскоре она услышала его гневные обвиняющие выкрики:

– ...с самого начала надо было использовать только моих людей! Я же говорил вам!

Ей очень хотелось узнать, что случилось, и было интересно послушать, как это Эрман осмеливается говорить с ее отцом подобным тоном. Однако бешеная тирада Эрмана оказалась краткой. К тому времени как она, выбежав из дому, спряталась под окном отцовского кабинета и стала подслушивать, Фалько уже полностью взял себя в руки, и теперь Эрман только злобно ворчал себе под нос: «Да-да, конечно». Так ему и надо, этому горластому Макмилану! Получил урок? Понял, кто командует в Каса-Фалько и в Столице? Однако сейчас приказания ее отца...

Люс схватилась руками за щеки, мокрые от мелкого дождя, и тут же быстро отряхнула руки, словно коснулась чего-то покрытого слизью. Ее серебряные браслеты звякнули, и она застыла, как шишечник, плотно прижавшись к стене дома, чтобы Эрман или отец, выглянув наружу, не заметили ее. Один раз, говоря что-то, Фалько подошел к окну и оперся руками о подоконник; его голос звучал прямо у Люс над головой, ей казалось, что она даже чувствует тепло его тела, так близко он был. Она испытывала огромное желание выскочить и громко крикнуть: «Бу-у!» – и в то же время судорожно подыскивала предлоги, извинения, объяснения... «Я искала наперсток... я его где-то тут обронила...» Ей хотелось громко рассмеяться, и в то же время слезы закипали у нее на глазах и комок стоял в горле, в такой растерянности она была от того, что слышала. Неужели это ее отец? Ее отец говорит такие ужасные вещи? Вера сказала тогда, что у него великая душа. Неужели человек с великой душой станет вести разговоры о том, как обмануть людей, испугать их, убить? Как их *использовать*?

Вот именно это он и делает с Эрманом Макмиланом, подумала Люс. *Использует* его.

А почему бы, собственно, и нет? На что еще годится Эрман Макмилан?

А на что годится она сама? На то, чтобы ее использовать. И отец ее тоже использовал – во имя собственного тщеславия, собственного комфорта, как используют любимого ручного зверька. Всю жизнь он использовал ее и теперь использует – для того, чтобы Эрман Макмилан

оставался ручным. Вчера вечером он приказал ей развлекать Эрмана любезными разговорами, если тому захочется поговорить с ней. Эрман, без сомнения, нажаловался – ведь она тогда от него просто сбежала. Здоровенный, жалобно ноющий бык. Да оба они быки, все они такие! С широкой грудью, с вечной похвальбой, с желанием приказывать другим и мошенническими планами.

Люс больше уже не слушала этих двоих. Она отступила от стены и стояла выпрямившись, словно ей было безразлично, увидит ее кто-нибудь или нет. Потом обошла дом кругом и через черный ход, через мирные грязные кухни и кладовые, где царила сиеста, направилась прямо в комнату Веры Адельсон.

Вера тоже прилегла отдохнуть: вид у нее был заспанный.

– Я подслушала разговор моего отца с Эрманом Макмиланом, – заявила Люс, остановившись посреди комнаты, а Вера сидела на кровати и изумленно смотрела на нее. – Они планируют налет на Шанти. Хотят захватить Льва и других ваших лидеров, посадить их в тюрьму и попробовать этим разозлить шантийцев, заставить их драться, одолеть их силой и оружием и в качестве наказания отослать большую часть мужчин на принудительные работы в новые поместья. Они уже некоторых туда отправили, но только все убежали, а может, это охранники убежали – я не очень ясно расслышала. Так что теперь Макмилан берет «свою маленькую армию» и направляется туда, а мой отец внушает ему, что нужно заставить жителей Шанти ответить ударом на удар – тогда они предадут свои идеалы и можно будет *использовать* их как угодно.

Вера по-прежнему сидела молча и смотрела на Люс во все глаза.

– Вы ведь понимаете, что он имел в виду? Ну, во всяком случае, Эрман-то понимал его отлично! Ведь в случае победы людям Эрмана достанутся ваши женщины. – Голос Люс звучал холодно, хотя говорила она очень быстро. – Вы должны пойти и предупредить их.

Вера так ничего и не сказала в ответ. Она как-то отрешенно посмотрела на свои босые ступни – не то еще в тумане сна, не то соображая что-то с такой же лихорадочной скоростью, с какой Люс говорила.

– Неужели вы даже теперь отказываетесь пойти? Неужели ваше слово все еще держит вас? После такого?

– Да, держит, – слабым голосом, словно в забытии, сказала Вера. Потом прибавила более твердо: – Да.

– В таком случае пойду я.

– Куда ты пойдешь?

Она все прекрасно поняла и спросила, только чтобы выиграть время.

– Предупредить их, – сказала Люс.

– Когда планируется налет?

– Завтра ночью, по-моему. Ночью – это я слышала, но вот не совсем поняла, какой именно.

Обе молчали. Потом Люс снова заговорила:

– Возможно, даже сегодня ночью. Они еще сказали: «Лучше застать их прямо в постелях».

Это сказал ее отец, а Эрман Макмилан в ответ рассмеялся.

– А если ты пойдешь, то... как ты поступишь?

Вера все еще говорила как бы во сне – очень тихо, часто делая паузы.

– Я все расскажу им и сразу вернусь назад.

– Сюда?

– Никто ничего не узнает. Я оставлю записку, что пошла к Эве. Впрочем, это не важно.

А если я все расскажу жителям города – что они будут делать?

– Не знаю.

– Но им ведь поможет, если они будут знать о налете заранее и успеют как-то подготовиться? Вы же говорили мне, как четко вам приходится все планировать, чтобы...

– Да. Это им поможет. Но...

– Тогда я пойду. Сейчас же.

– Люс, послушай. Подумай, что ты делаешь. Разве ты можешь уйти из Столицы среди бела дня, чтобы никто не заметил? Да и сможешь ли ты вернуться назад? Подумай...

– Мне все равно, смогу ли я вернуться назад. Этот дом переполнен ложью, – быстро и холодно ответила девушка и ушла.

Уйти было легко. Трудно оказалось заставить себя идти дальше.

Легко было взять старую черную шаль, висевшую у двери, завернуться в нее, как в плащ, спрятав лицо, и выскользнуть через черный ход, а потом по боковой улочке быстро отбежать подальше, притворившись служанкой, которая торопится домой. Легко было оставить позади Каса-Фалько, оставить позади Столицу – это даже возбуждало. Она не боялась того, что ее могут остановить. Если ее остановят, нужно лишь сказать: «Я дочь советника Фалько!» – и больше у нее не осмелятся спросить ни слова. Но никто ее не остановил. И она была совершенно уверена, что никто ее не узнал; она пробиралась боковыми улочками и переулками, самым коротким путем, ведущим из Столицы мимо школы. Она была с головой укутана в большую черную шаль, а морской ветер с дождем, который готов был, казалось, унести ее, дул в глаза и всем тем, кто попадался ей навстречу. Уже через несколько минут она очутилась на окраине Столицы, пробежала задами принадлежащего Макмиланам огромного склада пиломатериалов, мимо штабелей бревен и досок; потом поднялась на окружавшие Столицу холмы и вышла на дорогу, ведущую в Шанти-таун.

Вот тут-то и начались первые трудности. По этой дороге она ходила лишь однажды, с группой своих приятелей и в сопровождении множества тетушек, дуэний и охранников, на Праздник Танца в Доме Собраний. Это было летом, они всю дорогу болтали и смеялись, тетушка Эвы Катерина ехала на велорикше, у коляски отвалилось колесо, и тетушка шлепнулась прямо в пыль, а потом весь день у нее на заднице, обтянутой черным платьем, красовалось огромное белое пятно, так что во время выступления танцоров Люс и ее подружки все время хихикали и никак не могли остановиться... Но тогда они в сам Шанти-таун не зашли. На что он, интересно, похож? Какие у них там порядки? Кого ей следует спросить? И что она им вообще скажет? Что, интересно, они ответят ей? Да и пустят ли ее в дом, если она явилась из Столицы? Не будут ли пялить на нее глаза, насмехаться, дразнить? Нет, они вроде бы никому зла не причиняют. Но возможно, они просто не станут с ней разговаривать. Теперь она наконец ощутила, какой холодный ветер дует ей в спину. Дождь насквозь промочил и шаль, и платье у нее на спине, а подол юбки был не только мокрым, но и тяжелым от прилипшей грязи. Вдоль дороги тянулись пустые, серые, осенние поля. Когда она оглянулась, позади ничего уже не было видно, кроме Памятника – бледной унылой спицы, бессмысленно указывающей в небеса. Весь знакомый ей мир теперь лежал где-то там, за этой отметиной. Слева порой поблескивала серая река; дождь и ветер морщили ее поверхность широкими полосами.

Она скажет, что хотела, первому же встречному и тут же повернет обратно, а они пусть делают с этим, что хотят. Она будет дома самое большее через час, задолго до ужина.

Люс увидела слева от дороги среди садовых деревьев маленький крестьянский домик, какую-то женщину во дворе и несколько убавила скорость. Вот сейчас она свернет к дому, все расскажет этой женщине, и та уж сама передаст новости жителям Шанти-тауна, а она, Люс, сможет прямо отсюда вернуться домой. Люс колебалась. Потом все-таки двинулась к ферме, но вдруг остановилась, развернулась и бегом припустила прямо по мокрой траве на дорогу. «Я все-таки дойду куда надо, все сделаю сама и тогда вернусь, – шептала она. – Ну давай же, давай, иди скорее – и домой!» Она пошла еще быстрее, она почти бежала. Щеки ее пылали,

она задыхалась. Она уже многие месяцы, несколько лет не ходила так далеко и так быстро. Нет, нельзя появляться среди незнакомых людей в таком виде – красной, запыхавшейся. Она заставила себя умерить шаг, идти спокойно, выпрямившись. Во рту и в горле пересохло. Ей хотелось напиться дождевой воды, слизывая ее прямо с листьев – свернуть язык трубочкой и втягивать холодные капли влаги, что висели на каждой травинке. Но это было бы слишком по-детски. Да, дорога оказалась куда длиннее, чем она воображала. А действительно ли этот путь ведет в Шанти-таун? Вдруг она что-то перепутала и попала на одну из тех дорог, по которым лесорубы привозят в Столицу лес? Или на какую-нибудь тропу, не имеющую конца и ведущую прямо в дикие края?

Эти слова – дикие края – окатили ее холодной волной ужаса, и она застыла, словно споткнувшись.

Она оглянулась, надеясь увидеть позади Столицу – дорогую, низенькую, теплую, забитую народом, прекрасную Столицу, всю состоящую из стен, крыш и улиц, из лиц и голосов, свой дом, свой родной дом, свою жизнь, но позади ничего не было, теперь даже Памятник скрылся за пологим холмом, исчез из виду. Поля и холмы вокруг были безлюдны. Сильный теплый ветер дул со стороны пустынного моря.

Здесь же нечего бояться, уверяла себя Люс. Ну почему ты такая трусиха? Ты никак не можешь заблудиться, ведь ты идешь по дороге, а если эта дорога ведет не в Шанти, тебе нужно будет всего лишь повернуть назад, и ты так или иначе попадешь домой. Тебе не придется карабкаться по скалам, так что на горного скорпиона ты не наткнешься; тебе не придется идти через лес, так что ты не уколешься о ядовитую розу – чего же ты боишься? Здесь ничто тебе не угрожает. Здесь, на дороге, ты в полной безопасности.

Однако она шла, по-прежнему цепenea от ужаса, вглядываясь в каждый камень и кустик, в каждую купу деревьев, пока наконец, поднявшись на каменистый холм, не разглядела впереди крытые красными пальмовыми листьями крыши домов и не почувствовала в воздухе запах очага. Перед ней был Шанти-таун. Лицо ее тут же исполнилось решимости, спина гордо выпрямилась, но в шаль она куталась по-прежнему плотно.

Домишки были разбросаны среди деревьев и огородов. Домов было довольно много, однако они стояли как-то чересчур свободно, не имели вокруг ни стен, ни заборов и казались незащищенными, в отличие от столичных. Под проливным дождем вид у них был какой-то жалкий. Никого из людей поблизости не было видно. Люс медленно прошла по извилистой улочке, пытаясь решить, что лучше – окликнуть вон того мужчину или постучать в эту дверь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.